

325

ПРЕДАМЪ

ЖУРНАЛЪ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

1907

405 20/10/07
№ 7

325 w 1-3

ПРЕДЪЛЪ

ЖУРНАЛЪ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

1907

№ 7

	Стр.		Стр.
Евг. Тарасовъ. 2 стихотв.	3	Н. Поярковъ. Пьеръ Луисъ. Пѣсни Билитись.	54
А. Боровой. Реформа и революція	4	Б. Группильонъ. Ѳ. Сологубъ. Истлѣвающія личины..	55
Н. Морозовъ. Знакъ. Стих.	8	Б. Грифцовъ. Г. Чулковъ. Тайга.	56
А. Ремизовъ. Слоенокъ. Разсказъ.	8	В. Стражевъ. С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы..	57
А. Блокъ. 2 стихотв.	17	Б. Группильонъ. К. Бальмонтъ. Злые чары..	57
Антонъ Щербакъ. Духоборы въ Америкѣ.	18	А. Бѣлый. С. Соловьевъ. Цвѣты и ладанъ.	58
С. Соловьевъ. 3 стихотв.	27	А. Д—въ. І. Карякинъ. Исканія.	60
Юрій Черета. Графинюшка. Разсказъ.	29	Г. Тверской. Ю. Гончаренко. Вечерніе огни.	60
В. Линденбаумъ. 2 стихотв.	34	Ив. Выжигинъ. В. Сиповскій. Пушкинъ	61
Н. Минскій. Соціализмъ и анархизмъ.	34	А. Алескь. М. Гофманъ. Соборный индивидуализмъ.	61
Alexander. 2 стихотв.	45	И. Анненскій. Проф. Зелинскій. Соперники христіанства.	63
Б. Койранскій. Горе. Разсказъ.	46	Б. Грифцовъ. В. Свенцицкій. Религіозный смыслъ Бранда.	63
Ѳ. Сологубъ. Демоны поэтовъ.	48	А. Яценко. М. Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій.	64
К. Бальмонтъ. О жестокости.	51	С. Шумаковъ. Станиславъ. Теорія и практика анархизма.	64
Изъ жизни.	53	С. Шумаковъ. Сборники. Борьба общественныхъ силъ.	65
Библиографія:		Отъ редакціи.	66
Г. Чулковъ. Ѳ. Сологубъ. Мелкій бѣсъ.	54		

Женщина и дѣвушка.

Женщина и дѣвушка встрѣтились нежданно
Въ часъ, когда надъ городомъ день уже погасъ.
Изъ церквей отворенныхъ струились нити ладана,
Надъ темными бульварами еще не вспыхнулъ газъ.

Та, что тайну выдала, и та, что неразгадана,
Встрѣтились нечаянно въ сумеречный часъ

Дѣвушка—вся свѣтлая, вся—радость недоступная,
Невѣста нерасцвѣтшая, но близкая къ вѣнцу.
Женщина—румянами скрыла тѣни трупныя,
Что утромъ расползаются по дряблему лицу.

Дѣвушка и женщина. Святая и преступная.
Жизни не узнавшая и близкая къ концу.

Женщина шла медленно, маня, шуршала юбками,
Не прятала въ ихъ шелестъ контуровъ ноги.
Въ сумеркахъ у дѣвушки черты казались хруп-
кими,

Были торопливыми некрупные шаги.

Женщина продажная и дѣвушка съ покуп-
ками,

Встрѣтившись нечаянно, взглянули, какъ
враги.

Взглянули, какъ далекія, но первому движенію
Что-то въ нихъ отвѣтило, мелькнуло изъ-подъ
вѣкъ,

Мелькнуло незнакомое злобѣ и презрѣнію,
Пути чувствъ нашептанныхъ кто-то пересѣкъ.
Не поняли, не поняли... Чуждыя прозрѣнію,
На мигъ другъ другу близкія, далекія на-
вѣкъ.

Эта, ясноокая, въ которой недосказано
Столько словъ плѣнительныхъ, не скучныхъ ни-
когда,

И та, съ глазами тусклыми, въ которыхъ вся раз-
сказана

Повѣсть нисхожденія, безстыдства и стыда.

Не поняли, что городомъ онѣ другъ съ дру-
гомъ связаны,

Что связанными накрѣпко пребудутъ на-
всегда,

Что, чѣмъ грязнѣй объятъями женщина захватана,
Тѣмъ чище будетъ чистая въ дѣвичьей красотѣ.
И глаже будетъ проданной дорога въ гробъ ука-
тана,

Чѣмъ радости дѣвушка довѣрится мечтѣ.

Не поняли. И дѣвушка сътыю улицъ спря-
тана.

Женщина ужъ куплена, исчезла въ темнотѣ.

Евг. Тарасовъ.

Вербная суббота.

Мой забытый переулочъ
Странно праздниченъ и новъ.
Учашенный шумъ шаговъ
Въ полутьмѣ прозрачной гулокъ.
Въ переулкѣ—старъ и младъ,
Всѣ несутъ нестрашный кладъ,
Чтобы свѣтомъ безгрѣховнымъ
Непогасшихъ, хрупкихъ свѣчъ
Предъ иконами зажечь,
Въ жертву мертвымъ и безкровнымъ
Очищающій огонь.

Праздникъ вербъ—пушистыхъ, ломкихъ...
Тамъ и здѣсь мелькнетъ въ потемкахъ
Свѣчку скрывшая ладонь,
Въ свѣтѣ бѣгломъ и неровномъ
Тамъ и здѣсь блеснетъ кольцо,
Тонкій профиль вдругъ возникнетъ,
И надъ свѣчкою поникнетъ
Чье-то свѣтлое лицо.

Былъ и я такимъ когда-то,
Былъ и я когда-то малъ,
Бережливо сохранялъ
Огонекъ свой желтоватый,
Если гасъ у Бога взятый—
У сосѣда занималъ.
Я большой, не прежній, выросъ,
Не скользну тайкомъ на клирость,
Вербной свѣчки не зажгу,
Не хожу съ нестрашнымъ кладомъ,
Огонька не берегу,
Темъ разсѣвая взглядомъ
Широко открытыхъ глазъ.
Мой огонь давно погасъ.

Евг. Тарасовъ.

Реформа и революція.

ОЧЕРКИ.

„Geben sie sich weise, so fröstelt mich ihrer Kleinen Sprüche und Wahrheiten: ein Geruch ist oft an ihrer Weisheit, als ob sie aus dem Sumpfe stamme: und wahrlich, ich hörte auch schon den Frosch aus ihr quaken!..“

„Wir sind einander fremd, und ihre Tugenden gehn mir noch mehr wider den Geschmack, als ihre Falschheiten und falschen Würfel...“

F. Nietzsche.

„Въ наши дни вошло въ обычай у пасторовъ, нанявшихся прямо или косвенно, сознательно или безсознательно, обѣлять грѣхи плутократовъ, и у профессоровъ, нанявшихся прямо или косвенно, сознательно или безсознательно, воспитывать дѣтей плутократовъ въ такомъ духѣ, чтобы они продолжали грѣхи своихъ отцовъ...“

Тукеръ.

I.

Соціальный вопросъ—наиболѣе грандіозная и жгучая проблема современнаго человѣчества. Онъ—истинный властитель думъ не нашего только, но и всѣхъ грядущихъ за нами поколѣній. Красной, воспаленной полосой стоитъ онъ въ сознании человѣчества. Проблемы культуры, проблемы морали не смѣютъ обойти его. Если прежде только величавые трактаты отдѣльныхъ борцовъ мысли говорили намъ о безднахъ, которыя живутъ рядомъ съ нашимъ спокойнымъ существованіемъ, то сейчасъ уже сотни тысячъ и миллионы голосовъ ревутъ и вопятъ намъ, что далѣе такъ жить нельзя, что каждое мгновенье нашей жизни—безнравственно, что оно отравлено холодомъ смерти такихъ же людей, какъ мы.

И, вступая сознательно въ міръ, мы не можемъ войти въ него безъ содроганій, безъ страшной жажды разсѣять гнетущій насъ кошмаръ, сказать свое разрѣшающее, освобождающее слово.

Человѣчество не могло остаться и не осталось безучастнымъ къ окружающему его злу: оно накопило груды разнообразнѣйшаго матеріала для сужденія о размѣрахъ и характерѣ этого зла, оно изготовило груды формулъ, теорій, системъ для лѣченія его. Самая психика сострадающихъ людей отлилась въ двѣ ярко законченныя формы.

Одна категорія людей, проповѣдуя милость къ угнетеннымъ, рекомендуетъ всѣ болѣзни врачевать участливымъ словомъ, филантропіей, маленькими самопожертвованіями, воззваніями къ терпѣнію и здравому смыслу. Эта порода людей любитъ говорить о небесныхъ наградахъ, о будущемъ воздаяніи за страданія, если она религіозна въ пошломъ смыслѣ этого слова. Она старается усыпить человѣчество сладкими мечтаніями о будущей красивой и свѣтлой жизни или подсластить его существованіе леденцами своей крохотной философіи, если считаетъ себя достаточно позитивной и просвѣщенной, чтобы скептически относиться къ благамъ будущей жизни, о которыхъ съ пылкимъ одушевленіемъ благовѣщаютъ религіозные угнетатели.

Эта категорія людей, несмотря на величайшее разнообразіе оттѣнковъ, стоитъ за мирныя средства борьбы, допуская открытыя выступленія лишь въ качествѣ временной исключительной мѣры; но, она не остановится ни передъ возмездіемъ, ни передъ насиліемъ, если кто-либо посягнетъ на ея собственное благополучіе или самозванно непризнанными ею средствами вздумаетъ бороться съ тѣмъ зломъ, на устраненіе котораго беретъ она себѣ монополію.

Другая категорія людей не говоритъ о милосердіи, она отвергаетъ его!

Она вѣритъ въ возможность счастливой жизни для всего человѣчества; она не хочетъ знать благочестивыхъ проповѣдниковъ, представляющихъ земное существованіе, какъ вѣчную „юдоль скорби“. Она не совѣтуетъ намъ мириться съ тѣми пестрыми заплатами, которыя торопятся нашить на ихъ убогое рубище апостолы мира и терпѣнія. Она не признаетъ неизбежности страданій, не признаетъ креста и примиреній; она призываетъ къ мщенію, къ возстановленію справедливости, зоветъ къ насиліямъ и борьбѣ, когда наглый экспроприаторъ прикрываетъ наготу своихъ вожделеній молитвенникомъ, соображеніями общаго блага, парламентскими рѣшеніями. Безъ смятенія несетъ она кровь и смерть на остріѣ своего меча, ибо никогда не разитъ она невинныхъ; мечъ падаетъ лишь на того, кто посягаетъ на чужую личную свободу въ той или другой формѣ. Справедливость для нея выше жалости, ибо жалость и милосердіе къ несправедливому взрошаютъ новыя несправедливости и новое зло!

Первая категорія людей—многочисленна! Въ переднихъ рядахъ ея—всѣ тѣ, кто полагаетъ, что все—„ко благу“, кто всѣ конкретныя проявленія зла желаетъ объяснить испытаніями, ниспосланными свыше, за совершенные человѣчествомъ грѣхи. Они не остановятся передъ теоріей „моральной круговой поруки“, когда страдает невинный.

Къ такимъ фанатикамъ земного благополучія до настоящаго времени принадлежитъ ех offiціо громаднѣйшая часть всего духовенства: одни, болѣе наивные, вѣря въ свои душеспасительныя теоріи, другіе, понимая, что такое социальное-философское *passerpartout* можетъ обезпечить еще на долгое время безпечальное существованіе всѣхъ богослововъ. Пастыри ведутъ за собой цѣлое стадо пасомыхъ „вѣрующихъ“, „мистиковъ“, „лично само-совершенствующихся“ и т. п., и т. п.

Слѣдующій подвидъ этой группы составляютъ тѣ, кто, не отрицая социальной розни и классовой вражды, видитъ въ нихъ лишь временную и не необходимую особенность современнаго строя, кто источникъ всѣхъ общественныхъ золъ видитъ въ дурномъ правительствѣ, дурныхъ законахъ или недостаточномъ просвѣщеніи массъ. Хозяйственная свобода остается для нихъ неизбѣжной предпосылкой всякаго разумно и справедливо устроеннаго человѣческаго общежитія.

Они—суетливы, съ пѣной у рта накидываются на разные мелкіе непорядки, любятъ шумъ, охотно погружаются въ философіи „здраваго смысла“, „государственности“ и прочія, успокаивающія ихъ отъ тревожащей сердце и совѣсть дѣйствительности. Они прославляютъ „маленькія дѣла“, говорятъ о необходимости учета наличныхъ силъ, о трезвомъ отношеніи къ дѣйствительности. Они—брезгливы, щепетильны ко всему, что можетъ такъ или иначе замарать ихъ личную чистоту, подозрительны ко всякимъ новшествамъ, послѣдней инстанціей во всемъ считаютъ: на Западѣ—политическій катехизисъ привиллигированной части общества, у насъ—опытъ Запада. Въ конечномъ счетѣ, вся эта группа исповѣдуетъ довольно ограниченный кодексъ дешевой буржуазной морали, легко мирящейся съ возведеніемъ карточныхъ домиковъ на костяхъ ближняго.

Въ этой группѣ—всѣ, такъ-называемые „либералы“, буржуазные реформисты всѣхъ оттѣнковъ.

Наконецъ, въ третью группу этой категоріи входятъ всѣ тѣ, кто, признавая классовую борьбу за основной принципъ современной социальной жизни и зная, что мира нѣтъ и быть не можетъ, видитъ, тѣмъ не менѣе, спасеніе угнетенныхъ въ соглашеніяхъ и договорахъ съ эксплуататоромъ.

Какъ либералы—становятся они монополистами спасенія, усваиваютъ себѣ постепенно начальнический тонъ, создаютъ неумолимую партійную

дисциплину. Изъ друзей и представителей интересовъ угнетеннаго класса превращаются они въ мелочныхъ и придирчивыхъ опекуновъ; забывая о дѣйствительно жизненныхъ интересахъ опекаемыхъ, стремятся они ввести пролетаріатъ въ собственный міръ апріорныхъ, нерѣдко фальшивыхъ построений; съ непоколебимымъ упрямствомъ навязываютъ его опекаемымъ, обставляя его научнымъ аппаратомъ и грозя, что внѣ рекомендованныхъ ими средствъ нѣтъ спасенія.

Опекуны живутъ своей собственной жизнью, далекой отъ жизни тѣхъ, кого они защищаютъ, живутъ въ иной средѣ, живутъ съ другими людьми; они утрачиваютъ жесткость и непримиримость борца, становятся политиками, дипломатами; „бунтарство“ вырождается въ „салонный социализмъ“; классовая борьба сохраняется лишь какъ формально-логическій значекъ партіи, и тамъ, гдѣ прежде стояли одушевленные проповѣдники, копошатся теперь торговцы и честные маклера.

Но имъ, великолѣпно выдрвссированнымъ умственной гимнастикой, закованнымъ въ непроницаемую броню партійныхъ схемъ и партійной логики, не достаетъ обычно глубокаго практическаго смысла. Думая перехитрить своего врага, неожиданно застать его врасплохъ и вырвать такимъ образомъ желанную побѣду, они и не замѣчаютъ, что всѣ ихъ хитрости давно раскрыты, что врагъ, давно постигнувъ ихъ маневры, не боится ихъ, идетъ имъ самымъ навстрѣчу, создаетъ иллюзіи побѣдъ, не отбиваетъ лавръ ораторскихъ успѣховъ и ловко эскамотируетъ въ свою пользу перлы вражеской критики, когда утратившей блескъ, но сохранившей дѣловитость буржуазіи, становится неспособна полуфеодалная опека центральнаго правительства.

Напрасны вопли и протесты разочаровавшагося пролетаріата, противъ него немедленно двигаютъ цѣлый арсеналъ партійныхъ средствъ, его оглу-

шають рѣчами, опутываютъ программами, ослѣпляютъ непреложными выкладками и расчетами; онъ долженъ смириться предъ неумолимыми параграфами тѣхъ общеобязательныхъ кодексовъ, въ которые запротокколированы всѣ средства борьбы, возможныя съ точки зрѣнія интеллигентной кучки—партіи, засѣдающей во главѣ. Къ этой группѣ принадлежатъ всѣ фракціи парламентскихъ социалистовъ.

Вторая категорія людей гораздо менѣе многочисленна, но ей принадлежитъ будущее.

Если мы будемъ разсматривать исторію человѣческаго общества, какъ процессъ развитія личнаго творческаго начала, мы сдѣлаемъ одно цѣнное и бесспорное наблюденіе: чѣмъ болѣе приближаемся мы къ нашему времени, тѣмъ большія массы людей являются предъ нами въ роли сознательнаго творческаго агента. Въ той, прежде косной, средѣ, гдѣ вожди и герои имѣли дѣло съ мертвымъ матеріаломъ, изъ котораго по произволу или по вдохновенію могли лѣпить свои социальныя или политическіе идеалы, пробуждается сознание необходимости взять свое дѣло въ свои руки, сбросить съ себя всякую опеку равно благожелательныхъ и неблагожелательныхъ элементовъ.

„Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“—гласить старый заветъ интернаціонала.

Только тотъ, кто самъ живетъ непосредственно въ извѣстной средѣ, кто страдаетъ ея интересами, кто дѣлитъ судьбу своихъ товарищей по привычкамъ жизни, труду, лишеніямъ и побѣдамъ, только тотъ можетъ открыть истинные, соотвѣтствующіе средѣ и мѣсту, способы борьбы, только тотъ сумѣетъ избрать одушевляющіе массу лозунги.

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что человекъ, вышедшій и непосредственно изъ рабочей

среды, но вовлеченный въ политику, партійную борьбу, парламентскія сдѣлки, утрачиваетъ живую связь съ избравшимъ его классомъ даже когда защищаетъ его мандаты.

Между тѣмъ, бездны таланта, энергіи расточались и расточаются на завоеваніе политической власти, отдаляющей избранниковъ отъ ихъ среды; бездны денегъ бросаются на выборную агитацію и содержаніе избранниковъ, и развѣ мы не видимъ, какъ изо дня въ день социалистическая идея, изнемогая въ неравной борьбѣ съ буржуазнымъ обществомъ, идетъ на тяжелыя уступки, вступаетъ въ торги и сдѣлки и нерѣдко, по необходимости, поддерживаетъ своихъ принципиальныхъ враговъ, чтобы не дать овладѣть полемъ сраженія еще худшимъ.

Это, наконецъ, увидѣлъ и понялъ современный пролетаріатъ; онъ понялъ, что не быть ему свободнымъ до тѣхъ поръ, пока рабочія массы, просвѣтленныя сознаніемъ, организованныя, твердыя вѣрой въ свои силы и свою необходимость не возьмутся сами за молотъ, чтобы разбить свои цѣпи.

Онъ начинаетъ понимать, что теперь каждая отдѣльная человѣческая личность должна сама говорить за себя, заявлять свои собственные требованія, упразднять тѣ безчисленные органы, часто ненужные и вредные, которые, какъ ядовитые паразиты, высасываютъ кровь, вытравливаютъ жизнь изъ смѣлыхъ бореній личности.

Къ этой категоріи принадлежатъ всѣ тѣ, кто не идетъ ни на какія примиренія, кто отвергаетъ парламентскія формы борьбы, какъ затемняющія чистоту классоваго сознанія, кто отвергаетъ всякую чужую помощь, всякую опеку и борется самъ за свое освобожденіе; кто, написавъ на своемъ знамени борьбу и возмездіе, и въ жизни борется и мститъ, кто отвергаетъ реформу и возглашаетъ революцію.

✓ Въ этой категоріи—анархисты, тѣ формы пролетарскаго движенія, которыя хотятъ самостоятельно, не вѣря болѣе въ парламентъ и „надклассовыя“ или „внеклассовыя“ партіи, открытыми выступленіями бороться за свое освобожденіе, какъ, напримѣръ, революціонный синдикализмъ.

Въ этой бѣглой характеристикѣ мы ознакомились съ основными типами человѣческой психики, какъ она высказывается въ цѣленіи человѣческихъ страданій.

Психика мира, терпѣнія и психика борьбы, медленнаго утвержденія правды.

Первая избрала своимъ орудіемъ—парламентъ, вторая—классовую организацію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алекстѣй Боровой.

Знакъ.

(Изъ В. Гюго).

Царилъ самъ Каинъ въ грозномъ мракѣ,

Иуда тронъ его хранилъ,

И я молилъ судьбу о знакѣ,

Который путь бы мнѣ открылъ.

И данъ былъ знакъ. Свершилось чудо,

Когда на вѣрный путь я сталъ:

— Предатель! крикнулъ мнѣ Иуда,

— Убійца! Каинъ мнѣ сказалъ.

Николай Морозовъ.

Слоненокъ.

1.

Павлушка засѣлъ на второй годъ въ приготовительномъ классѣ.

Только онъ одинъ и былъ второгодникомъ.

Сидѣлъ Павлушка на послѣдней скамейкѣ у шкапчика: у шкапчика всегда второгодники сидѣли.

Мѣсто было не простое, особенное. Всякій день послѣ молитвы, когда учитель Иванъ Ивановичъ запиралъ въ шкапчикъ журналъ, чернильницу и ручку, только съ Павлушкина мѣста можно было заглянуть въ этотъ шкапчикъ. И чего-чего только въ немъ не хранилось: разныя коробочки, ножички, картинки, кораблики, раковинки, стрѣлки...

Такъ водилось: если кто изъ учениковъ приносилъ въ классъ какую-нибудь любопытную вещьцу, Иванъ Ивановичъ отбиралъ ее и прямо въ шкапчикъ.

Гимназія была старая, Иванъ Ивановичъ—старый, шкапчикъ—биткомъ набитъ.

Разъ Павлушка слоненка подсмотрѣлъ. Сѣрый слоненокъ, какъ настоящій, съ хоботомъ и клыками, а уши мягкія, большія и хвостикъ.

— Тамъ, пожалуй, и еще кто-нибудь такой сидитъ, какая-нибудь заводная машинка, пистолетъ, обезьянка...

И завертѣло: какъ бы такъ это устроить, чтобы въ шкапчикъ пробраться, потрогать чего, посмотреть и съ собой взять.

Долго ломать голову, а придумать ничего не придумалъ,—одному невозможно.

Хорошо, что Доронинъ и Воскресенскій, съ которыми сидѣлъ Павлушка, оказались ему на руку.

Доронинъ — „Трясогузка“, востренькій, розовенькій и озорничалъ, а виду не показывалъ, все оставалось шито-крыто.

Воскресенскій — „Пугало“, вихрастый и веснушчатый, лѣзь прямо на рогатину, сухъ изъ воды никогда не выскакивалъ.

Прежде всего Павлушка экзаменъ имъ задалъ, удочку закинулъ.

Повѣрилъ, и всѣ трое, какъ одинъ, сговорились.

Уговоръ лучше денегъ — чуръ! никто никого не выдастъ.

Приходили они спозаранку и приступали.

„Трясогузка“ у дверей караулилъ, Павлушка съ „Пугаломъ“ работали.

Ковыряли замокъ всякимъ предметомъ: и перомъ, и ручкой, и шпилькой, и гвоздикомъ.

Хоть бы что — дудки!

— Надо стамеской, — сопѣлъ „Пугало“.

— Винти ужъ! — подгонялъ Павлушка.

Ничего.

И бросали, и опять начинали.

Какъ-то шпилька и переломилась. Туда-сюда — пропали! Кусочекъ засѣлъ въ нутрѣ.

Пришелъ Иванъ Ивановичъ, прочитали молитву, сталъ Иванъ Ивановичъ отпирать шкапчикъ. Туго. И такъ вертѣлъ, и сякъ. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, насилиу отперъ.

— Кто? — спрашиваетъ.

Молчатъ.

Никто, какъ Павлушка съ „Пугаломъ“.

Отпирались.

Не вывезло. Хуже.

— Въ карцеръ на два часа.

Засадилъ въ карцеръ.

Сидятъ. А дума одна: какъ шкапчикъ открыть, чтобы все посмотрѣть, потрогать и съ собой взять.

— Надо подпилкомъ, — рѣшаетъ „Пугало“.

— Подпилкомъ что! — шурупомъ, раздобыть шурупъ, повинтить — и готово дѣло.

2.

На дворѣ октябрь.

Кончается четверть. Скоро станетъ Иванъ Ивановичъ баллы выводить. А у Павлушки едва тройка выходитъ. Тройка съ минусами.

Падалъ мокрый снѣгъ и, не долетая до мостовой, гдѣ-то у ногъ таялъ.

Таялъ на крышахъ, только на дровахъ дровяного двора лежалъ легкимъ бѣлымъ слоемъ.

Было скользко, ноги не слушались.

Голодный, въ длинной, сшитой на ростъ шинели, таща на уцѣлѣвшемъ ремнѣ изодранный ранецъ, плелся Павлушка домой изъ гимназіи.

И почему это онъ не можетъ, не запинаясь, какъ Медвѣдевъ, просчитать цифры? И хитрости тутъ нѣтъ никакой: веди счетъ сзади напередъ и только.

— 33, 32, 31, 30...

Вотъ и не сшибся, а тогда ни съ мѣста: сталъ перескакивать, мяться.

— Тупая голова! — сказалъ Иванъ Ивановичъ и поставилъ двойку.

— Тупая голова! — Павлушка снялъ картузь и потрогалъ себя за голову, — тупая голова... на третій не оставятъ.

— Выгонять.

Павлушка разстегнулся и, запрокинувъ голову, принялся ловить ртомъ снѣжки.

Снѣжки холодныя падали, шекотали горло. Горло сжималось.

Такъ не весело, такъ не весело, — плакать хотѣлось.

И представлялось, какъ его изъ гимназіи выгонять, какъ онъ до дому дойдетъ, какъ придетъ домой.

— А дальше?

— Дальше вотъ что,—говорилъ кто-то на ухо:— ты запришь тамъ, нѣ, приноровись, да головой бухъ въ дыру, или застрѣлись ружьемъ.

— А если не выгонять?

— На третій не оставляють.

— 33, 32, 31, 30...

— Вотъ, вотъ, здорово!

Павлушка вошелъ въ домъ.

Дома мыли полъ.

Все было подоткнуто и перевернуто.

Слонялся по столовой, отщипывалъ мякишъ.

И только послѣ обѣда, когда все уложилось и кухарка Маланья—„Аксолоть“ пошла въ баню, Павлушка присѣлъ къ своему столику, но ранца не разстегнулъ и къ книгамъ не притронулся,—завтра!

Такъ просидѣлъ онъ, пока не стало смеркаться и не ударили ко всенощной.

Уши у него горѣли, какъ на улицѣ, и ничто не занимало, думалось тяжело объ одномъ.

Стеклянный козленокъ изъ-подъ духовъ—любимецъ Павлушкинъ,—какъ повалился, когда передвигали столикъ, такъ и оставался лежать на боку.

— И пускай себѣ лежитъ, эка!

Лѣнь было руку протянуть и привести все въ порядокъ.

А Павлушка такой аккуратный. Всякую пылинку сдуетъ, соскоблитъ, подчиститъ. Старшая сестра Катя, у которой жилъ Павлушка, звала его Кро-тикомъ. Кротикъ все соберетъ, ничего такъ ва-ляться не оставитъ.

На этотъ разъ Павлушка не прибралъ столъ Кати.

— Пускай, только бы ружье достать.

3.

Въ церкви за всенощной Павлушка стоялъ сумрачно, букой. Смотрѣлъ въ темный ликъ

Божьей Матери, смотрѣлъ на драгоценные камни и жемчуга бѣлой ризы.

Разноцвѣтныя лампадки, полныя масла, разно-цвѣтно горѣли, и отъ этого свѣта играли камни и жемчуга таяли.

Но душа была въ потѣмкахъ.

Крестился, когда крестились, кланялся, когда надо было кланяться.

И чудился покойническій запахъ.

Пѣніе и молитвы выплывали изъ этого запаха и такъ плавали въ немъ.

Ладанъ не гасилъ, а распускалъ его по всей церкви.

Утромъ за обѣдней отпѣвали жену бондаря. Бондарчиха испортилась. Вотъ и не продохлось.

Впереди стоялъ бондарь въ чуйкѣ и, широко крестясь, бухался въ землю.

Павлушка и раньше слышалъ, что бондарчиха давно хворала, что ее много лѣчили и даромъ—ничего не помогало, а бондарь жаловался на обузу.

— Это онъ и бухается отъ радости, что Богъ ее прибралъ, надоѣла она ему. Думаетъ, померла и крышка, не увидитъ... Нѣ-ѣтъ! — Павлушка пискнулъ отъ злорадства; онъ зналъ, что бондар-чиха тутъ въ церкви стоитъ гдѣ-нибудь въ уголку, все видитъ, все понимаетъ, только ее не видно. Какъ въ шапкѣ-невидимкѣ.

— Надѣтъ шапку-невидимку, вынуть изъ карма-на у Ивана Ивановича ключи, отпереть шкапчикъ, вытащить слоненка... двойки переправить на пя-терки, а потомъ что-нибудь такое...

Въ алтарѣ поднялась суматоха.

Дьяконъ сиганулъ отъ жертвенника къ пре-столу, псаломщикъ, читавшій шестопсалміе, оста-новился.

Въ тишинѣ переглядывались.

Наконецъ, разрѣшилось: изъ алтаря подъ руку вывели священника.

Измученный, съ открытымъ ртомъ ткнулся старикъ заплаканнымъ лицомъ въ темный ликъ:

— Владычица, прости меня! прости меня!

И пошелъ.

Служба продолжалась, псаломщикъ читалъ. Голось его звучалъ твердо и опредѣленно. И всѣ, кто былъ въ церкви, теперь знали твердо и опредѣленно, что священникъ не вернется ужъ въ церковь, что онъ умретъ, дорогой ли, дома у себя, все равно умретъ.

— Всѣ умремъ,—говорило что-то,—умремъ, и принесутъ сюда, поставятъ тутъ передъ амвономъ...

И вспомнилось Павлушкѣ, какъ хоронили одного актера. Тоже старика. Въ церкви рассказывали, будто игралъ онъ въ театрѣ и померъ. Смерти не чаялъ, а она пришла. Смыли съ лица краску, положили его въ гробъ, принесли. Церковь была полна актеровъ, бритыхъ и чудныхъ, да актрисъ въ большихъ шляпкахъ. Когда кончилось отпѣваніе, священникъ далъ покойнику рукописание, полилъ масломъ, поклонился и пошелъ въ алтарь. А съ паперти ужъ несли крышку бѣлую, газетовую. Покрыли гробъ крышкой, стали гвозди вбивать... Жутко было. И еще было что-то, какое-то успокоеніе, увѣренность, что заколачиваютъ гвоздями и несутъ на кладбище и тамъ опустятъ въ яму, землею завалятъ не тебя.

— Не тебя! не тебя!

Тутъ всталъ передъ глазами другой случай.

Разъ зашелъ Павлушка въ церковь: тамъ покойникъ былъ. Ужъ прощались. Прощались какъ-то робко, руку не цѣловали. Только смотрѣли на эти огромныя стеклянныя руки. И вотъ женщина старая, горбатая отъ горя, одна цѣловала эти руки, цѣловала лицо, полузакрытое желтой ватой, цѣловала ротъ, изъ котораго темной струей бѣжала сукровица.

— И меня! и меня!—надрывались эти поцѣлуи единственные... не хотѣли они остановиться, не

хотѣли перестать, не могли оторваться, а имъ былъ конецъ.

— И тебя! и тебя! все равно...

— Принесутъ... Владычица! чтобы меня не приносили, чтобы не умереть мнѣ, Божія Матерь, Царица небесная, сдѣлай Ты... вѣдь я маленькій!

Павлушка сталъ на колѣни и, кланаясь до земли, кланялся въ какомъ-то испугѣ и радости.

Играли камни на бѣлой ризѣ, жемчуга таяли, ликъ Матери участливо гладилъ его.

Зналъ онъ твердо, все Она дастъ ему, ни въ чемъ не откажетъ... не будетъ двоекъ, слоненокъ у него будетъ... онъ ни въ чемъ не виноватъ...

— А бондарь виноватъ?

Бондарь, бухаясь въ землю, вытягивалъ ноги. На тяжелыхъ сапогахъ сверкали подковки.

Павлушкѣ захотѣлось подковокъ.

— Ты отними отъ него, дай ихъ мнѣ!—онъ протянулъ руку къ сапогу бондаря попробовать, не отвалились ли подковки, и, пораженный, остановился: справа и слѣва сверкали такія же подковки.

А почему у него нѣтъ подковокъ? почему только одинъ онъ стоитъ маленький, невинный и всѣмъ чужой?

И вдругъ понялъ.

Кругомъ были грѣшныя, несчастныя, грѣшныя, какъ бондарь.

Они молились... Ты ихъ услышишь!

Они просили... Имъ будетъ отвѣтъ?

— Мнѣ будетъ, я не виноватъ ни въ чемъ.

И ему до боли стыдно, что онъ не виноватъ ни въ чемъ...

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

Павлушка стоялъ, какъ пригвожденный, не засматривалъ въ окно, какъ всегда засматривалъ: не увидитъ ли свѣтъ показавшійся.

Онъ повторялъ одно слово черное, звалъ темное съ подковками съ серебряными.

— Пускай мнѣ двоекъ наставятъ, пускай меня выгонятъ, пускай меня чортъ возьметъ.

Служба кончилась.

Бочкомъ вышелъ Павлушка изъ церкви и побрелъ домой. Шелъ домой оголѣлый, распахнувшись, несъ не сердце, а комокъ слѣзъ.

Хотѣло сердце быть грѣшнымъ.

Хотѣли слѣзы плакать отъ отчаянія.

Молить... Ты ихъ услышишь!

Просить... Имъ будетъ отвѣтъ?

Хотѣлъ, чтобы чортъ сцапалъ его, посадилъ къ себѣ на закорки и пустился бы съ нимъ по бѣлому свѣту. Хотѣлъ, чтобы рука огромная стеклянная схватила его и тутъ бы на мѣстѣ прихлопнула.

Быть бы ему вотъ этимъ отходникомъ, трясущимся на бочкѣ, ѣхать бы, трястись, оборванному и голодному, въ ночь на грязную работу, нюхать этотъ отвратительный запахъ, копать въ зловонной бурдѣ.

Павлушка стремительно повернулъ съ тротуара и пустился за бочкой, стараясь, какъ можно больше, надышаться мерзостью и норовя выпачкаться.

4.

Спинка. Брюшко.

Лягъ. Лягушка.

Дѣтская игрушка.

— Пѣли — выговаривали хоромъ „Трясогузка“ тонко, Павлушка потолще, а „Пугало“ толсто, и при этомъ пальцами выдѣлывали разныя финтиклюшки, заканчивавшіяся дружнымъ кукишемъ.

— Павлушенька, — просунулся въ дверь „Аксолоть“, — поди-ка сюда, что я тебѣ скажу.

Всѣ повскакали.

— „Мухтаръ“ пришелъ, ворону приволокъ, варить что-ли?

Павлушка погрозилъ пальчикомъ, и на цыпочкахъ всей гурьбой двинулись въ кухню.

Главное, надо было все это отъ Кати скрыть, а то она еще возьметъ, да и выброситъ ворону за окошко. А объ воронѣ Павлушка давно умомъ раскидываетъ: какъ-го попалась ему одна книжка, въ которой всякіе звѣри и птицы нарисованы были и рядомъ съ птицами что-то въ родѣ смерти. „И не смерть это, — объясняла Катя, — это скелетъ, а скелетъ можно и самому сдѣлать изъ вороны“. Вотъ съ тѣхъ поръ и заѣла ворона Павлушкѣ въ голову, — коломъ не выбьешь, — захотѣлось ему непременно скелетъ устроить и чтобы скелетъ у него на столикѣ стоялъ. „Мухтаръ“, лохматый дворникъ въ валенкахъ, и весь какой-то, будто изъ валенокъ сдѣланный, толкался въ кухнѣ, кадя себѣ подъ носъ дохлой вороной.

Обступили „Мухтара“, выхватили изъ рукъ ворону.

Положили ворону на грязную табуретку изъ подъ помойной лоханки, подсучили рукава и усьлись кружкомъ на корточкахъ.

Трогали ворону пальцами, рассматривали кругомъ, расправляли крылья, потомъ за клювъ принялись, раздирали задеревенѣлый клювъ.

— Ворона старая, — сказалъ Павлушка: — ни од- того цѣлаго зуба.

— Ворона жретъ десной, у ихъ сестры зуба не водится, — „Аксолоть“ поставилъ на плиту до вер- ху полный поганный чугунокъ.

— Нѣтъ, водится, — заступился „Пугало“, — вотъ такіе въ семь аршиновъ, круглые...

— Круглые! — передразнилъ „Аксолоть“, — круг- лый-то зобъ, какъ яйцо.

— Зобъ вонъ, подъ шейкой, тамъ камни хра- нятся.

„Аксолоть“ подкладывалъ дровъ въ печку. Вода нагрѣвалась.

А ворону щипали. Перья складывали въ кучку.

Тряслись надъ каждой пушинкой, чтобы потомъ изъ вороньяго пуху „Аксолоту“ перину сдѣлать. А какъ ошипали, зажгли лучинку и стали лучинкой палить ворону, чтобы всѣ пёнушки вывести.

Вывели пёнушки, принялись потрошить.

Отломаннымъ перочиннымъ ножикомъ взрѣзали зобъ. Искали камней, но камней не было, а была какая-то вонючая и липкая труха.

Перемазались.

Не отрубая головы, положили ворону въ чугунокъ. Закипѣла ворона.

И пошелъ по всѣмъ комнатамъ такой смрадъ, хоть изъ дому бѣги.

Прибѣжала Катя, разсердилась, ворону велѣла въ сѣни вынести, а дѣтей прогнала изъ кухни.

Вотъ те и ворона!

Дѣти потащили за собой „Мухтара“. „Мухтаръ“ былъ выпимши, а когда онъ выпимши, съ нимъ весело.

— Мухтаръ, а Мухтаръ, покажи, какъ ты... это дѣлаешь?—щипали и подпихивали, напихивая на дворника вертлявую „Трясогузку“.

— Не-зя, не-зя,—отбрыкивался „Мухтаръ“.

— Да не умѣешь! да не умѣешь! да не умѣешь!—дразнили, поддразнивали дворника, пока того не прорвало.

„Мухтаръ“ облапилъ „Трясогузку“.

А „Трясогузка“ далъ подъ-ножку, вывернулся и былъ таковъ. Полетѣлъ „Мухтаръ“ къ чорту на кулички—на полъ грохнулся.

И ползя по полу, хорохорясь, представлялъ онъ и выдѣлывалъ разныя несуразности.

Грохотали отъ удовольствія, покатывались со смѣху.

— Ну, теперь спой, Мухтаръ, спой намъ, пожалуйста!

И поднявшійся на ноги, разморенный, начиналъ „Мухтаръ“ пѣсню пѣть такимъ же, какъ весь валенный, валеннымъ голосомъ:

Что же ты Матрена
Къ лѣсу не пришла,
Али ты, дурёна,
Другого нашла...

И останавливался:

— А дальше не-зя.

— Не-зя! не-зя! не-зя!

Просунулся „Аксолотъ“, позвалъ „Мухтара“: его въ сторожкѣ спрашиваютъ.

„Мухтаръ“ ругался. Дразнились вдогонку.

Чего бы это еще выкинуть? сидѣть такъ, сложа руки,—сучно. Раздумывали.

Павлушка подговаривалъ на чердакъ лѣзть, да дѣло не выгорѣло: поймаютъ, избыютъ, какъ жуликовъ.

Выдумали игру.

Пересчитались, кому водить, и начали.

„Трясогузка“ и Павлушка хлестали ремнями вскарабкавшагося на стулъ „Пугалу“, а „Пугало“ отхлестывался.

Вся игра въ томъ только и заключалась, чтобы отхлестываться.

Сначала все шло мирно, хлестались по-нарочну, потомъ перешли и по-заправду, наровя двинуть пряжкой.

Павлушка хватилъ „Пугалу“ по мордамъ. „Пугало“ не удержался и кувырнулся со стула. Кувырнулся, ударился,—заплакалъ.

Задрало.

— Нюня! Нюня! Нюня!

— Пугало! Пугало! Пугало!

— Самъ Пугало! второгодникъ!

— А твой отецъ—пропоица, сосудъ за обѣдной уронилъ.

— Пропоица! Пропоица! Пропоица!

„Пугало“ плакалъ.

И чѣмъ бы все это кончилось, одному Богу извѣстно, да за „Трясогузкой“ горничная пришла домой уводить.

Поднялся-было и „Пугало“, да опять сѣлъ.
Увели „Трясогузку“.
„Пугало“ съ Павлушкой одни остались.
И стало вдругъ Павлушкѣ стыдно, что обидѣлъ онъ „Пугалу“.

— Пугало, поди сюда!—позвалъ онъ робко.

„Пугало“ всхлипывалъ.

— Поди сюда, говорю, слышишь?

Молчалъ.

— Давай, Пугало, слоненка унесемъ!—тронулъ „Пугалу“.

— Давай.

— А какъ же мы его унесемъ.

— Стамеской.

— Стамеской не выйдетъ, долотомъ лучше.

— Долотомъ.

— А когда мы его унесемъ?

— Завтра.

— И никому не скажемъ?

— А ты дразниться не будешь?

— Я тебѣ, Пугало, козленка отдамъ, хочешь?

— Хочу.

Павлушка отыскалъ тряпочку, бережно закуталъ въ нее стекляннаго козленка, чтобы козленку холодно не было, и подалъ „Пугалѣ“.

— Вотъ тебѣ.

„Пугало“ всталъ, вихры торчали и щеки горѣли.

— Павлушка, ты... папашу... въ заштатъ выгна-ли... благочинный. Теперь, Павлушка, съ голоду помремъ.

5.

Утромъ, на слѣдующій день, Павлушка въ гимназію не пошелъ. Надѣлъ ужъ ранецъ, и подко-сило.

Поставили Павлушкѣ градусникъ. Жаръ.

Укладывали въ постель. Заартачился, не хотѣ-лось ложиться.

Пошелъ ходить по комнатамъ.

Въ окно смотрѣлъ.

За окномъ падалъ мокрый снѣгъ и, не долетая до мостовой, таялъ.

Таялъ на крышахъ, только на дровахъ у сарая лежалъ легкимъ слоемъ.

И такъ тянулось время, такъ не весело.

Такъ не весело, плакать хотѣлось.

Столикъ стоялъ сиротливо,—козленка не было. Жалко стало козленка. Зачѣмъ его отдалъ? Те-перь у него нѣтъ ничего. И у „Пугалы“ нѣтъ ни-чего... Съ голоду помретъ. И козленокъ и „Пу-гало“.

— А слоненокъ?

Закрывъ глаза, сталъ на пальцахъ гадать: при-несетъ „Пугало“ слоненка или нѣтъ?

— Нѣтъ.—Нѣтъ.—Нѣтъ.

А ну какъ слоненка никогда и не было въ шкапчикѣ, а такъ онъ его выдумалъ? И откуда взяться слоненку въ шкапчикѣ?

А если слоненокъ и на самомъ дѣлѣ сидитъ тамъ, то дастся ли онъ взять себя? Пойдетъ ли къ нему? Не всѣмъ онъ дается, не ко всякому идетъ. Къ „Пугалѣ“ пойдетъ, а къ нему?

Закрывъ глаза, завертѣлъ пальцами.

— Да.—Да.—Да.

Въ комнату Кати вошелъ настройщикъ, сталъ пианино настраивать.

— Сѣрый слоненокъ, сѣрая мордочка.

Павлушка легъ на кровать прилечь.

— Сѣрый слоненокъ, сѣрая мордочка.

И представилось Павлушкѣ, будто какой-то ма-ленькій звѣрокъ выскочилъ изъ часовъ, подползъ къ нему, понюхалъ и забѣгалъ по комнатѣ.

Бѣгаетъ звѣрокъ на одной ножкѣ, выпускаетъ паутину, путаетъ, приплясываетъ.

Хочетъ Павлушка встать, поймать звѣрка, и не можетъ.

Не можетъ ни голову поднять, ни рукой тронуть.
Бѣгаетъ звѣрокъ на одной ножкѣ, паутиной
путаешь, приплясываетъ, губой причмокиваетъ:

Чокъ-чокъ! пятачокъ,
Побѣжала въ кабачокъ.

Спуталъ ноги, спуталъ руки, путаешь тѣло.
Сердце путаешь.

— Слоненокъ, миленькій, не трогай меня!—
плачетъ Павлушка.

Но слоненокъ не слушаетъ, ему и горя мало,
все шибче, все шибче бѣгаетъ, приплясываетъ,
губой причмокиваетъ:

Напоили ее пьяну,
Уложили ее въ яму.

И вдругъ для Павлушки понятнымъ становится,
что не слоненокъ это, а чортъ.

Павлушка раскрылъ глаза испуганные, измученные.

Настройщикъ настраивалъ пианино.

6.

Корь.

Третій день, какъ она началась, и теперь жарилась во всю.

Въ первый же вечеръ забѣгала „Пугало“, принесъ Павлушкѣ заячью лапку.

Лапку положили къ Павлушкѣ подъ подушку, а „Пугало“ прогнали. Заразится.

Всѣ эти дни пичкали Павлушку противной касторкой.

„Аксолотъ“ давилъ капсюлю и, размазавъ касторку на кусочекъ черствого хлѣба, подчищалъ.

Отъ одного воспоминанія у Павлушки въ глазахъ мутилось.

Слава Богу, теперь не надо.

Пришелъ докторъ, посмотрѣлъ языкъ, пульсъ щупалъ.

Павлушка не долженъ чесаться, а то хуже будетъ.

Павлушка почесывался. Притворялся, что спитъ, и почесывался.

Вотъ вышелъ „Аксолотъ“ въ кухню, притворилъ за собой дверь плотно.

И когда совсѣмъ затихло, Павлушка соскочилъ съ кровати и, ступая босыми ногами по холодному полу, дрожа всѣмъ тѣломъ, пробрался къ зеркалу, глянулъ на себя. Зажмурился. И снова съ болью впился тяжелыми глазами на свое непохожее лицо.

Не было мѣста не покрытаго краснымъ лоснящимся пятномъ, сплывающимся съ другимъ такимъ же краснымъ и лоснымъ и съ третьимъ, вездѣ: на лбу, въ волосахъ, на носу, на груди и ниже къ пупку.

Ощерилъ Павлушка зубы не блестящіе и бѣлые, а мутные теперь, мутно-зеленоватые. Хотѣлъ языкъ совочкомъ состроить,—языкъ тяжелый, не поворачивался.

Шепталъ нестерпимо чешущимися губами и гримасничалъ.

Не узнавалъ себя.

И вдругъ острая мысль, что это не онъ, что онъ умираетъ, умереть, ударило его, и, шатаясь, отчаянный, онъ подползъ къ кровати, надернулъ на себя одѣяло и, въ страшномъ холодѣ и тоскѣ недѣтской, весь скорчился.

И ему казалось, что онъ большой, не только большой, а старый, какъ старикъ священникъ.

— Владычица, прости меня! прости меня!

Комната наполнялась ходомъ часовъ, слышалъ, какъ они ходили на высокихъ ногахъ въ валенкахъ, ходили по комнатѣ вокругъ него, шлепали:

— И тебя! и тебя! не уйдешь!

Павлушка нащупалъ подъ подушкой заячью лапку, ухватился за нее, какъ за соломинку, но не поддалась лапка, выюркнула изъ рукъ. Стала

она подъ одѣяломъ прыгать, проскочила за воротъ подъ сорочку, выпустила когти, зацарапалась.

— Лапка! лапочка!—стонать Павлушка.

Но удержу не было.

Все пришло, все сошлось, чтобы мучить Павлушку.

Прилетѣла ворона ошипанная, пустая, безъ внутренностей, усѣлась синяя надъ головой, разинула клювъ... вышелъ слоненокъ изъ шкапчика, выгнулъ хоботъ, поймалъ за ногу и потянулъ Павлушку съ кровати на полъ... на полу дьяконъ ползалъ—отецъ „Пугалы“—растерзанный, что-то красное-красное собиралъ въ горсть, чмокалъ пьяной губой, и посыпались сверху съ потолка ножички, стрѣлки, машинки, коробочки, картинки, кораблики, раковинки, бальники, двойки... стрѣляли, давили, рѣзали... крышками защемляли пальцы, царапались...

Не видѣлъ ничего, не слышалъ, летѣлъ куда-то въ пропасть, летѣлъ на закоркахъ у чорта, летѣлъ не по бѣлому свѣту, а по чортову полю.

Чортово поле.

Павлушка идетъ вмѣстѣ съ Катей по огромной, широкой каменной площади. Схватились они за руки, торопятся. И жутко и страшно имъ, и куда идутъ,—сами не знаютъ. Знаютъ, пришелъ конецъ міра. И нѣтъ имъ спасенія.

Знаютъ,—кто-то, какой-то старикъ слѣпой и гадкій стережетъ ихъ. Онъ стережетъ ихъ, поймаетъ. И нѣтъ имъ спасенія.

И чувствуетъ Павлушка, что старикъ тутъ, блѣдный, изможденный, съ зеленоватой бородой, какъ бондарь. Старикъ вспрыгнулъ на тумбу, вотъ бросится. И нѣтъ имъ спасенія.

Хватаетъ Павлушка тяжелый ломъ, бьетъ старика, бьетъ по лысинѣ, по лысинѣ. Бьетъ и чувствуетъ, что силъ ужъ нѣтъ больше, нѣтъ силъ

еще разъ поднять ломъ. А старикъ поднимается съ тумбы...

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

7.

Много недѣль провалялся Павлушка.

Вытянулся, глаза потемнѣли, и все будто вновь.

Слушать каждое слово, каждому слову радовался и предмету.

Потомъ скучища напала смертная. Никого къ нему не пускали, а самому не позволяли выходить.

Ушла осень, пришла зима.

Все бѣлое, бѣлое, снѣгъ хруститъ.

Выбѣжать бы на улицу, да въ снѣжки.

Играли другіе.

Да что толку въ окно смотрѣть, какъ играютъ другіе!

И вотъ, наконецъ, на Катины именины въ первый разъ Павлушка на волю вышелъ.

Появились „Трясогузка“ и „Пугало“.

Подъ орѣхъ раздѣлывали, чего-чего только не выкидывали.

Будетъ! Прогнали въ комнаты.

И весело же было, какъ никогда.

Пили вино красное, ѣли мороженое. Отмочили колѣнцѣ. Павлушка вымазалъ себѣ носъ табакомъ.

— Сытъ, пьянъ и носъ въ табакъ!

Вымазались „Трясогузка“ съ „Пугалой“, вымазали „Мухтара“ и „Аксолота“.

Передрались, перецарапались, а кончили миромъ.

Слоненокъ все равно ихній будетъ.

„Мухтаръ“ досталъ плоскогубцы, а плоскогубцами все можно.

Завтра пойдетъ Павлушка въ гимназію.

Завтра же они отопрутъ шкапчикъ, вынутъ слоненка. Запрягутъ слоненка въ санки, и помчится слоненокъ по улицамъ мимо гимназій въ поле.

- Мы будемъ кричать и пѣть!
- Ничего не будемъ бояться!
- Нацѣпимъ на мордочку красную ленточку!
- Порвемъ книжки и балъники!
- На край свѣта поѣдемъ!
- И гимназію къ чорту!

Алексѣй Ремизовъ.

* * *

Открылъ окно. Какая хмурая
Столица въ октябрѣ!
Забитая лошадка бурая
Гуляетъ на дворѣ.

Снѣжинка легкою пушинкою
Порхаетъ на вѣтру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотается на юру.

Жилось легко, жилось и молодое,—
Прошла моя пора.
Вонъ—мальчикъ, посинѣвъ отъ холода,
Дрожитъ среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
И будетъ, какъ всегда:
Лошадкѣ и мальчишкѣ малому
Не сладки холода.

Да и меня безъ всякихъ поводовъ
Загнали на чердакъ.
Никто моихъ не слушалъ доводовъ,
И вышелъ мой табакъ.

А все хочу свободной волею
Свободнаго житья.
Хоть нѣтъ звѣзды счастливой болѣе
Съ тѣхъ поръ, какъ запылъ я.

Давно звѣзда въ стаканъ мой канула, —
Ужели навсегда?
И вотъ душа опять воспрянула:
Со мной—моя звѣзда!

Вотъ, вотъ—въ глазахъ плыветъ, манящая,
Качается въ окнѣ...
И жизнь настанетъ настоящая,
И крылья будутъ мнѣ!

И даже все свое имущество
Съ собою захвачу!
Позналъ, позналъ свое могущество!..
Вотъ вскрикнулъ... и лечу!..

Лечу, лечу къ мальчишкѣ малому
Средь вихря и огня...
Все, все—по старому, бывалому,
Да только—безъ меня!

Александръ Блокъ.

Послѣдній день.

Раннимъ утромъ, когда люди не хотѣли шевелиться,
Сѣрый сонъ предчувствуя послѣднихъ дней зимы,
Пробудились въ комнатѣ мужчина и блудница,
Медленно очнулись въ угарѣ мглы и тьмы.

Утро копошилось. Безднажно догорѣли свѣчи.
Оплывшій огарокъ мелькалъ въ оплывшихъ глазахъ.

Сквозь холодное стекло дрожали женскія плечи.
Мужчина передъ зеркаломъ расчесывалъ проборъ
въ волосахъ.

Она была въ рубашкѣ. Утро не обмануло.
И была она сегодня, какъ смерть, блѣдна.

Еще вечеромъ у фонаря ея лицо блеснуло,
Въ этой самой комнатѣ была влюблена.

А сегодня безобразно повисли складки рубашки,
И на линіяхъ тѣла былъ сѣрый налетъ.
Углами торчала мебель. Валялись окурки, бу-
мажки.
Всѣхъ ужаснѣй въ комнатѣ былъ красный комодъ.

И внезапно—быстрѣе вьюги, ярче пожара,
Будто лучъ высокій разбилъ упорный ледъ:
Выпрямилась женщина, свободна отъ угара,
И въ окнѣ подъ обнаженной рукой зазялъ про-
летъ.

Влетѣли звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась подъ вѣтромъ, осыпая снѣгъ.
Въ церкви ударилъ колоколъ. Распахнулись фор-
точки,
И внизу сталъ слышенъ торопливый бѣгъ.

Люди суетливо выбѣгали за ворота
(Улицу скрывалъ дощатый заборъ).
Мальчишки, женщины, дворники—замѣтили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узоръ.

Бился колоколъ. Гудѣли крики, лай и ржанье.
Тамъ—на грязной улицѣ, гдѣ люди собрались,
Женщина, блудница—отъ ложа пьянаго желанья,
На колѣняхъ, въ рубашкѣ—поднимала руки ввысь.

Высоко надъ домами, въ туманѣ снѣжной бури,
На мѣстѣ полуденныхъ тучъ и полуношныхъ
звѣздъ,

Розовымъ зигзагомъ въ разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкій крестъ.

Александръ Блокъ.

Духоборы въ Канадѣ.

I. ДУХОБОРЫ.

Русскіе въ канадской англійской тюрьмѣ.

Четвертый день нашъ поѣздъ—Canadian Pacific R. R.—несется среди безконечной снѣжной пустыни. Первые дни отъ станціи Ванкуверъ (портъ Великаго океана) горы въ снѣгу. И поѣздъ не-
сется то въ туннеляхъ, проложенныхъ въ горахъ, то въ туннеляхъ, проложенныхъ въ снѣгахъ. Для послѣдней цѣли изъ желѣзнодорожныхъ щитовъ со-
оружены цѣлые корридоры. Всюду снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ, какое-то снѣжное безуміе. Послѣдніе два дня равнина. Стада антилопъ и шакаловъ изрѣдка разнообразяютъ картину. Жилья не видно. Вонъ пронесся косякъ лошадей, испуганный поѣздомъ. Тамъ пасется стадо рогатаго скота, собирая траву, торчащую изъ подъ снѣга. Но безконечная пустыня такъ велика, что эти клочки жизни нисколько не нарушаютъ величія ея. Составъ публики въ вагонѣ, что сѣла въ Ванкуверѣ, разнообразенъ. Семь индусовъ въ своихъ разноцвѣтныхъ чалмахъ, восемь индѣйцевъ (краснокожихъ) въ американскихъ рабочихъ костюмахъ, два китайца съ женами и дѣтьми въ своихъ длинныхъ черныхъ рубахахъ безъ поясовъ, три японца, одѣтыхъ по европейски, и десять бѣлыхъ. Разноязычный говоръ наполнилъ вагонъ. Но болѣе экспансивные индусы своей жестикуляціей и высокими нотами покрыли всѣхъ.

— „Много шума! Довольно!“ И этотъ грубый, какъ и подобаетъ побѣдителю, окрикъ сѣдого англичанина - пассажира на минуту водворяетъ тишину. Къ концу второго дня въ нашемъ вагонѣ осталось только три пассажира: русскій, англи-

чанинъ и норвежецъ. Въ теченіе сутокъ весь поездъ имѣетъ только насъ троихъ пассажировъ.

Наконецъ, кондукторъ прокричалъ „Редхайна“. При этой станціи расположился маленькій городокъ, въ немъ находится тюрьма, гдѣ сидятъ семь человѣкъ русскихъ—духоборовъ. До насъ, русскихъ эмигрантовъ, живущихъ въ южной Калифорніи, дошли слухи о грубомъ обращеніи и даже издѣвательствахъ тюремной администраціи надъ нашими соотечественниками. Нужно было это установить. Я отправился въ гостиницу и при помощи телефона спросилъ начальника тюрьмы—могу ли я видѣть духоборовъ и когда?

— Съ восьми часовъ принимаются посѣтителы, отвѣтили изъ тюрьмы.

Въ городѣ трамваевъ нѣтъ. Тюрьма находится въ двухъ верстахъ отъ станціи.

— Пойдемъ пѣшкомъ,—рѣшилъ я. Холодъ былъ выше 45° F. Послѣ южной Калифорніи, гдѣ, десять дней назадъ, мнѣ пришлось рвать апельсины и лимоны—былъ сборъ урожая,—холодъ Канады показался невѣроятнымъ... Казалось, самыя мысли замерзли въ мозгу. Наконецъ, я достигъ тюрьмы. Вхожу. Встрѣчаетъ надзиратель.

— Я хочу видѣть Духоборовъ,—заявляю ему.

— Сейчасъ придетъ начальникъ и разрѣшитъ. Я самъ не могу.

Редхайнская тюрьма—двухъ-этажное каменное зданіе. Въ эту тюрьму можетъ помѣститься лишь до 50 „клиентовъ“, но никогда такого числа ихъ не бываетъ. Сюда заключаютъ на срокъ не выше двухъ лѣтъ. Вся администрація тюрьмы состоитъ изъ 12 надзирателей и тринадцати начальниковъ. На доскѣ въ пріемной написаны фамиліи кліентовъ. Между ними я прочелъ:

Wasył Strolieff Василій Стрѣляевъ.

Wasył Razenzoff Василій Рязанцевъ.

Ivan Novokshonoff Иванъ Невакшеновъ.

Ivan Parapelof Иванъ Перепеловъ.

Nicol Kuchteamaroff Николай Кучмаревъ.

Larion Planidein Ларіонъ Планидинъ.

Wasył Tomelin Василій Томилинъ.

— Какъ ведутъ себя Духоборы? обращаюсь я къ надзирателю.

— Нехорошо,—отвѣчаетъ мнѣ онъ коротко, но съ чувствомъ.

Входитъ начальникъ тюрьмы, жилистый англичанинъ со взглядомъ звѣря, готового броситься на перваго встрѣчнаго.

— Я хочу видѣть Духоборовъ,—заявляю я опять.

— Я не дамъ свиданья съ Духоборами,—слышится отвѣтъ.

— Почему?

— Этотъ народъ—фанатики. Послѣ свиданья они не будутъ опять принимать пищи.

А,—думаю,—ты этого не любишь. Знаемъ, знаемъ. Значитъ и здѣсь наши соотечественники практикуютъ въ борьбѣ съ тюремнымъ начальствомъ то же рѣшительное средство—голодовку. Положительно, приходится признать это орудіе борьбы нашимъ національнымъ творчествомъ.

— Не думаю, что это будетъ такъ. Голодовка—протестъ противъ тюремнаго режима, а за свиданье они будутъ благодарны—возражаю я. Но „начальникъ“, повидимому, потерялъ голову съ духоборами, и каждый день ждалъ отъ нихъ оригинальныхъ и неожиданныхъ ходовъ, совершенно непонятныхъ для его англо-саксонской головы.

— Да вы вѣдь не знакомы съ ними?—Старается убѣдить меня начальникъ.

— Это совершенно все равно. Я хочу ихъ видѣть. Вы только одинъ можете дать разрѣшеніе на свиданіе?—дѣлаю я ходъ.

— Да, только я одинъ,—съ гордостью отвѣтилъ мнѣ тюремщикъ.

„Въ нашихъ русскихъ тюрьмахъ мы проходимъ десятки инстанцій и то добиваемся свиданій. Съ

тобой однимъ не сладить было бы позоромъ, — мелькнуло въ моей головѣ.

— Мы въ Россіи и то имѣемъ свиданья въ тюрьмахъ съ заключенными. Но то Россія, а законы вашей страны даютъ мнѣ право видѣть моихъ земляковъ. До насъ дошли слухи, что здѣсь въ тюрьмѣ жестоко съ ними обращались, и мнѣ необходимо разспросить кого-нибудь изъ нихъ, — начинаю я опять свои доказательства.

— Черезъ два дня имъ кончается срокъ. Они будутъ освобождены, и тогда говорите съ ними, — отбивается „начальникъ“.

— Позвольте. Я вамъ телеграфировалъ, прося дать разрѣшеніе на свиданіе. Мнѣ отвѣтили изъ тюрьмы, что можно. Я остался. Поѣздъ ушелъ. Я теряю сутки...

Послѣ переговоровъ, продолжавшихся цѣлый часъ, наконецъ, ко мнѣ привели Василия Томина. Отъ него я узналъ слѣдующее:

— Сидимъ мы здѣсь шесть мѣсяцевъ...

— Черезъ два дня будете свободны, — перебиваю я его. Такъ сказалъ сейчасъ мнѣ начальникъ.

Особенной радости Василій Томина не выказать.

— Сколько насъ — не знаю, — продолжалъ онъ. — Другъ друга мы мало видимъ. Сидимъ въ одиночномъ заключеніи. За что мы посажены въ тюрьму — мы не знаемъ. Первое время намъ давали въ пищу мясо. Мы не ѣли. Просили отъ него фруктовъ и овощей. Онъ намъ не далъ. А мяса мы не ѣдимъ вотъ уже 12 годовъ.

— Вы заявляли имъ, что вы вегетаріанцы, — спросилъ я, — и не ѣдите мяса давно?

— Какъ же. Онъ не обратилъ вниманія. Мы голодали шесть дней. Насъ кормили кишкой *).

*) Искусственное питаніе зондомъ.

была и водка. Потому такъ думаемъ, что охмѣлѣли послѣ того.

— Нѣтъ, водки вамъ не давали, а просто мясной наваръ такъ дѣйствуетъ на людей, долго не ѣвшихъ мяса.

— Вотъ мы ему и говорили — дай намъ фруктовъ, потому падали мы не будемъ ѣсть. Затѣмъ видить, что ничего изъ этого не выходитъ — и далъ намъ теперь ту пищу, что мы хотѣли.

— Что же теперь вамъ даютъ?

— Утромъ въ 6 часовъ даетъ овсянку. На обѣдъ и ужинъ картофель и еще чего-нибудь. Мы довольны.

— А правда, что васъ мучили? До насъ дошли слухи, и вотъ я пріѣхалъ узнать.

— Видишь ли, сказалъ съ таинственнымъ видомъ Василій Томина, мы не хотѣли работать, а онъ насъ принуждалъ...

(Фактовъ я не сообщаю до проверки).

— Мы даже тюрьмы не метемъ. Ты насъ засадилъ, лишилъ свободы, такъ и убирай за нами. Теперь насъ оставили совершенно въ покоѣ, — закончилъ Василій Томина.

— Кто вы такіе, Духоборы? — задаю я вопросъ.

— Мы — „слабодники“. Мы желаемъ жить съ людьми и животными, какъ братья. Поэтому мы и не принуждаемъ животныхъ къ работѣ. Мы ихъ ослобонили, отпустили на слободу **). Всякая животная питается отъ себя. А человѣку дано больше любви и разума, зачѣмъ же ему не питаться отъ себя, а для своего прокормленія насилловать своихъ низшихъ братьевъ, животныхъ, находящихся въ темнотѣ. Человѣкъ долженъ ихъ

**) Канальское правительство собрало выпущенный скотъ, продало и выручило 32,000 рублей. Часть денегъ, 20,000 руб., была возвращена духоборамъ, а часть, 12,000 р., правительство израсходовало при возвращеніи духоборовъ съ похода, когда послѣдніе отыскивали «свободу».

освободить. Потому и лошадь, и коровы—наши сестры. И какъ Богъ далъ намъ разумъ и любовь, то мы и должны помочь низшимъ нашимъ братьямъ.

Послѣ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія Василій Томилинъ сталъ уставать излагать свое ученіе, и я рѣшилъ прекратить свиданье. Наружный видъ этого „апостола свободы“ былъ нездоровый. Онъ весь распухъ. Онъ былъ блѣденъ. Шесть мѣсяцевъ одиночной тюрьмы наложили на него отпечатокъ. Онъ весь обросъ и обрюзгъ. Одѣтъ былъ грязно. Куртка была казенная; правая сторона отъ груди къ спинѣ одного цвѣта матерія, а лѣвая другого. Такова форма.

Мы распрощались. Я ему сказалъ, что ѣду по селамъ Духоборіи и, можетъ быть, заѣду въ его село. Онъ передалъ поклоны. Свиданіе продолжалось около часа.

Послѣ свиданья начальникъ тюрьмы сталъ излагать другую сторону ученья „свободниковъ“. Они лѣнтяи. Они не хотятъ работать. Они грязны. Они не хотятъ даже камеры свои подмести. Они какіе-то фанатики. Они не желаютъ работать ни плугомъ, ни косилкой, ни вообще машинами. Они даже сожгли одну жатвенную машину общины духоборческой, за что и попали въ тюрьму. Они не ѣдятъ мяса и, главное, не подчиняются тюремному режиму: фанатики, однимъ словомъ.

Невольно приходится сопоставить этихъ представителей двухъ народностей и двухъ культуръ.

Начальникъ тюрьмы—выхоленный англо-саксъ. Для него все ясно. Никакихъ сомнѣній ни въ области внутренней, ни во внѣшней у него нѣтъ. Современная цивилизація уже отвѣтила на всѣ его запросы. А главное, дала ему возможность нагулять тѣло, выхолить, одѣтъ его чисто и красиво. Откуда все это—ему нѣтъ дѣла. Поэтому онъ и не шатается по тѣмъ тропин-

камъ жизни, которыя ведутъ къ сомнѣніямъ, будятъ человѣческую мысль, ломаютъ прежніе устои жизни отдѣльныхъ личностей, а зачистую и цѣлыхъ народностей, и тѣмъ или инымъ путемъ создаютъ новыя формы жизни. Этотъ англо-саксъ проводить въ жизнь готовыя формы. Сомнѣній у него быть не можетъ, и потому онъ проводить эти формы тюрьмой, насильемъ...

Представитель міросозерцанія „римскаго права“, онъ не можетъ снизить и понять психологіи народовъ „обычнаго права“ и вообще другихъ формъ жизни. Для него все это будетъ только фанатизмъ, глупость, звѣрство и непониманіе...

И, съ другой стороны, русскій крестьянинъ, темный человѣкъ въ современныхъ наукахъ, но чувствующій всѣми фибрами своего бытія „неправду жизни“. И онъ рѣшаетъ освободиться отъ всякой неправды жизни. Неправда жизни прежде всего и тяжелѣе всего давить его, земледѣльца, безконечной тяготой земли. Онъ ищетъ путь дорогу къ свободѣ. Накопленная вѣками энергія не знаетъ удержу, и онъ рѣшительно и смѣло идетъ прямо къ цѣли. Въ поискахъ онъ не щадитъ ни себя, ни удобствъ. Заповѣдь „не убій“ давно уже стала достояніемъ людей. Онъ идетъ дальше. Онъ не убиваетъ животныхъ, какъ части творчества природы. Онъ вегетарианецъ. Онъ не убійца животныхъ. Но они работаютъ на него. Работа по принужденію тяжела и мучительна. Онъ знаетъ это. Испыталь самъ. Итакъ, онъ является мучителемъ животныхъ. Еще одно усилие духа... И онъ даетъ свободу животнымъ. Онъ перестаетъ возить, пахать лошадьми, быками... Онъ за 40 миль везетъ на себѣ телѣгу, нагруженную зерномъ, для ссыпки въ элеваторъ, чтобы потомъ купить муки. Онъ даетъ свободу всему скоту, и за околицей села со слезами разстается съ нимъ и благодаритъ за всю его работу на себя.

И такъ, вокругъ него свобода! Онъ свободенъ, свободны и его меньшіе братья—животные. Но люди, его ближайшіе братья, мучатся въ копяхъ, рудникахъ, лишены дневного свѣта, и роются тамъ, какъ кроты. А онъ „свободникъ“ и стремится освободить все живущее на землѣ. Рудники полны людьми для его же пользы, для пользы и удобствъ „свободника“. Они достаютъ тамъ уголь, желѣзо и прочіе металлы. Онъ перестаетъ носить металлическія пуговицы и, наконецъ, бросаетъ плугъ. Онъ отказывается отъ хозяйства. Онъ не желаетъ участвовать въ преступленіи. Онъ странникъ. Онъ питается тремя чайными чашками пшеничнаго зерна и двумя-тремя сырыми картофелинами въ теченіе дня. Но жена, дѣти, семья? А онъ рѣшилъ добиться свободы полной. Еще одно усиліе духа... Онъ чувствуетъ, что онъ не свободенъ отъ самого себя. Отъ страстей животныхъ. Отъ желаній пола. И вотъ, не останавливаясь предъ самыми интимными узами мужа и жены... онъ отпускаетъ свою жену. Онъ разрѣшаетъ ей зачать ребенка отъ того, кого сама она пожелаетъ, дабы не прекратился родъ людей.

Самъ бросаетъ всякія чувственныя желанія и отказывается имѣть жену. Но правды жизни, того спокойствія духа, къ которому стремится онъ,— онъ еще не знаетъ.

Многое онъ поднялъ, но онъ рѣшилъ взять все.

Онъ желаетъ земного рая.

Небесный рай—удѣлъ земныхъ рабовъ. Онъ знаетъ это.

Онъ слышалъ: Адамъ, Ева, рай...

Онъ сбрасываетъ одежду. Тѣло, вѣдь, „храмъ Божій“.

И зачѣмъ ему скрывать его?!

Онъ обнаженъ.

Онъ не стрижетъ своихъ волосъ.

Онъ не желаетъ уродовать „храма Божія“—тѣла человѣка...

Онъ достигъ рая на землѣ.

Съ ясными лицами, съ улыбкой на устахъ, съ пѣніемъ „оружіе долой“ (Пѣсня свободы)*), „сво-

*) Пѣсня свободы.

(Мирная марсельеза).

1. Впередъ, товарищи, ступайте,
День славный наступилъ для васъ.
Оружье вдребезги ломайте.
Убійцы не будутъ среди насъ.
Впередъ идите, всѣ народы
Давно васъ ждуть на братскій пиръ,
И пусть подъ знаменемъ свободы
Для всѣхъ настанетъ вѣчный миръ.

Хоръ: Оружіе долой! Солдаты по домамъ!
Впередъ, впередъ! И пусть весь міръ отчизной будетъ намъ!

2. Зачѣмъ эти ружья и пики?
Не надо штыковъ и мечей,
Кровавыхъ разбоевъ улики,
Наслѣдіе злыхъ палачей.
Нѣтъ, нѣтъ, не подымутся руки,
Мы братскую кровь не прольемъ,
Довольно насилья и муки,
Мы пѣсню свободѣ поемъ:

Хоръ: Оружіе долой! Солдаты по домамъ!
Впередъ, впередъ! И пусть весь міръ отчизной будетъ намъ!

3. Долой всѣ границы, заставы,
Для братьевъ весь міръ—общій домъ.
И власти долой и державы...
Мы пѣсню свободѣ поемъ.
Всѣ крѣпости, тюрьмы разрушимъ,
Оковы родимой страны,
И факелы злобы затушимъ
Дыханіемъ мирнымъ весны.

Хоръ: Оружіе долой! Солдаты по домамъ!
Впередъ, впередъ! И пусть весь міръ отчизной будетъ намъ!

4. Весеннее солнце сіяетъ.
Ждетъ пахаря поле давно,
Оружье изъ рукъ выпадаетъ,
И падаетъ въ землю зерно.
Пусть тучи надъ нами нависли;
Пусть дикіе вихри ревутъ;

бодники“ идутъ и проповѣдуютъ о наступленіи „царства Божія“ на землѣ.

И попадаютъ въ тюрьму, гдѣ мы и находимъ ихъ.

II. ДУХОБОРЫ. ОБЩИНА.

Чтобы попасть въ канадскую Духоборію по линіи Canadian Pacific R. R. съ запада, нужно доѣхать до станціи Rostern.

Между станціями Редхайна и Ростернъ, отстоящими другъ отъ друга на 200 миль, тянется сплошная равнина. Скотъ и здѣсь ходитъ по снѣгу въ поискахъ за прошлогодней травой. Стада антилопъ перемѣшались съ домашнимъ скотомъ и пасутся вмѣстѣ. Но вотъ послышался непривычный шумъ, и антилопы понеслись подобно вѣтру, а скотъ остался и спокойно собираетъ кое-гдѣ торчащую траву. Вдали на горизонтѣ виднѣется поселокъ.

— Скажите пожалуйста—обращаюсь къ своему

Намъ зерна могучія мысли
Обильную жатву дадутъ.

Хоръ: Оружіе долой! Солдаты по домамъ!
Впередъ, впередъ! И пусть весь міръ отчизной будетъ намъ!

5. Сквозь бурю, грозу, непогоду,
Подставивъ открытую грудь,
Идемъ мы за свѣтъ и свободу,
За мирный и радостный трудъ.
Развейся, свободное знамя,
Свободное знамя труда!
Могучее доблести пламя
Не гасни въ сердцахъ никогда!

Хоръ: Оружіе долой! Солдаты по домамъ!
Впередъ, впередъ! И пусть весь міръ отчизной будетъ намъ!

случайному сосѣду-пассажиру,—какой народъ живетъ въ этомъ селеніи?

— А это менониты изъ Россіи. Они одни у насъ живутъ селами. Находятъ такъ удобнѣй.

— Вотъ слѣдующая станція расположена среди такого поселка. Тамъ будемъ и обѣдать,—отвѣтилъ мнѣ спутникъ.

— А живутъ богато?—любопытствую я.

— Лучше всѣхъ живутъ въ округѣ. Наши, галичане, такъ не могутъ. Вотъ на сѣверѣ такъ еще живутъ духоборы. Крѣпкіе люди эти духоборы. Мяса не ѣдятъ, табаку не курятъ, не пьютъ. Бѣдныхъ у нихъ нѣтъ. Всѣ одинаковы. Хорошо живутъ, однимъ словомъ.

— Такъ мы съ вами земляки, я тоже изъ Украины. А почему галичанамъ не жить вмѣстѣ, какъ духоборы, видя примѣръ?—задалъ я вопросъ.

— Э, нашъ народъ до того не привыченъ. У духоборъ и бабы не такія, какъ наши. Наши бабы давно уже перелаялись бы. А духоборки держатся „общины“, какъ „репьяхъ кожуха“. И мужики тянутъ за ними. Я работалъ съ духоборами. Дружный народъ, что и говорить. А какъ стоятъ другъ за друга! Сегодня работаетъ 200—300 человѣкъ вмѣстѣ. Одному боссъ (хозяинъ) отъказываетъ—всѣ 200 душъ бросаютъ лопатки и уходятъ. Такъ ихъ и знаютъ. Никто ихъ и нетрогаетъ.

— А работать съ ними трудно?—задаю вопросъ.

— Нѣтъ, они не надрываются надъ работой, и тебя останавливаютъ, если гонишь очень. „Будешь гнать, не выдержишь, скажутъ тебѣ,—часовъ много впереди. Сегодня черезъ силу будешь работать, завтра, а тамъ и въ больницу. А послѣ больницы какой же ты работникъ?“

Умный народъ.

— Зайдешь къ нимъ въ селеніе—накормятъ и на дорогу дадутъ хлѣба,—слышится съ сосѣдней скамейки по-украински.

— И вы галичанинъ?—спрашиваю я. Оказывается половина пассажировъ славянскаго племени. Нашелся одинъ духоборъ.

И до самаго Ростерна мы имѣли митингъ на русскомъ языкѣ. Вообще въ этой части Канады русская рѣчь звучитъ такъ же часто, какъ и англійская. Въ Ростернѣ, маленькимъ городкѣ при станціи, всѣ говорятъ по-русски: прикащики въ магазинахъ, ссыпщики въ элеваторахъ и вообще торговый людъ.

Духоборы, славяне изъ Австріи и менониты изъ Россіи заставили принять этотъ языкъ и ввели его въ употребленіе. При станціи Ростернъ одинъ духоборъ, вышедшій изъ общины, открылъ заѣзжий дворъ. Теплая конюшня для лошадей, при ней изба, гдѣ и спятъ фермеры, попавшіе за дѣломъ въ городъ. Самъ же Николай Степановичъ Поповъ, хозяинъ двора, живетъ въ другой избѣ. Вотъ въ эту-то избу вечеромъ и собиралось насъ нѣсколько человѣкъ: четыре духобора - общинника изъ ближайшихъ селъ и двое уже вышедшихъ изъ общины и живущихъ на фермахъ своимъ личнымъ хозяйствомъ. Разговоръ, конечно, начался съ событій въ Россіи. Пришлось рассказать, какъ русскій народъ добываетъ себѣ свободу, съ одной стороны, и какъ бюрократія употребляетъ всѣ усилія, чтобы не выпустить власти изъ своихъ рукъ, съ другой. И война эта внутри Россіи идетъ уже два года.

— А мы тутъ думаемъ, что послѣ японской войны въ Россіи тихо,—замѣтилъ общинникъ - духоборъ.—И тогда наша душа наболѣлась вдоволь.

— Вотъ пойдѣ ты. На войну мы не ходимъ, признаемъ это за убійство, а все-таки, когда русскихъ японцы били, душа, братецъ ты мой, болѣла, да какъ еще болѣла!—произнесъ хозяинъ нашъ, Николай Семеновичъ Поповъ.

— Что говорить! Кровь, братецъ сказывается. Кровь не пустое дѣло,—согласились всѣ.

— Мало того. Когда русскій бралъ верхъ, да же стыдно сознаться, радостно какъ-то было. Вотъ пойдѣ ты, разбери. А на войну не ходимъ. Убійства не признаемъ,—размышлялъ вслухъ Николай Семеновичъ. Онъ былъ изъ „свободниковъ“. Выгналъ свой скотъ на свободу и участвовалъ въ большомъ походѣ на Виннипегъ, когда полторы тысячи душъ съ женами и дѣтьми, побросавъ хозяйство, деньги и одежду, пошли отыскивать „слабоду“ и теплый климатъ. Николай Семеновичъ былъ поэтъ въ душѣ по-своему. Онъ любилъ анализировать каждый свой внутренній процессъ. На это у него уходило много силъ и остатка оказалось мало, чтобъ нести „суровость“ духоборческой общины. Онъ вышелъ и вотъ поселился въ Ростернѣ и открылъ кузницу. Но выработанные устои прежней жизни хранить. Не пьетъ, не куритъ, не ѣстъ мяса. Теперь онъ поглощенъ вопросомъ, какъ прокормить семью: жену и троихъ дѣтей. Вотъ постоянный дворъ и кузница помогаютъ ему сводить бюджетъ.

— Ну, а какъ ты полагаешь, скоро въ Россіи порядокъ установится. Вѣдь нехорошо же другъ дружку убивать! Вѣдь эта война похуже еще японской?—задалъ вопросъ общинникъ.

— Да какъ сказать. До тѣхъ поръ, пока народъ не возьметъ полную свободу, пока не создастъ такого порядка, который нуженъ ему, необходимъ и безъ котораго онъ жить не можетъ,—отвѣтилъ я.

— Ой, долго, значить, еще будетъ литься кровь. До „слабоды“ человѣка далеко еще,—замѣтилъ нашъ хозяинъ.—Мы тоже вонъ искали „слабоду“, да такъ ни съ чѣмъ и остались.

— Вы взяли ужъ очень далеко. Сразу на высокую гору хотѣли взлѣсть. Однимъ духомъ. Ну, конечно, и сорвались,—замѣтилъ духоборъ - общинникъ. А тамъ, въ Россіи народа нашего много. Тамъ весь нашъ народъ, може и добьются. Не вѣрится только намъ—не тѣмъ путемъ пошли.

— Вотъ видишь, братъ, и мы не тѣмъ путемъ, и тамъ не тѣмъ путемъ,—значить, ты знаешь,—чего-жъ сидишь? Шелъ бы, мы бы тогда увидѣли, какой твой будетъ путь,—спокойно отвѣтилъ ему нашъ хозяинъ. Вотъ только нехорошо людей убивать, а „свободу“ искать слѣдуетъ. Помогай имъ Богъ!

— Да и мы тогда домой повернули бы. А здѣсь хоть и можно жить, да все, какъ-то, гостемъ дѣло. Дай Богъ, чтобъ успокоилось скорѣе,—замѣтилъ одинъ изъ фермеровъ.

— Вотъ ты спросилъ, каковъ нашъ путь. Мы, общинники,—мы свое дѣло знаемъ,—отвѣтилъ старый общинникъ. Духоборы живутъ общиной, частной собственности у нихъ нѣтъ,—все общее. Лошади, скотъ, земледѣльческія орудія—все принадлежитъ общинѣ. Лошади и коровы стоятъ въ общественныхъ теплыхъ конюшняхъ*) зимой. Лѣтомъ коровы пасутся въ общемъ стадѣ. Овцы зимой находятся въ общей кошарѣ при каждомъ селеніи.

Лѣтомъ вся волость изъ 13 селъ сгоняетъ овецъ въ одну „отару“, и цѣлое лѣто онѣ ходятъ вмѣстѣ. Куры—въ общественномъ курятникѣ при каждомъ селеніи, и яйца идутъ прежде всего больнымъ, затѣмъ дѣтямъ, а потомъ и всѣмъ. Коровъ доятъ „сестры“ сообща и молоко дѣлятъ стаканами на каждую душу. Причемъ дѣтей принимаютъ, главнымъ образомъ, во вниманіе. Во многихъ селеніяхъ введены и общественныя хлѣбопекарни. По очереди, двѣ сестры пекутъ хлѣбы утромъ и

*) Это результатъ движенія «свободниковъ». Послѣ этого движенія духоборческая община рѣшила, что работать лошади можно. Но слѣдуетъ на нихъ смотрѣть, какъ на товарищей по работѣ: кормить ихъ нужно хорошо и въ дни, когда морозъ выше 20°, совсѣмъ не выѣзжать, а держать лошадей въ теплыхъ конюшняхъ. Нигдѣ я не видалъ такихъ сытыхъ лошадей, какъ у духоборъ. Овса они почти не продаютъ и лошади ѣдятъ овса, сколько смогутъ, а не мѣрой.

вечеромъ. Всякая общинница приходитъ и беретъ хлѣба столько, сколько ей нужно для семьи. Картофель и вообще овощи еще съ осени община разноситъ по домамъ въ погреба, чтобы каждому было съ избыткомъ. Каждую весну выбираютъ остатокъ изъ погребовъ и продаютъ. Деньги идутъ въ общую кассу селенія. Хлѣбъ въ зернѣ, что предназначенъ общиной каждаго селенія въ продажу, отправляется зимой или весной, и деньги идутъ въ общую кассу селенія.

Вся Духоборія раздѣляется на волости для собственнаго своего самоуправленія. Канадское правительство оставило ихъ въ покоѣ. Мы находимся сейчасъ въ волости Prince-Albert. Въ ней 13 селъ. Народонаселенія свыше 1500 душъ. (Точной статистики нѣтъ). Вся волость управляется съѣздомъ уполномоченныхъ отъ каждаго селенія—это и есть волостное собраніе. Оно собирается по мѣрѣ надобности. Уполномоченный избирается всѣмъ наличнымъ населеніемъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избранія, конечно, открытаго. Последнее время женщины не только участвуютъ въ выборахъ уполномоченныхъ, но и сами могутъ быть уполномоченными. При чемъ проводится та идея, чтобы на съѣздахъ какъ волостныхъ, такъ и общедухоборческихъ—последніе бывають ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ,—выборныхъ было трое (3) отъ каждаго селенія—двое мужчинъ и женщина. Практика жизни показала, что женщина лучше можетъ выяснить интересы „сестеръ“. Всѣ мужчины у духоборовъ именуются „братьями“, а женщины „сестрами“. Вся же Духоборія носитъ названіе „Христіанская община всемірнаго братства“.

Въ каждомъ селеніи законодательный органъ есть собраніе самаго селенія, которое можетъ быть собрано въ теченіи пяти минутъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Уполномоченный и является предсѣдателемъ. Право голоса принадле-

жить всѣмъ. Нужно сознаться, что женщины, даже среди духоборъ, какъ-то мало питаютъ интереса къ общественнымъ дѣламъ, и я почти не видѣлъ женщинъ среди собранія, куда попалъ.

Женщины среди духоборъ занимаютъ вполне почтенное мѣсто. О неравенствѣ половъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ крестьянской и вообще рабочей средѣ, гдѣ женщина несетъ на себѣ вполне половину „тяготы“ семейной—она, конечно, пользуется и полнымъ голосомъ въ семьѣ. Среди духоборъ „сестры“ имѣютъ рѣшающій голосъ въ своихъ женскихъ дѣлахъ.

При закупкѣ одежды, обуви и прочаго для всей общины селенія, „сестра“—уполномоченная ѣдетъ и выбираетъ вмѣстѣ съ уполномоченнымъ „братомъ“ то, что скажутъ женщины на собраніи и что собраніемъ будетъ утверждено.

Въ жизни духоборы-„братья“ не только не стремятся лишить голоса „сестеръ“ въ общественныхъ дѣлахъ, какъ то мы видѣли недавно въ англійскомъ парламентѣ, но сами ихъ приглашаютъ къ участию въ законодательныхъ сѣздахъ, признавая ихъ чисто-женское вліяніе, смягчающее какъ суровость жизни, такъ и рѣшенія сѣздовъ.

Нужно сказать, что самое существованіе „общины“ покоится на духоборческой женщинѣ. Она, и главнымъ образомъ она является устоемъ самой общины.

Материнскій инстинктъ, занимающій въ психологіи женщины такую крупную роль, при общинной формѣ жизни находитъ для себя вполне подходящую обстановку.

Дѣти здѣсь являются не только предметомъ заботы отца, котораго дѣти называютъ уменьшительнымъ именемъ Васи, Вани, и матери, которая именуется „няней“, но и всей общины.

И пріятно наблюдать, какъ старый и малый въ общинѣ заботится о дѣтяхъ. „Наши дѣти“, говорятъ общинники, и это не слова. Молодежь 20—30

лѣтъ уходитъ на работы къ американцамъ каждое лѣто. Тамъ знакомится съ языкомъ, обычаями и нравами. Зимой, по возвращеніи домой, молодежь передаетъ всѣ свои знанія этимъ „нашимъ дѣтямъ“, кромѣ гостинцевъ. О старикахъ и говорить нечего. Тѣ положительно ходятъ за дѣтьми, какъ насѣдки.

— Нашъ дѣтенокъ,—говоритъ почтенный сѣдой Ваня, лѣтъ подъ 70.

— Какъ нашъ? Вашъ внукъ?

— Да нѣтъ. Нашъ дѣтенокъ. А кто его мать, не все-ль равно. Много ихъ въ нашемъ селеніи и дѣтей и матерей. А дѣтенокъ нашъ, это я знаю.

Дѣти совершенно никого не боятся. Для нихъ всѣ—„Вани“, „Васи“, „Миши“. Духоборческія дѣти производятъ пріятное впечатлѣніе своей общительностью и независимостью.

Духоборы, понимая значеніе женщины и ея заслуги, такъ сказать, въ смыслѣ творчества устоевъ общины, употребляютъ всѣ усилія, чтобы облегчить работу „сестеръ“. Положительно въ каждомъ селеніи имѣется 2—3 сноповязалки, и сжатый хлѣбъ изъ-подъ такихъ машинъ выходитъ и связаннымъ. Это совершенно устраняетъ участіе женщины въ „страдѣ“—самой тяжелой работѣ, выпадающей на долю русской женщины-крестьянки. На такое рѣшеніе духоборческой общины имѣли вліяніе, съ одной стороны, условія труда вообще женщины въ Америкѣ, а съ другой—и ея положеніе тамъ.

Въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ женщина, вообще, не участвуетъ въ полевыхъ работахъ. Машины, развитіе которыхъ въ Америкѣ достигло огромныхъ размѣровъ, помогаютъ фермеру обойтись безъ женскаго труда.

И женщина все свое время посвящаетъ на содержаніе дѣтей, мужа и дома въ чистотѣ и опрятности. Духоборы, конечно, должны были считаться съ окружающими условіями жизни.

Но устройство общинныхъ хлѣбопекаренъ, а въ нѣкоторыхъ селахъ и общинныхъ столовыхъ, еще болѣе облегчаетъ тяготу „женской доли“ духоборческихъ сестеръ. Это уже есть творчество самихъ духоборъ, и въ Америкѣ ничего подобнаго нѣтъ.

Исполнительный органъ cadaго селенія—староста. Но слово „староста“ такъ ненавистно духоборамъ по воспоминаніямъ о старостахъ, избравшихся въ Россіи по приказанію бюрократіи, что они уничтожили и самое слово, замѣнивъ его: „уполномоченный“. Однако, слово „староста“, въ силу долготѣней привычки, такъ и срывается съ языка духобора. Въ каждомъ селеніи есть еще „уполномоченная“. Она вѣдаетъ чисто женскія дѣла, напримѣръ, смотритъ за чистотой при доеніи коровъ, когда сестры доятъ въ общественномъ скотномъ дворѣ. Она слѣдитъ, чтобъ были подмыты дойки, послѣ доенія сухо вытерты и пр.

И уполномоченный (староста), и уполномоченная выбираются, какъ сказано раньше, всѣмъ населеніемъ деревни.

Хлѣбъ и вообще все питаніе добывается дома, и общинѣ совершенно не нужно прибѣгать къ помощи города для прокормленія своихъ членовъ. Напротивъ, какъ хлѣбъ въ зернѣ, такъ и овощи она даетъ городу. Но нѣкоторые предметы потребленія, которые она не производитъ и получаетъ извнѣ, она достаетъ такъ: По выбору общины всего селенія мужчина и женщина ѣдутъ въ городъ и покупаютъ все, что нужно,—платье, кожи для обуви (каждое селеніе имѣетъ свою мастерскую для обуви), чай, сахаръ, керосинъ.

Такъ обстоитъ дѣло въ волости Prince-Albert. Въ настоящей же Духоборіи, которая расположена хотя въ той же провинціи Saskatchewan, но находится къ юго-востоку въ 200 миляхъ, и гдѣ живетъ 7,000 духоборъ, тамъ дѣло обстоитъ иначе. Тамъ заведены общественные магазины, и товары

въ такіе магазины—они обыкновенно расположены при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ—поступаютъ вагонами изъ первыхъ рукъ. Каждое селеніе беретъ уже изъ такого магазина сколько нужно, конечно, сообразуясь съ своими потребностями, съ одной стороны, и доходностью этого года во всей Духоборіи, съ другой. Такіе магазины находятся на станціи Virigin Canadian Northern R. R., на станціи Yorcton Canadien Pacific R. R. и другихъ мѣстахъ. Обороты этихъ складовъ превышаютъ сотни тысячъ долларовъ.

Итакъ, ядро Духоборіи—это община, но въ послѣднее время, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, начали откалываться отъ общины отдѣльныя личности и переходить на свои фермы, гдѣ и ведутъ хозяйство по образцу американскихъ фермеровъ.

Вотъ, что имѣлъ въ виду общинникъ, говоря: „мы, общинники, мы дѣлаемъ свое дѣло“.

Антонъ Щербакъ.

Три стихотворенія.

I.

Ты взманила къ вешнимъ трелямъ,
Воззывающая вновь
Дни, когда, хмѣленъ апрѣлемъ,
Я ввѣрялъ лѣснымъ свирѣлямъ
Запѣвавшую любовь.

Для моей мечты бездомной
Дверь былого отперта:
Ты склонилась въ нѣгѣ томной,
Взоръ зеленый, голосъ дремный,
Лепестковыя уста.

Снова счастья отголоски
Вняты сердцу моему.
Ты, дитя, въ простой причесѣ,
Рѣзво мчишься, гдѣ березки
Внизъ сбѣгаютъ по холму.

Словно льдина раскололась
Отъ весенняго огня,
Золотится зыбкій волосъ
И звенить свирѣльный голосъ,
Призывающій меня.

II.

Островъ Феаковъ.

Н. П. Киселеву.

И тебя на островъ чудный
Теплымъ вѣтромъ занесло.
Путь оконченъ многотрудный:
Съ зыбью, пѣнно-изумрудной
Долго спорило весло.

Высь пронзаютъ пики пиній;
Воздухъ—ясень; день—горячъ.
И летитъ изъ рукъ рабыни,
Исчезая въ тверди синей,
Золотой, звенящій мячъ.

На побережѣ ежедневно
Роща хохотомъ полна.
Бѣлорукая царевна
Платья моетъ, гдѣ напѣвно
Ропщетъ синяя волна.

Дастъ тебѣ съ привѣтомъ мирнымъ
Дѣва сладостную ткань,
Умастивъ елеемъ жирнымъ,
Подъ прикрытіемъ порфирнымъ,
Въ глубинѣ прохладныхъ бань.

Скажетъ, ницъ склонивши взоры:
„Ты омылся и окрѣпъ.
Лира ждетъ тебя и хоры.
Рдѣютъ пурпуромъ амфоры,
Золотится сладкій хлѣбъ.“

Небо къ намъ—не безъ участя:
Бога нашего дары—
Только солнце, только счастье,
Только пѣсни сладострастья,
Только пляски и пиры“.

Миновавши скалы мраковъ,
Жажду бури утоля,
Все прошедшее оплакавъ,
Ты наслѣдуешь Феаковъ
Благодатныя поля.

III.

Таютъ тайныя печали
О красѣ твоихъ очей.
Всѣ свирѣли отзвучали:
Только будить долъ молчащій
Гулко льющійся ручей.

Какъ прозрачно, какъ лазурно
Въ звонкой грусти хрусталей!
И небесъ широкихъ урна
Въ золотыя каплетъ чаши
Синій, тающій елей.

Здѣсь я шелъ съ тобою, нѣжной,
Гдѣ теперь разоблаченъ
Рай далекій, рай безбрежный.
Кто воздвигъ въ осеннемъ храмѣ
Сводъ серебряныхъ колоннъ?

На берегахъ бѣлоствольныхъ
Никнуть листья, не дыша.
И въ лобзаніяхъ безбольныхъ
Овѣвается вѣтрами
Утомленная душа.

Сергій Соловьевъ.

Графинюшка.

Сонѣ 14-ый годъ. Дѣвочка она хорошенькая, высокенькая, но въ ней еще какая-то неловкость, неумѣлость граціозная, зовущая, нераспустившейся дѣвочки - подростка. Капризная, припухленькія губки, въ глазахъ не очень-то покойно и вздернутый немного носикъ. А ножки—струнки звенящія и тонкія, точеныя онѣ, и только отъ колѣнка, бѣлѣя, пѣнясь кружевцами, онѣ полнѣютъ чуть, полнѣютъ трепетной волной.

Ее богато-тонко одѣваютъ, ее балуютъ часто и ласкаютъ, она графинюшка, и въ домѣ все у нихъ роскошно. Рара—графъ Алексѣй Петровичъ еще почти - что молодой, красивый, статный, но ужъ очень заслуженный. Графиня Софья Николавна, чуть развѣ только располнѣла, но такъ же еще все зовуще - женственно мила; она, какъ Сонечка, капризная, немного нервная, припухленькія губки. И Сонечку она ведетъ капризно, то слишкомъ разбалуетъ и разнѣжитъ, то вдругъ за эту же разнѣженность, за баловство накажетъ, то

на колѣнахъ у рара она ласкается съ тянушкой, съ шоколадкой, то вдругъ совсѣмъ ей сладкое въ обѣдѣ запретятъ.

При Сонѣ Fräulein, а ходятъ къ ней француженка и англичанка. Француженка—смѣшная и добрая швейцарка, за то miss Kiltt обидчива и зла, и часто ходитъ съ жалобой, съ обидами къ графинѣ. Графиня строго выговариваетъ Сонѣ, когда же Соня раскапризится совсѣмъ—ее наказываютъ въ уголъ.

Но Сонечка—графинюшка: и покраснѣвши вся стыдомъ и гнѣвомъ, она несмѣлоу, но быстрою походкой уходитъ, не спросившись, прочь. Она идетъ къ себѣ, спокойно раскрываетъ книгу и принимается читать; а мысли отрываютъ,—мысли-то не такъ покойны: не лучше ли вернуться бы назадъ, пока еще никто не видѣлъ, но вѣрная завѣтамъ благородныхъ предковъ, она тихонько, граціозно-тонкимъ пальчикомъ перебираетъ книгу и читаетъ дальше.

„Васъ графъ зовутъ къ себѣ... въ ихъ кабинетъ“,—вдругъ открываетъ двери Настя.

„Куда? Зачѣмъ къ себѣ?..“ Забывши ужъ и гнѣвъ, и благородныхъ предковъ, и тонкій граціозный пальчикъ, испуганно краснѣется графинюшка.

Хорошенькая Настя не можетъ же въ самомъ дѣлѣ знать всѣхъ графскихъ дѣлъ, у ней какъ будто лишь скривились улыбкой губы, но тотчасъ же, оправивъ спереди внизу кисейный небольшой передничекъ, она уходитъ дальше по своимъ дѣламъ.

А въ кабинетѣ, у окна, лицомъ къ стеклу, стоитъ графиня; рара съ газетой у стола; въ углу же за столомъ, у полки съ книгами полулежитъ, раскинувшись, большое, длинное, старинное, развалистое кресло, и Соня помнитъ кресло это хорошо, она тамъ помнитъ, гдѣ въ спинкѣ есть разорванное мѣсто и гдѣ еще лишь начинается протираться шелкъ.

Когда она вошла, никто не шевельнулся, и только минуты черезъ двѣ графъ отложилъ газету...

И вспѣнились, бѣлая, кружевца и точно первымъ проблескомъ восхода зарозовѣлись, загорѣлись черезъ пѣну нѣжнѣйшей алости лучи, нѣжнѣйшей алости передразвѣтныя поляны. А Сонечкѣ графинюшкѣ казалось, что обвилася, бьется, пѣнится кругомъ нея бурливая студеная волна, съ неудержимой силой замиранья влекущая ее куда-то въ бездну, въ холодъ, внизъ; она безпомощно впивается, хватается за что-то, чтобъ уцѣпиться, чтобъ спастись... Но все кругомъ ужъ тихо, опала пѣна, волны улеглись, и лишь тепло восшедшіе горячіе лучи. И долго, спрятавшись въ подушки, она плачетъ, когда же плакать устаетъ, подняться все же невозможно: съ газетой тутъ сидятъ, съ изящнымъ шелковымъ шитьемъ; и только ужъ когда темнѣетъ и слышны изъ столовой лакейскіе шаги, она пугливо вскакиваетъ и быстро принимаетъ небрежно-графскую скупающую позу.

„Пойдемъ обѣдать, Соня“.

Но Сонечкѣ еще приходится остаться на минутку, чтобы оправить волосы, чтобы въ стемнѣвшемъ кабинетѣ никто не увидалъ, что барышнѣ тамъ нужно въ страшной тайнѣ приправить, приколотъ, пригладить. Въ столовой весь обѣдъ тягучее молчанье, лишь сдержанный, степенный стукъ посуды, степенная походка Николая. А вечеромъ уроки, въ десятомъ молоко и спать. И странно въ полутьмѣ, въ кровати припоминается весь день: miss Kiltt, капризно-раздраженное лицо тапан, тѣ двери кабинета, огромная почтенная газета и спинка кресла, гдѣ начинаетъ протираться шелкъ... припоминается, какъ повернулась съ любопытствомъ отъ окна тапан, когда затихло на мгновенье и зашуршала лишь, сползая на коверъ, газета, телеграммы, когда... И снова жарко вспыхнуло лицо, забилося у висковъ, блеснули трепетно ро-

синки и вздрогнуло отъ плечъ, къ рукамъ, къ спинѣ, къ колѣнкамъ...

„Пораньше Васъ, графинюшка, будить, а то опять уроки не поспѣете?“ Прибравъ бѣлье остановилась Настя. И что-то странное у ней въ глазахъ и закривились губки. А Соня покраснѣлась.

„Зачѣмъ?.. Ну хорошо, пораньше“.

„Я думаю, что лучше ужъ пораньше. Спокойной ночи“.

И ушла, и слышались по коридору шаги ея французскихъ каблучковъ. А Соня знала эти каблучки и Настины сапожки, знала, какъ Настя любить наряжаться, шуршаще-полushелковыя юбки, кисейные переднички, а главное—графинино узорное бѣлье. И Соня стала вспоминать всѣ Настины наряды, ленточки, косынки и Настинъ разговоръ, и странныя ея скривившіяся губки... И уснула.

II.

Сонѣ 14-ый годъ. Дѣвочка она хорошенькая, высокенькая, но въ ней еще какая-то неловкость, граціозная, зовущая неловкость расцвѣтанья; капризная, припухленькія губки, и длинно-темныя рѣсницы прикрыли безпокойный взоръ ея блуждающихъ, неясныхъ, тайныхъ сновъ.

„Вставайте же, вставайте, графинюшка, ужъ 6 часовъ, 7-ой“.

„Ахъ, это, Настя, ты?.. Ну подожди минуточку“.

„Да мнѣ-то все равно вѣдь, а только съ вами, чтобъ грѣшокъ какой опять не стался“.

„Сейчасъ“,—тянулась Соня, улыбаясь черезъ сонъ;—„ты думаешь, опять эта противная miss Kiltt“.

„Вставайте же, вставайте лучше“.

Соня лѣниво-медленно приподнялась, зѣвая, а Настя, тоже медленная, сонная, съ полузакрытыми

глазами, съ небрежно собранными волосами, безъ шелковой своей шуршащей юбки, безъ корсета, приготавливала воду и бѣлье. И Соня вдругъ опомнилась, вся вспыхнула: какъ смѣла эта горничная, деревенская дѣвчонка съ ней такъ свободно говорить, небрежно улыбаться и вспоминать какіе-то грѣшки и какъ сама она могла сквозь сонъ ей улынуться и что-то тамъ отвѣтить даже про miss Kiltt?

Сонъ соскочилъ, и трезвая, обидная дневная злоба заклокотала въ ней, она хотѣла тотчасъ вновь укрыться и уснуть, чтобы не смѣла эта дрянъ къ ней даже подойти, но снова вспомнился вчерашній день, англійскіе рассказы, переводъ, и Соня вяло, черезъ силу приподнялась еще. Графинюшка спустила ножки, надменная и строгая, и строго горничной замѣтила, что туфли надо ставить ближе, что воду надо больше согрѣвать, и что она рѣшительно не научилась до сихъ поръ ей одѣвать, пристегивать и расправлять, и такъ противно, холодно ей обтираеть губкой спину.

А Настя закривилась: „Вы съ лѣвой ножки, графинюшка, поднялись, постойте хоть минутку; иначе какъ же застегнуть?“

Когда изъ спальни Соня вышла въ классную, во всемъ огромномъ домѣ еще почти никто не подымался, и было даже жутко, такъ тихо и темно. Замерзли стекла и въ коридорѣ, въ классной, въ проходной отъ оконъ вѣяло морозомъ, ночью, снѣгомъ, какою-то знакомой, близкой свѣжестью заходождѣваго, остывшаго, большого темно-утренняго дома, а сквозь расписанность узора блестѣла, серебрясь, послѣдняя звѣзда. Настя ушла къ себѣ наверхъ вздремнуть еще часовъ до десяти, а Соня принялась отыскивать тетради, потомъ задумалась и задремала... Когда жъ очнулась ужъ въ комнатахъ совсѣмъ свѣтало, далеко гдѣ-то у столовой топили печку, а въ коридорѣ Сенька въ передникъ и въ мягкихъ туфляхъ тряпкой смахивалъ

съ картины пыль. И Соня разсердилась, что Сенька видитъ, какъ рано она встала за уроки, она сердилась и на Настю, и на капризную маман, и на проклятую miss Kiltt, и надерзила ей опять, какъ только утромъ та пришла. Miss Kiltt вскочила, отпихнула книгу и бросилась къ графинѣ рассказать, что заниматься больше такъ она не можетъ. Но къ счастью графини не было ужъ дома, она уѣхала сегодня рано, къ кому-то, кажется, на отпѣванье, и miss сконфуженно вернулась назадъ ни съ чѣмъ и продолжала заниматься.

Днемъ пріѣзжали Воротынскія, сама княгиня съ младшею Наташей. Наташа первый годъ еще, какъ выѣзжала, застѣнчивая, тоненькая, но уже высокомерная, такая модная, душистая красоточка, она съ восторгомъ дѣлала визиты, шуршала юбочкой и чудно такъ картавила и щурилась съ лорнеткой.

Въ субботу звали вечеромъ къ нимъ на спектакль и съ Соней непременно; въ видѣ исключенья, тамъ будутъ и другія ея сверстницы. Графиня общала и очень ихъ благодарила, когда-жъ онѣ уѣхали, сказала Сонѣ строго, что еще подумаетъ и поговорить съ miss Kiltt.

И до субботы, до самаго обѣда Соня не знала: ѣдетъ или нѣтъ, а за обѣдомъ ей сказали, что она останется. Соня не отвѣтила ни слова, а только покраснѣлась вся и опустила внизъ глаза.

„Такъ что же, ѣдете, графинюшка?“ спросила въ коридорѣ Настя.

„Нѣтъ“.

И отнесли обратно приготовленное платье.

Въ десятомъ, кажется, часу графиня стала одѣваться, ходили мимо Настя и старшая, Раиса Тимофевна, носили кружева, картонки и цвѣты... и, наконецъ, шуршащая, хорошенькая и обнаженная, въ прелестномъ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ кружевами, въ фамилныхъ жемчугахъ, въ очаровательной прическѣ, своей особенной плѣнительной по-

ходкой прошла графиня. За ней Раиса, Настя, Шурка.

„Какъ, Соня, ты еще не спишь? Ложись, пожалуйста, сейчасъ же, и плакать нечего, все отъ тебя же отъ самой зависитъ. А Fräulein еще домой не возвращалась?“

Затихло, но Соня не тронулась съ дивана.

„Вы что-жъ, графинюшка, не ложитесь?“ вернулась изъ передней Настя.—„А?“

Соня не отвѣтила и даже къ ней не обернулась.

„Право бы ложились. Чего грустить, вѣдь ваша жизнь еще вся впереди“. Настя постояла немного молча. „Право бы послушали меня, ну что за горе, что не взяли. Когда въ ученьи я жила у тетеньки, меня, бывало, тоже часто такъ... и даже подъ ключемъ еще держали. Бывало, въ воскресенье всѣ уйдуть, гуляютъ, а тутъ одна сидишь себѣ. Другой разъ и не высидишь, да чрезъ окошко въ полисадникъ.

Соня обернулась чуть, а Настя замолчала и ждала.

„Ты куда же убѣгала?“

„Куда? Простите, пожалуй, вамъ, графинюшкѣ, и знать-то не годится“.

Подождала, склонилась:

„Тамъ кавалеръ, красавчикъ былъ одинъ, ну вотъ и убѣгала“.

„А какъ же тетя-то, не знала?“

„Сперва не знала, а потомъ узнала“.

„Ну и что же?“ повернулась ужъ совсѣмъ графинюшка.

„Когда узнала-то? Да по головкѣ не погладила“.

„А что же?“

„Да что же—заперла еще, да еще наказала... розгой“.

Соня тихо покраснѣлась, чуть задрожали губки, защурился глазокъ.

„Ахъ, васъ наказывали тамъ розгой, гдѣ ты училась?“

Настя не отвѣтила, лишь отвернулась, улыбнулась и тоже залилась румянцемъ.

„Насъ, дѣвочекъ, тамъ много было всякихъ“,—продвинулась она едва впередъ.

Помолчали.

„А васъ-то, Сонечка, зачѣмъ на той недѣлѣ, помните?.. Графиня приказала мнѣ просить васъ въ кабинетъ?“ Она приблизилась совсѣмъ уже къ дивану и, розовѣя, тихо улыбалась.

А Соня повернулась къ ней еще... и слилися въ ея горящихъ мысляхъ та швейная, сомнительная, грязненькая мастерская, со злою паучихой-теткой, и величавый, раздушенный, покойный графскій кабинетъ съ почтенною газетой, съ изящнымъ шелковымъ шитьемъ.

„Вѣдь васъ, графинюшку?..“

Графинюшка привстала, она дрожала вся отъ ужаса неяснаго, отъ страха, отъ надвигающейся, непонятной, невозможной близости.

„Вы, Сонечка, вы—дѣвочка-красоточка“.

И Настя тронулась еще... но вдругъ замедлила, потупилась, и только ноготкомъ тихонько поскребла узоръ дивана.

А Соня длительно склонила глазки, искоса взглянувъ и въ нерѣшительной, томительной надеждѣ, зарозовѣла, затеплѣла вся, ползущимъ, заливающимъ румянцемъ.

И въ зажужжавшей тишинѣ лишь груди трепетной шуршанье, лишь... снова изогнулась близко къ дѣвочкѣ... но Соня шевельнулась, чуть отодвинулась подальше по дивану, чуть передернулся пушокъ бровей. И Настя, отстранилась, отступила, не съ разу, какъ-то удивленно, смущенно скрадывая взоръ.

Затихли.

Далеко въ коридорѣ раздались шаги.

„Вѣдь это фрѣлингъ“,—зашептала Настя и быстро отошла, подкалывая шпилькой косу.

„Скорѣе, Сонечка, ложитесь“, а пальцы зами-

рали и не могли онѣ никакъ раздѣться. Но Fräulein, вернувшись изъ гостей, на счастье, задержалась гдѣ-то въ дальнемъ коридорѣ по своимъ дѣламъ, когда-жъ она взошла, ужъ Сонечка укрылась и горѣлъ ночникъ.

„Тутъ что же еще Соня все не спитъ?“

„Графинюшка звонили, занездоровилось немного“ — и быстро прошмыгнула въ дверь.

Но Соня утомленно черезъ сонъ сказала по-нѣмецки, что все уже прошло.

И въ домѣ стало затихать. Огонь вездѣ почти что погасили, лишь Fräulein въ ночной, опрятной кофточкѣ, разсматривала долго захваченные ею изъ гостей берлинскіе журналы, да у парадной лѣстницы, въ большой передней, свѣтился жалобно одинъ рожокъ и разносился по пустыннымъ сводамъ невѣроятный храпъ на креслѣ задремавшего Антона.

Вернулись со спектакля не очень поздно. У подъѣзда остановилась карета, въ передней за-свѣтилось электричество и съ лѣстницы сбѣжалъ Антонъ. А черезъ нѣсколько минутъ уже зажгли и въ коридорѣ, и зашуршали женственно графинины шаги. Соня притаилась и стала слушать: открылись гдѣ-то двери, послышались еще шаги, деревянные, мѣщански-глупые и голосъ Fräulein, о томъ, что Соня не совсѣмъ здорова. Вновь зашуршало въ коридорѣ, и это женское, скользящее шуршанье затрепетало въ Сонѣ страхомъ, радостью, мечтою и надвигающимся счастьемъ.

„Соня, спишь?“

Блеснуло электричество и въ комнатѣ графиня, немного утомленная, скучающе-лѣнивая и чудно обнаженная, шуршащая и женская. Она присѣла на кровать, въ лицѣ у ней ужъ не было ни строгости, ни раздраженья, она устало-безпокойно потрогала ей голову.

„А у тебя, пожалуй, жаръ, ты вся горишь“.

Поставили термометръ, но оказалось 36,2.

„Тутъ просто, кажется, большое горе, что на спектакль не попали“. Матан поцѣловала, перекрестила и ушла. Но Соня отвернулась, она не смѣла цѣловать, она горѣла и ждала.

А въ спальнѣ передъ зеркаломъ графиню раздѣвали Настя и маленькая Шурка (Раису Тимофевну ночью не будили). Раздѣли платье и обнаженными руками графиня распускала волосы, потомъ уже на креслѣ раздѣвали, тамъ, впрочемъ, Настя лишь одна, и отъ узорнаго бѣлья, отъ обнажившихся плечей, отъ рукъ, отъ груди—струилось женскими вечерними неясными духами. Услали Шурку, Настя прибрала послѣднее и, загасивъ большое электричество, зажгла на столикѣ за зеркаломъ, задернутую синимъ, тускнѣющую лампочку.

Пришелъ графъ и Настя поспѣшила удалиться. Графъ дочиталъ какое-то письмо, завелъ часы, пробормоталъ, что на спектакль была тоска, зѣвнулъ и спрятался подъ мягкимъ одѣяломъ.

„А знаешь, Соня всю ночь плакала и до сихъ поръ не спитъ“.

Графъ повернулся, онъ такъ любилъ этотъ немного вялый, капризно-тянущійся голосъ Сонечки-жены.

„Не спитъ?“

„Да, до сихъ поръ... мнѣ кажется, что мы уже немного строго съ ней“.

„Да ничего. Наоборотъ, мы страшно въ сущности ее балуемъ, а если иногда и посидить одна, повѣрь, что кончатся скорѣй капризы“.

Онъ загасилъ тускнѣющую лампочку; въ душистой спальнѣ темнотѣ, продвинувшись туда, гдѣ слышался капризный голосокъ и нѣжное дыханье, и нѣжныя полнѣющія плечи, и теплыя колѣнки, и теплый, близкій, сладостный, забвенный сонъ.

Юрій Черета.

Ушедшей.

Дышать ласковыя тѣни,
Даль тиха и глубока.
Зовъ вечернихъ откровений
Прозвучить издалека.

Послѣ шума долгой битвы,
Встрѣтивъ алую зарю,
Тиховѣйныя молитвы
Молчаливо сотворю.

Жди меня за синей далью!
Я приду къ тебѣ одинъ
Съ неразсказанной печалью
Успокоенныхъ глубинъ.

Владимиръ Линденбаумъ.

* * *

Въ земныхъ одеждахъ погребальныхъ,
Во мглѣ, гдѣ все—обманъ и прахъ,
Душа, томясь, скорбитъ о дальнихъ,
Непостижимыхъ небесахъ.

Но, можетъ быть, и въ горныхъ странахъ,
Въ лазурно-блещущей дали,
Ей не забыть о злыхъ туманахъ,
О скорби сумрачной земли.

Быть можетъ, за земной чертою,
Неутолимая, она
Все той же мукою земною
Еще страдать обречена.

Обречена—надъ мглой земного,
Въ лазурно-блещущей дали,
Въ безмѣрной мукѣ жаждаť снова
Освобожденья отъ земли.

Владимиръ Линденбаумъ.

Соціализмъ и анархизмъ *).

Каждой эпохѣ присущъ какой-нибудь централь-
ный умственный споръ, возбуждающій мысль, бу-
дящій совѣсть и этимъ безпокойствомъ поддержи-
вающій духовное горѣніе. Для того, чтобы ум-
ственный конфликтъ получилъ такое культурное
значеніе, необходимо, чтобы въ немъ столкнулись
не истина и ложь, а двѣ истины, какъ бы исклю-
чающія одна другую, но равно желанныя. Отъ
присутствія въ душѣ двухъ различныхъ истинъ
возникаетъ токъ умственной энергіи, подобно тому,
какъ электрическій токъ рождается отъ погруже-
нія въ одну и ту же среду двухъ разныхъ эле-
ментовъ. Важно даже не то, чтобы два столкнув-
шихся мнѣнія заключали въ себѣ объективную
истину; достаточно, чтобы они казались истинны-
ми сознанию эпохи. Такъ, въ началѣ среднихъ вѣ-
ковъ различными по содержанію и равно истин-
ными казались принципы духовной и свѣтской
власти, и этотъ конфликтъ между авторитетомъ
папы и властью императора, волнуя мысль и со-
вѣсть многихъ поколѣній, долгое время служилъ
возбудителемъ умственной энергіи въ Европѣ.
Впослѣдствіи, при реформациі, такую же централь-
ную роль игралъ вопросъ о спасеніи вѣрой или
добрыми дѣлами. Въ нашу эпоху умственнымъ
центромъ, вокругъ котораго вращаются всѣ дру-
гія идеи и мнѣнія, является споръ между социализ-
момъ и анархизмомъ. Если исключить чистое есте-
ствовѣдѣніе, то не найдется области ни практиче-
ской, ни теоретической дѣятельности, въ которой
мы съ перваго же шага не встрѣтились бы съ во-
просомъ объ отношеніи личности къ государству.

*) Редакція помѣщаетъ настоящую статью, не будучи вполне
солидарной съ высказанными въ ней взглядами.

О политикѣ и экономикѣ говорить нечего. Онѣ сдѣлались непосредственной ареной этого конфликта. Но и мораль, и философія, и художественное творчество нашего времени имѣютъ своимъ средоточіемъ интересы личности, въ ея тяжбѣ съ обществомъ. Уйти отъ этого спора, не принявъ въ немъ опредѣленнаго положенія, для современника такъ же невозможно, какъ въ средніе вѣка невозможно было не занимать твердой позиціи въ вопросѣ религіозномъ. Нельзя быть въ наше время культурнымъ человѣкомъ, не относясь, такъ или иначе, къ конфликту между личностью и обществомъ.

Но рѣшить этотъ конфликтъ не легко, ибо, какъ я уже сказалъ, въ немъ сталкиваются не истина и заблужденіе, а двѣ истины. Существуетъ въ наше время еще другой волнующій конфликтъ,— между социализмомъ и буржуазнымъ строемъ. Но въ немъ принять опредѣленное положеніе не трудно. Кто убѣжденъ въ справедливости социализма, тому буржуазный идеалъ представляется въ основѣ ложнымъ, тотъ не можетъ относиться къ нему не враждебно. То же самое слѣдуетъ сказать о конфликтѣ между двумя видами социализма: авторитарнымъ и либертарнымъ. Одинъ исключаетъ другой, и кто принимаетъ программу социаль-демократической партіи, тотъ не можетъ не относиться отрицательно къ идеямъ Кропоткина и наоборотъ. Не таковъ конфликтъ между социализмомъ и анархизмомъ. Идеалъ общественной гармоніи, признающій одну общечеловѣческую семью, одно всемірное хозяйство, въ которомъ каждый участвуетъ по мѣрѣ своихъ силъ, заботясь не о своемъ благѣ, но о благѣ всѣхъ, жертвуетъ своимъ эгоизмомъ, но взамѣнъ получаетъ тысячи, миллионы заботъ и услугъ, подчиняетъ свою волю власти цѣлаго, которая взамѣнъ обезпечиваетъ ему полную свободу развитія,—такой идеалъ представляется и нашему сознанию, и нашей совѣсти абсолютно истиннымъ

и желаннымъ. Но въ равной степени истиннымъ и желаннымъ представляется намъ идеалъ личной свободы, полной независимости отъ другихъ, внутренняго простора и абсолютной самоцѣльности. А между тѣмъ, эти два идеала, равноцѣнные для мысли и совѣсти, кажутся различными по содержанию, и является, такимъ образомъ, необходимость сдѣлать выборъ между ними, рѣшить, такъ сказать, какой изъ двухъ идеаловъ идеальнѣе. Задача, очевидно, трудная для разрѣшенія, и на почвѣ эмпирики даже не разрѣшимая. Другое дѣло, если свести эту эмпирическую двойственность къ высшему единству, если признать, что въ обоихъ идеалахъ, подъ различной видимостью, осуществляется одна и та же сущность, что самая ихъ двойственность является условіемъ этого высшаго единства.

До сихъ поръ теоретики социализма и анархизма относились къ спору не такъ. И тѣ и другіе считали свой идеалъ исключительно истиннымъ и всѣ силы своего ума употребляли на то, чтобы собрать побольше доводовъ въ пользу своей истины и какъ можно больше возраженій противъ истины противника. Такъ поступали главари движенія, такъ, въ подражаніе имъ, до сего дня ведутъ споръ ихъ сторонники и послѣдователи. Одновременное раскрытіе двухъ идеаловъ, которое, подобно зрѣнію двумя глазами, должно было бы дать человѣчеству возможность замѣнить прежнее плоское пониманіе жизни болѣе глубокимъ, выпуклымъ, реальнымъ, это великое явленіе въ области духа превратилось въ схоластическій споръ о томъ, что чему предшествуетъ, личность обществу или общество личности, или, что еще хуже, въ адвокатскую тяжбу аргументовъ, въ рѣзкую полемику. До сихъ поръ, по вѣрному замѣчанію Амона, „социаль-демократы величаютъ анархистовъ сумасшедшими, провокаторами, шпионами, глупцами, анархисты же, въ свою очередь, бросаютъ социаль-

демократамъ въ лицо упреки въ безчестности, ненавистничествѣ, политиканствѣ, сплетничествѣ. Идейная же сущность конфликта остается невыясненной, и основной вопросъ, исключаютъ ли оба идеала — социалистическій и анархическій — одинъ другой или же они представляютъ два полюса одной и той же волевой сферы, — вопросъ этотъ не только не былъ рѣшенъ, но никѣмъ донинѣ не поставленъ. Равнымъ образомъ никѣмъ не была указана та первичная двойственность, въ которой происходитъ начальное раздѣленіе социализма и анархизма. Обычное же противопоставленіе личности и общества, эгоизма и альтруизма, индивидуализма и чувства социальности, автономіи и власти, или свободы и равенства, какъ увидимъ впоследствии, конфликта между социализмомъ и анархизмомъ не только не разрѣшаетъ, но и не мотивируетъ.

Однако, прежде чѣмъ разобраться во всѣхъ этихъ сложныхъ вопросахъ, необходимо вкратцѣ указать на классификацію и терминологию интересующихъ насъ мнѣній.

Въ великой борьбѣ, которую современное человечество ведетъ за свободу, принимаютъ участіе три большія группы. Во-первыхъ, авторитарные социалисты разныхъ отгѣнковъ; изъ нихъ самую крупную роль въ политической жизни Европы играютъ социаль-демократы или марксисты. Во-вторыхъ, анархисты, или, какъ принято ихъ называть, анархисты-индивидуалисты, теоретическіе взгляды которыхъ всего ярче выражены Штирнеромъ. И, въ третьихъ, либертарные социалисты, неточно называемые анархистами-коммунистами, считающіе своими теоретическими вождями Прудона, Бакунина и Кропоткина. Самой вліятельной до послѣдняго времени была первая группа. Но послѣдняя оказывается наиболѣе жизнеспособной и быстро растущей. Начавшись съ мало практическихъ и нѣсколько противорѣчивыхъ идей Пру-

дона, либертарный социализмъ быстро эволюционируетъ и въ наши дни имѣетъ тенденцію слиться съ огромнымъ рабочимъ движеніемъ, которому принадлежитъ будущее, съ движеніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ синдикализма. Къ главнымъ тремъ группамъ примыкаютъ промежуточныя формы. Сюда относится партія социалистовъ-революціонеровъ, а также доктрины Тукера и Маккая, которыхъ также называютъ анархистами-индивидуалистами, но которые на самомъ дѣлѣ занимаютъ среднее мѣсто между анархизмомъ и прудонизмомъ. Всѣ эти группы и подъ-группы имѣютъ между собою то общее, что всѣ онѣ безъ исключенія отвергаютъ всякія метафизическія и мистическія обоснованія и сами себя считаютъ эмпириками и позитивистами. Въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ огромная фигура Толстого съ его религіозно-альтруистически-земледѣльчески-пассивнымъ анархизмомъ, ученіемъ самымъ простымъ, какъ бы дѣтски-простымъ и, можетъ быть, самымъ глубокимъ и сложнымъ изъ всѣхъ.

Чтобы точнѣе опредѣлить взаимное отношеніе этихъ трехъ группъ между собой, полезно, прежде всего, указать на отношеніе каждой изъ нихъ къ современному строю. Нынѣшній буржуазно-капиталистическій строй держится на двухъ главныхъ, какъ бы противорѣчивыхъ принципахъ: на индивидуализмѣ, принципѣ самостоятельной личности, и на этатизмѣ, принципѣ государственной власти. Согласно первому принципу, каждый имѣетъ равное право стремиться къ неравенству. Согласно второму, государственная власть насильственно охраняетъ фактически созданное неравенство. Изъ этихъ двухъ устоевъ буржуазнаго строя авторитарный социализмъ вполнѣ отвергаетъ индивидуализмъ, замѣняя множество частныхъ хозяйствъ однимъ общественнымъ, но за то онъ цѣликомъ принимаетъ принципъ насильственной власти, ставя ей въ обязанность препятствовать личности стре-

миться къ неравенству. Анархизмъ, наоборотъ, совершенно отметаеъ принципъ власти, какой бы то ни было, организованной или договорной, во имя неограниченнаго суверенитета личности. Принципъ же индивидуализма анархизмъ не только допускаеъ, но усиливаетъ, доводитъ до крайняго выраженія, считая собственникомъ всего міра саму личность и единственнымъ закономъ морали абсолютный эгоизмъ. Такимъ образомъ, ни авторитарный социализмъ, ни анархизмъ не порываютъ вполне съ буржуазной идеологіей и остаются связанными съ ней первый—принципомъ либеральной власти, второй—принципомъ свободной личности. Знакомые съ литературой предмета знаютъ, что социалисты и анархисты, полемизируя между собою, прежде всего спѣшатъ обругать другъ друга кличкой буржуа. Мы теперь видимъ, что, поступая такъ, они подчиняются не только полемическому задору, ибо властолюбіе социалистовъ и проповѣдь самолюбія со стороны анархистовъ, въ самомъ дѣлѣ, роднятъ тѣхъ и другихъ не только съ идеологіей, но и съ психологіей ненавистной имъ буржуазіи. Вполнѣ радикальными оказываются либертарные социалисты, которые одновременно отрицаютъ и частную собственность, и организованную власть, и такимъ образомъ въ правѣ считать себя совершенно исцѣлившимися отъ отравы мѣщанскаго жизнепониманія и жизнеустройства.

Взаимныя отношенія названныхъ трехъ группъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Авторитарный социализмъ и анархизмъ представляютъ изъ себя два діаметрально противоположныхъ устремленія, огонь и воду, да и нѣтъ социального міропониманія. Власть—необходимое условіе свободы; власть—единственное препятствіе къ свободѣ. Личный эгоизмъ—верховный принципъ; личный эгоизмъ—высшее зло. Между такими крайностями невозможенъ ни компромиссъ, ни переходъ. И замѣчательно, что именно эта кажущаяся противо-

положность и является условіемъ гармоническаго существованія обѣихъ доктринъ, между тѣмъ, какъ оба пониманія социализма, имѣя общія точки касанія, дѣйствительно исключаютъ одна другую.

Гораздо труднѣе опредѣлить отношеніе анархизма къ либертарному социализму. Съ перваго взгляда между обѣими доктринами есть нѣчто общее—одинаково отрицательное отношеніе къ принципу власти. Благодаря этому будто бы общему отрицательному признаку, изслѣдователи анархизма, — Эльцбахеръ, Амонъ, Кульчицкій, Башъ и многіе другіе,—слили ученія Штирнера и Толстого съ ученіями Прудона, Бакунина и Кропоткина въ одно общее анархическое теченіе съ подраздѣленіемъ на два параллельныхъ потока—анархизмъ индивидуалистическій и коммунистическій. Признакомъ принадлежности къ тому или другому считается отношеніе къ собственности. Кто признаетъ собственность частную, тотъ причисляется къ индивидуалистамъ, кто признаетъ собственность общественную, причисляется къ коммунистамъ. Мнѣ эта классификація кажется глубоко невѣрной и положенные въ ея основу признаки—случайными. Вообще нельзя достаточно энергично возражать противъ объединенія, съ одной стороны Штирнера и Нитцше и, съ другой, Прудона, Бакунина и Кропоткина подъ общей рубрикой анархистовъ. Дѣло, конечно, тутъ не въ словѣ, а въ смѣшеніи понятій при помощи слова. Если Штирнера и Нитцше называютъ анархистами,—а кто же станетъ спорить противъ того, что это опредѣленіе къ нимъ подходитъ,—то Бакунина и Кропоткина нельзя ни въ коемъ случаѣ покрывать тѣмъ же ярлыкомъ. Между ними разница не въ отгѣнкахъ, не въ уклонахъ, а въ главномъ устремленіи. Между ними такая же полярность, такая же неперешагаемая бездна, какъ между Штирнеромъ и Нитцше, съ одной стороны, и Марксомъ и Энгельсомъ—съ другой.

Смѣшеніе понятій и даже полунамѣренная смута внесены были въ эту область авторитарными социалистами, которые, чувствуя въ либертаристахъ своихъ опаснѣйшихъ противниковъ, не могли устоять противъ искушеній пристрастной полемики. Въ ихъ цѣляхъ полезно было смѣшать практическихъ революціонеровъ, вродѣ Бакунина и Кропоткина, съ безпочвенными теоретиками, какъ Штирнеръ, чтобы огуломъ осудить ихъ, какъ идеологовъ буржуазіи и утопистовъ. Если же революціонеры-либертаристы не протестовали противъ названія анархистовъ и сами примѣняютъ его къ своимъ ученіямъ, то это лишь доказываетъ ихъ гордую увѣренность въ своей правотѣ и пренебреженіе къ тѣмъ или другимъ кличкамъ. Впрочемъ, личныя соображенія противниковъ насъ не касаются. Для насъ, приступающихъ къ изученію вопроса безъ предвзятой истины, но съ готовностью привѣтствовать истину, на чьей бы сторонѣ она ни оказалась, важно лишь то, чтобы въ основу классификаціи социально-нравственныхъ системъ положенъ былъ признакъ не случайный, а самый жизненный и необходимый. Отношеніе къ институту власти или къ институту собственности еще не рѣшаетъ принадлежности того или другого мыслителя къ социалистамъ или анархистамъ. Рѣшающимъ, жизненнымъ признакомъ слѣдуетъ считать общее устремленіе всей доктрины, ея конечную цѣль, тотъ идеалъ, къ осуществленію котораго она вся направлена. Бакунинъ и Кропоткинъ, точно такъ же, какъ Марксъ и Энгельсъ, должны быть одинаково отнесены къ социалистамъ потому, что всѣ они стремятся къ общественной гармоніи, къ благу не одного, а всѣхъ, не человѣка, а всего человѣчества, къ тому, чтобы счастливая личность чувствовала себя въ совершенномъ человѣчествѣ, какъ здоровая клѣтка въ живомъ организмѣ. Вотъ почему Прудонъ, не смотря на признаніе

имъ частной собственности, все же долженъ быть причисленъ къ либертарнымъ социалистамъ, ибо всѣ отношенія будущаго общества онъ строитъ на справедливости,—чувствѣ социальномъ и ведущемъ къ гармоніи. Штирнеръ же и Нитцше, не смотря на то, что первый отрицаетъ всякую власть, а второй волю къ власти считаетъ сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ стимуломъ духовной дѣятельности, должны быть оба отнесены къ анархистамъ, потому что оба конечной цѣлью своихъ устремленій признаютъ отдѣльную личность, Штирнеръ—своего „Единственнаго“, а Нитцше—своего сверхчеловѣка, потому что общество кажется имъ врагомъ, средствомъ, орудіемъ, а абсолютный эгоистъ—благомъ, цѣлью, истиной. Равнымъ образомъ, ученіе Толстого всецѣло примыкаетъ къ анархизму, а не къ социализму, потому что цѣлью всѣхъ его устремленій является не совершенное общество, а совершенная личность, хотя онъ совершенство видитъ не въ эгоизмѣ, а въ любви. Сравнивая между собою анархистовъ и либертаристовъ, нужно помнить, что важно не формальное отрицаніе власти, а содержаніе этого отрицанія. Анархисты отрицаютъ не ту или другую форму власти, не только государство и общество, но и человѣчество. Приводя ходячее мнѣніе о томъ, что государство есть необходимѣйшее средство для полнаго развитія человѣчества, Штирнеръ прибавляетъ: „государство, безъ сомнѣнія, является такимъ средствомъ до тѣхъ поръ, пока мы стремимся развивать человѣчество, но если мы захотимъ развивать себя, то оно будетъ намъ только помѣхой“. Между тѣмъ либертаристы или, какъ ихъ неточно называютъ, анархисты-коммунисты, отрицаютъ лишь власть опредѣленную, власть государственно-организованную, выросшую въ отдѣльный общественный органъ. Но они не отрицаютъ власти, осуществляемой въ каждомъ производствѣ самими

рабочими, а въ дѣлахъ общественныхъ—всѣмъ обществомъ. Если Штирнеръ и Нитцше стремятся къ анархїи, къ безвластію, въ противоположность всякой обязательной нормѣ, то Прудонъ, Бакунинъ и Кропоткинъ стремятся къ панархїи, къ власти всѣхъ и каждаго, въ противоположность постоянной власти, превратившейся въ особую спеціальность и привилегію.

Не буду долѣе останавливаться на выясненіи различій, существующихъ между анархизмомъ и либертаризмомъ. Эти различія не выросли въ историческій конфликтъ, потому что критика анархизма была направлена противъ социализма вообще, а не противъ одного изъ его выраженій. Исторически же выявленныхъ конфликта передъ нами два: первый—между анархизмомъ и социализмомъ вообще, второй—между обѣими формами социализма. Нѣтъ сомнѣній, что второй конфликтъ практически важнѣе. Отъ того, побѣдитъ ли социаль-демократическая партія или либертарный синдикализмъ, зависитъ не рѣшеніе той или другой морально-философской проблемы, а направленіе всей исторіи, судьба всѣхъ духовныхъ цѣнностей. Но раньше чѣмъ высказаться за ту или другую форму социализма, необходимо разсмотрѣть первый конфликтъ и рѣшить, приедемъ ли социализмъ вообще. Вѣдь если бы правда оказалась на сторонѣ Штирнера и Нитцше, то мы должны были бы отринуть одновременно и авторитарный социализмъ, и либертарный синдикализмъ и, стережъ все многообразное содержаніе социальныхъ доктринъ, зачеркнуть вмѣстѣ съ тѣмъ исторію человечества и вмѣсто нея начертать два слова: „я“ и „мое“.

Итакъ, ставлю вопросъ: въ чемъ заключается конфликтъ между социализмомъ и анархизмомъ? Какова та первоначальная двойственность, въ которой оба міровоззрѣнія расходятся, чтобы потомъ уже больше ни въ чемъ не сойтись? Сами

анархисты видятъ эту основную двойственность въ различномъ отношеніи къ личности и обществу. Если признать, что общество опредѣляетъ и формируетъ личность, то получится пониманіе социалистическое. Если историческій приматъ отдать личности, то получится пониманіе анархическое. Такъ, по крайней мѣрѣ, убѣждены теоретики обѣихъ доктринъ. Но въ томъ-то и дѣло, что философы и социологи весьма часто ошибаются насчетъ истинныхъ мотивовъ и причинъ, которыя заставили ихъ принять то или другое ученіе. Весьма часто они считаютъ причиной своихъ теоретическихъ устремленій то, что на самомъ дѣлѣ является ихъ слѣдствіемъ. Истинная причина, дѣйствительная сила, приведшая философа къ его системѣ, всего чаще скрывается въ его волѣ въ несознанныхъ влеченіяхъ. Мысль же и логика, подобно фонарямъ, помѣщеннымъ впереди локомотива, освѣщаютъ своимъ свѣтомъ путь, избранный не ими, обусловленный силой, скрытой позади, имъ невидимой и невѣдомой. Мы вскорѣ убѣдимся въ томъ, что доводы, которыми анархизмъ пытается расшатать устои социализма, на самомъ дѣлѣ, лишь укрѣпляютъ ихъ. Чѣмъ ближе будемъ изучать эти доводы, тѣмъ для насъ станетъ несомнѣннѣе, что истинная причина, раздѣляющая анархистовъ и социалистовъ, имъ самимъ остается равно неясной. Ее-то и необходимо прежде всего раскрыть.

Социализмъ, какъ извѣстно, отвергъ всѣ религіозныя и философскія гипотезы и нормы, и всю исторію свелъ къ эмпирикѣ, къ борьбѣ классовъ за экономическіе интересы. Теоретики анархизма, со Штирнеромъ во главѣ, какъ бы ловятъ на словѣ социалистовъ и говорятъ имъ: Ужъ если съ высотъ метафизики сойти на землю эмпирики, то нужно сдѣлать это до конца. Идея класса такая же отвлеченно-метафизическая, какъ идея общества, человечества или Бога. Въ чистой эмпи-

рикѣ человѣку открывается только его собственная личность, не личность вообще, не одна изъ многихъ личностей, а его единственная личность и ея исключительные интересы. Чистая эмпирика ведетъ къ чистому индивидуализму, во имя котораго социалистическое государство должно быть отринуто такъ же рѣшительно, какъ государство буржуазное или феодальное. Соціализмъ, такимъ образомъ, какъ бы самъ попалъ въ яму, которую онъ копалъ метафизикѣ. Анархизмъ побѣдилъ его въ первичномъ фактѣ сознанія. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно кажется съ перваго взгляда.

Приступая къ критикѣ анархизма, нужно прежде всего установить, что „Единственный“ Штирнера имѣетъ такое же общее значеніе, какъ „я“ или субъектъ метафизиковъ. Единственный не значитъ единый въ мірѣ, но личность, сознающая себя съ характеромъ замкнутости въ себѣ, несводимой къ другимъ, единой для себя. Если бы Штирнеръ считалъ Единственного единымъ въ мірѣ, онъ не могъ бы мечтать о замѣнѣ теперешняго государства свободнымъ союзомъ эгоистовъ. „Я, какъ эгоистъ,—говоритъ онъ,—не интересуюсь благомъ человѣческаго общества, не жертвую ему ничѣмъ, а только пользуюсь имъ; но чтобы имѣть возможность вполнѣ пользоваться имъ, я превращаю его въ мою собственность, въ мое твореніе, т.-е. я уничтожаю его и образую вмѣсто него союзъ эгоистовъ“. Очевидно, для того, чтобы, образовать такой союзъ, абсолютный эгоистъ долженъ допустить существованіе другихъ, подобныхъ ему эгоистовъ, другихъ для себя единственныхъ. Но какъ только это допущеніе сдѣлано, все зданіе абсолютнаго эгоизма рушится, и единственный остается ровно въ такомъ же положеніи, въ какомъ до него находился членъ несвободнаго государства. Пусть онъ во имя эгоистическихъ интересовъ ополчается на всякую власть, самъ относится ко всѣмъ съ непримиримымъ

мымъ эгоизмомъ, но въ его же истересахъ, чтобы другіе относились къ нему не эгоистически, а социально, чтобы другіе эгоисты отказались отъ своего индивидуалистическаго первородства ради любви къ ближнему. Единственный, не признавая ни въ комъ ближняго, остается самъ ближнимъ для другихъ. Личность и общество,—эти два будто бы исключających одно другое начала,—оказываются слитыми въ психологіи самаго единственнаго, въ которой они нейтрализуются. Идея личности остается антитезой идеи государства только въ области чисто формальныхъ опредѣленій, ни къ чему не обязывающихъ и ничего не отрицающихъ. Но какъ только въ эти дефиниціи вложить живое содержаніе, то, исходя изъ абсолютнаго эгоизма, можно съ одинаковой логичностью отрицать государственность и утверждать ее во всѣхъ видахъ, до деспотизма включительно. И самымъ яркимъ подтвержденіемъ этому служитъ ученіе Нитцше, который по сознанію своей личной особенности и по силѣ эгоизма не уступитъ Штирнеру, и тѣмъ не менѣе волю къ власти считаетъ интимнѣйшимъ выраженіемъ суверенной личности. Отъ того же абсолютнаго эгоизма Штирнеръ заключаетъ къ безвластію, Нитцше—къ культу власти. Очевидно, что между началомъ личности и тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ власти нѣтъ внутренней необходимой связи.

Въ самомъ дѣлѣ, если раскрыть понятіе объ анархіи, то мы увидимъ, что оно заключаетъ въ себѣ два момента: неподчиненія власти другихъ и неисканія власти надъ другими. Штирнеръ, отрицая власть, имѣлъ въ виду моментъ непокорности, Нитцше, утверждая власть, имѣлъ въ виду моментъ покоренія. Но и единственному Штирнера ничто не мѣшаетъ искать власти надъ другими. „Я не хочу,—говоритъ онъ,—признавать или уважать тебя, какъ человѣка, но я хочу тобою поль-

зоваться". „Тебя я цѣню лишь настолько, насколько ты мнѣ полезенъ, и ты моя собственность, потому что я извлекаю изъ тебя пользу". Но пользоваться человѣкомъ, какъ собственностью, значитъ превратить его въ раба, пріобрѣсти надъ нимъ неограниченную власть. То же самое право предоставляетъ личности и Тукеръ, утверждая, что „каждый индивидуумъ въправѣ подчинить себѣ другихъ людей, въправѣ поработить себѣ весь міръ, лишь бы онъ въ силахъ былъ это исполнить". Но, поработивъ себѣ другихъ слабѣйшихъ эгоистовъ, сильный эгоистъ во имя властолюбія одной рукой утверждаетъ то самое государство, которое онъ, во имя непокорности, другой рукой разрушаетъ. „Мы, государство и я, враги другъ другу", объявляетъ абсолютный эгоистъ Штирнера. Такъ, очевидно, говоритъ эгоистъ слабый, не находящійся у власти. Сильный, нитцшеанскій эгоистъ, захватившій власть, сказалъ бы: я и государство—друзья пріятели.

Въ самомъ эгоизмѣ, такимъ образомъ, оказываются два стремленія, отъ власти и къ власти. Какой же моментъ одержать верхъ въ психологій эгоиста и сдѣлается двигателемъ его поступковъ? Очевидно, отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ не формальная логика, а историческое содержаніе, или, какъ принято выражаться, реальное соотношеніе силъ. Между многими абсолютными эгоизмами произойдетъ борьба интересовъ, каждый захочетъ пользоваться другимъ, какъ своею собственностью. Въ результатѣ образуется столь любезный Штирнеру „союзъ эгоистовъ", но съ однимъ отгѣнкомъ, который онъ упустилъ изъ виду. Образуется „союзъ эгоистовъ" наиболѣе сильныхъ, которые, ссылаясь на доктрину Штирнера, покорятъ себѣ менѣе сильныхъ, или, выражаясь языкомъ единственнаго, „утолятъ на нихъ голодъ своего эгоизма". Когда же слабые признаютъ свою силу и имъ надоѣстъ подчиняться

сильнымъ, они, ссылаясь на того же Штирнера, образуютъ новый союзъ эгоистовъ, подъ названіемъ революціонеровъ, и постараются захватить власть въ свои руки. Словомъ, по совѣтамъ и завѣтамъ „отца анархизма" образуется нынѣшнее государство, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто всѣ нынѣ существующія партіи, всѣ, кромѣ Штирнера и его единственнаго.

Такимъ образомъ, присматриваясь ближе къ абсолютному эгоизму, этому рычагу, которымъ анархизмъ надѣется опрокинуть самое понятіе о государствѣ, мы, къ изумленію, видимъ, что это не разрушительный рычагъ, а самая твердая опора всѣхъ существовавшихъ данныхъ государственныхъ формъ. Идеалъ Штирнера какъ двѣ капли воды похожъ на самую мрачную дѣйствительность. Великіе государственные насильники, Тамерланы и Наполеоны, были великими, почти абсолютными эгоистами, но только не на бумагѣ, а на дѣлѣ. Но эти подлинные эгоисты, въ отличіе отъ бумажныхъ, тщательно скрывали отъ глазъ толпы тайну эгоизма, кутали ее въ покровы религіозныхъ и гражданскихъ добродѣтелей. Наряду съ великими эгоистами притѣсняли человѣчество и маленькіе, не по своимъ намѣреніямъ, а по силамъ. Если же государственныя формы эволюционировали, то не потому, что мѣнялось содержаніе людскаго эгоизма, а потому, что мѣнялось количество эгоистовъ. Вчерашніе рабы, благодаря не новымъ опредѣленіямъ личности, а новому содержанію культуры, почувствовали свою силу, поняли, что и они, Божьей милостью, эгоисты и приняли участіе въ государственной власти.

Если теперь отъ политическихъ содержаній перейти къ экономическимъ, то увидимъ, что и тутъ Штирнеръ, желая сокрушить основы социализма, въ дѣйствительности является лишь скромнымъ комментаторомъ социалистической же программы и тактики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ по ученію анар-

хизма должны поступить эгоисты, сознавъ свою экономическую зависимость отъ теперешнихъ собственниковъ? Вотъ отвѣтъ Штирнера. „Если мы хотимъ,—говоритъ онъ,—завладѣть землей, вмѣсто того, чтобы дать пользоваться ею теперешнимъ „землевладѣльцамъ“, то сойдемся вмѣстѣ, совокупимъ всѣ усилія, образуемъ союзъ, который и станетъ собственникомъ земли. И равнымъ образомъ какъ земли, мы лишимъ ихъ и другой ихъ собственности, чтобы превратить ее въ свою, въ собственность похитителей. Соединимся же, чтобы совершить это похищеніе“.

Призывъ этотъ, очевидно, относится къ неимущимъ, къ тѣмъ самымъ, къ кому обращена проповѣдь социализма. По содержанію своему, призывъ этотъ совѣтуетъ, во-1-хъ, составить союзъ, т.-е. придать своей борьбѣ характеръ классовый, во-2-хъ, требованія своего эгоизма основывать не на разсужденіяхъ о правахъ, а на силѣ и, въ 3-хъ, отнятую землю и другое имущество превратить въ общую собственность союза. Всѣ эти совѣты „отца анархизма“ абсолютно совпадаютъ съ программой и тактикой правовѣрнаго социализма. Трагическое положеніе анархической доктрины заключается въ томъ, что она не въ силахъ выдумать такого формальнаго опредѣленія, которое не приходилось бы въ пору ко всѣмъ существующимъ содержаніямъ. Но если идея анархизма такова, что она примѣнима ко всякому историческому строю, то, очевидно, это идея пустая, безсодержательная. Штирнеръ хотѣлъ всей своей доктриной врости въ чистую эмпирику, но его эмпирически найденная личность оказалась самой общей, формальной, отвлеченной идеей изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали въ умозрѣніи. Его личность относится враждебно къ исторически сложившейся жизни лишь потому, что она внѣ исторіи и внѣ жизни.

Но можетъ быть, идеаль Штирнера, а равно и

другихъ теоретиковъ чистаго анархизма, намѣренно - безсодержателенъ и заключается не во внѣшнемъ строительствѣ или разрушеніи, а во внутреннемъ раскрѣпощеніи сознанія отъ всѣхъ внутреннихъ же узъ покорности и примиренія? Недаромъ Штирнеръ заявляетъ, что „только потому можно узнать, что будетъ дѣлать рабъ, когда онъ разобьетъ свои оковы“. Но оковы эти не внѣшнія, а внутреннія, тѣ самыя, которыми Сократъ самъ себя связалъ, преклонившись передъ законной властью. Социализмъ освободилъ сознаніе рабочаго класса отъ покорности передъ властью, осуществляемой буржуазіей. Остается еще власть, которая будетъ установлена самимъ пролетаріатомъ, и по отношенію къ ней социалисты проповѣдуютъ такую же покорность и почитаніе, какъ идеологи прежней государственности къ власти имущихъ. Можетъ быть, цѣль анархизма—итти дальше отъ того мѣста, гдѣ остановился социализмъ и освободить личность даже отъ той власти, которая служитъ его же интересамъ, даже отъ того союза эгоистовъ, въ который онъ добровольно поступилъ, отъ обязанности исполнить даже тотъ договоръ, который онъ самъ заключилъ? Если это такъ, то мы открыли пунктъ, гдѣ анархизмъ дѣйствительно расходится съ социализмомъ, и это чрезвычайно важно. Оставляя социализму устройство всѣхъ внѣшнихъ содержаній, анархизмъ, быть можетъ, стремится стать современной религіей, ибо религія тѣмъ и отличается отъ политики и морали, что она заботится не о внѣшнемъ устройствѣ, но о внутреннемъ душевномъ строѣ, и совмѣстима со всякимъ внѣшнимъ содержаніемъ.

Штирнеръ самъ не разъ намекаетъ на то, что его цѣль преобразовать не дѣйствительность, а наше отношеніе къ ней. „Было бы глупо, говорить онъ,—утверждать, что не существуетъ другой силы, кромѣ моей. Только мое настоящее от-

ношеніе къ ней совѣмъ другое, чѣмъ въ религіозный періодъ моей жизни. Я—врагъ всякаго высшаго могущества, между тѣмъ какъ религія учитъ насъ умиловивлять его, смиряться передъ нимъ“. Точно также онъ хотѣлъ бы измѣнить отношеніе человѣка къ равному себѣ. „Прежде личность съ личностью связывалась, а теперь онѣ соединяются. Прежде сынъ и отецъ связывались, какъ члены семьи. Теперь они соединяются, какъ эгоисты“. Въ человѣкѣ Штирнеръ хочетъ видѣть не священное существо, а предметъ пользованія. „Я нахожу, что соль дѣлаетъ мою пищу вкусной,—поэтому я солю. Я считаю рыбу предметомъ пропитанія,—поэтому я потребляю ее. Ты, по моему, способенъ дѣлать мнѣ жизнь веселѣе,—поэтому я беру тебя въ товарищи“. До сихъ поръ, по словамъ Штирнера, люди искали опредѣленной свободы, искали свободы слова, совѣсти, собраний и потому всегда впадали въ новое рабство,—тѣхъ самыхъ обязанностей, которыя они сами свободно создавали. Истинная свобода должна заключаться въ отрѣшеніи отъ всѣхъ опредѣлений, отъ всякихъ обязанностей, отъ религіи, отъ законовъ, отъ человѣчества. Свобода Штирнера—свобода отъ всякихъ интересовъ и содержаній, потому что сама свобода кажется ему высшимъ интересомъ и высшимъ содержаніемъ жизни.

Здѣсь мы, кажется, стоимъ у самаго источника анархистской мысли. И вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь передъ нами открывается основной порокъ всей анархической доктрины. Я не стану повторять обычныхъ возраженій, не коснусь вопроса о практической исполнимости свободы безъ внѣшнихъ гарантій, умолчу о томъ, что въ перспективѣ времени общество предшествуетъ личности, не приведу блестящей аргументаціи Бакунина, который въ памфлетѣ „Богъ и Государство“ доказываетъ, что признаніе автономной отъ общества

личности ведетъ къ рабству, ибо автономная личность также полномочна осуществлять свою свободу, какъ и на вѣки себя закабалить, не коснусь также довода, кажушагося Штаммлеру рѣшающимъ въ пользу государственности и заключающагося въ томъ, что анархистомъ человѣкъ можетъ быть только въ годы сознательной жизни, между тѣмъ какъ въ дѣтствѣ и старости онъ обязанъ жить въ зависимости и подчиненіи. Всѣ эти соображенія, сами по себѣ, можетъ быть, важныя, теряютъ всякое значеніе, если понимать анархизмъ, какъ свободу отъ содержаній и интересовъ. Какое дѣло личности до того, кто ей предшествовалъ, кто ее вскормилъ, кто будетъ ее лелѣять въ старости. Свободная отъ долга, она не обязана вознаграждать за прошлое; свободная отъ интересовъ, она не обязана заботиться о будущемъ. Ея единственное благо—ея свобода, единственный законъ—ея эгоизмъ.

Впрочемъ, всѣ эти возраженія излишни, такъ какъ главное возраженіе противъ анархистской доктрины заключено въ ней самой. Анархическій идеалъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ у Штирнера и Нитцше, похожъ на выстроенный по невѣрнымъ вычисленіямъ воздушный шаръ, который никогда не полетитъ, несмотря на страстное желаніе изобрѣтателя летѣть. Этотъ основной порокъ вычисленія заключается въ томъ, что оба элемента, на которые разлагается анархическій идеалъ, внутренне противорѣчивы, обезсиливаютъ одинъ другой, сводятъ на нѣтъ. Съ одной стороны, абсолютный эгоизмъ, какъ путь, съ другой,—абсолютная свобода, какъ цѣль. Но эгоизмъ ведетъ не къ свободѣ, а къ рабству, и полная свобода возможна лишь тогда, когда путь эгоизма покинуть. Мы можемъ мыслить свободу отъ всякихъ содержаній, но безсодержательнаго эгоизма мыслить нельзя. Стоитъ внести въ понятіе эгоизма малѣйшее содержаніе, и окажется, что въ немъ

самомъ уже заключенъ моментъ чего-то внѣшняго, противорѣчащаго внутренней свободѣ. Штирнеръ самъ говоритъ о голодѣ эгоизма, но голодъ дѣлаетъ насъ рабами тѣхъ благъ, которыя мы возжелѣмъ. Эгоистъ не бываетъ вообще эгоистомъ, а эгоистомъ чего-нибудь внѣшняго, недостающаго личности. Единственный Штирнера хочетъ относиться къ человѣку, какъ къ соли и рыбѣ, т. е. къ пищѣ. Но если анархическая свобода отъ государства не больше по объему, чѣмъ свобода желудка отъ пищи, то не долговѣчна она и не многого стоитъ. Конечно, эгоистъ, поработанный своимъ желаніемъ и внѣшнему міру, можетъ стремиться къ свободѣ, но къ свободѣ социалистической, а не анархической, т. е. не къ свободѣ отъ содержаній и интересовъ, а къ свободѣ отъ чужого насилія и гнета во имя своихъ личныхъ и классовыхъ интересовъ. Освободить личность отъ государства и въ то же время оставить на ней цѣпи абсолютнаго эгоизма, все равно, что повалить столбъ, къ которому прикованъ узникъ и сказать ему: теперь ты свободенъ, ступай, тащи за собой и цѣпи, и столбъ.

Безсодержательность опредѣленій и противорѣчія основныхъ началъ до того лежатъ на поверхности анархизма, что были замѣчены всѣми критиками этой доктрины, и въ особенности ея принципиальными противниками—соціалистами разныхъ отбѣнковъ. По своему обыкновенію, соціаль-демократы объясняютъ противорѣчія Штирнера тѣмъ, что онъ „въ сущности“ буржуа. По словамъ Плеханова, „устаи Штирнера говорить душа производителя товаровъ. Если Штирнеръ не доволенъ государствомъ, то потому, что государство, по его мнѣнію, недостаточно уважаетъ собственность производителя товаровъ. Онъ хочетъ владѣть своей собственностью, всей своей собственностью“. По отзыву Переса, „поскольку эгоистъ Штирнера носитъ человѣческій образъ, онъ пред-

ставляетъ лишь идеологическое отраженіе члена буржуазнаго общества, покоющагося на конкуренціи“. Бернштейнъ идетъ дальше и всю доктрину Штирнера объявляетъ пустою игрою словъ. „Гдѣ, — восклицаетъ онъ, — можно найти теперь отдѣльную личность, кромѣ какъ въ сумасшедшемъ домѣ!“ Человѣкъ 19-го вѣка только въ своемъ воображеніи можетъ быть отдѣльнымъ, въ дѣйствительности онъ также не бываетъ абсолютно отдѣльнымъ, какъ и абсолютно свободнымъ“. Самый рѣзкій приговоръ произноситъ Энгельсъ, объявляя все изслѣдованіе Штирнера какимъ-то курьезомъ и упираніемъ въ стѣну.

Мы видѣли, что эти упреки скрываютъ въ себѣ много справедливаго. Но изъ-за невѣрныхъ опредѣленій и противорѣчій называть анархизмъ бредомъ сумасшедшаго, курьезомъ или вообще основнымъ заблужденіемъ значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Изъ всѣхъ ученій современности анархизмъ одно изъ самыхъ глубокихъ и жизненно-сильныхъ. Если-бы идеи Штирнера и Нитцше были бредомъ и курьезомъ, то пришлось-бы признать сумасшедшей половину культурнаго человѣчества, всѣхъ тѣхъ, кого эти безумныя идеи зажигаютъ или смущаютъ. Если онѣ—бредъ сумасшедшаго, то откуда тогда ихъ магическая сила, ихъ соблазняющее могущество? Почему безуміе и курьезъ такъ сильно приковываютъ къ себѣ вниманіе благоразумныхъ, приводятъ ихъ въ такое негодованіе, заставляютъ ихъ такъ рѣзко спорить? Вѣдь, обыкновенно курьезъ самъ себя убиваетъ и идеи, выходящія изъ сумасшедшихъ домовъ, не рождаютъ великихъ идейныхъ конфликтовъ.

Всякій, кто безъ партійной предубѣжденности прислушивался къ рѣчи Штирнера и Нитцше, знаетъ по собственному опыту, какими острыми мечами эта рѣчь уязвляетъ сознаніе и чувство. Что въ ученіи Штирнера скрыта великая истина,

нѣтъ сомнѣнія, но что онъ самъ этой истины не сознавалъ, тоже несомнѣнно. Не онъ владѣлъ ею, но она, будучи по своему происхожденію интуитивно-волевою, владѣла имъ. Въ его словахъ мы слышимъ крики рождающейся истины, черты которой были ему такъ же мало извѣстны, какъ мать не знаетъ въ лицо ребенка, котораго въ мукахъ рождаетъ. Для того, чтобы увидѣть истину Штирнера, нужно отойти отъ его словъ, взглянуть на его истину съ другого пункта, чѣмъ онъ самъ на нее глядѣлъ.

Анархизмъ, какъ и социализмъ, отрекся отъ философіи для чистой эмпирики. Однако, на почвѣ эмпирики конфликтъ между ними остается неразрѣшеннымъ и ни къ чему, кромѣ рѣзкой брани, не привелъ. Вопросъ о коренной двойственности, въ которой обѣ доктрины расходятся, такъ и остался безъ отвѣта. Но какъ минусъ на минусъ даетъ плюсъ, такъ столкновение двухъ доктринъ, отрицающихъ философію, приводитъ насъ къ необходимости вернуться къ методамъ философіи. Чтобы понять столкновение двухъ истинъ, нужно подняться на высоту, равно господствующую надъ обѣими. А другой такой высоты нѣтъ, кромѣ философіи, науки, изслѣдующей вѣчные законы духа. Попытку въ этомъ отношеніи, по моему неудачную, сдѣлалъ Башъ, который сводитъ анархизмъ къ ученію Лейбница о монадахъ, въ последнее время воскрешенному французскимъ философомъ Ренувье, въ его „Новой монадологіи“. Ученіе о монадахъ требуетъ признанія предустановленной гармоніи міра, что ни въ коемъ случаѣ не примѣнимо къ такимъ анархистамъ, какъ Штирнеръ и Нитцше, которые, по словамъ же Баша, „исходятъ изъ всеобщей дисгармоніи и къ ней приходятъ, подчеркивая съ крайней энергіей неистребимое неравенство людей“. Монадологія имѣетъ нѣкоторыя точки касанія съ буржуазнымъ либерализмомъ и съ идеями Бакунина и Кропот-

кина, которыхъ Башъ, вслѣдъ за Дитцелемъ и Зиммелемъ, неправильно причисляетъ къ анархистамъ, но не съ подлиннымъ анархизмомъ и социализмомъ.

Мнѣ кажется, что конфликтъ двухъ социально-нравственныхъ доктринъ можетъ быть освѣщенъ и примиренъ не въ монизмѣ и не въ дуализмѣ, а въ мѣоническомъ ученіи о нравственномъ единствѣ.

Н. Минскій.

* * *

Огненный отблескъ заката
Глянулъ сквозь черень стволовъ.
Снова ишу я возврата
Цѣпи мелькающихъ словъ.

Помню я часъ предзакатный,
Красныя волны вдали,
На морѣ черныя пятна,
Контуръ дальней земли.

Вечеръ послѣдній прощальный:
Завтра родная земля.
Словно напѣвъ погребальный
Всплески о борть корабля.

Въ быстромелькающей смѣнѣ
Мысли, слова—какъ кошмаръ.
На морѣ черныя тѣни
Гасятъ закатный пожаръ.

Alexander.

С к у к а.

Словно отблескъ давней были
Отразился въ зеркала.
Волны прошлаго омыли
Утомленные тѣла.

Мертвой жизни скученъ волокъ,
Мутны тѣни блѣдныхъ словъ,
День мучителенъ и дологъ
Подъ напѣвъ колоколовъ.

Жизнь едва скользитъ устало,
Однозвученъ каждый мигъ.
Изъ-за темнаго забрала
Скука кажетъ мертвый ликъ.

Alexander.

Г о р е.

Посв. З. И. Рудъ.

Казалось, смерть обвинчала ихъ. Такъ робки стали наши рѣчи о томъ, что она не любила его и чувствовала къ нему тяжелое, доходившее до тошноты отвращеніе. Въ пятницу утромъ онъ пришелъ къ ней и убилъ ее и себя. Теперь этотъ несчастный и одинокій человѣкъ, котораго мы всѣ презирали за его нечистоплотную и безстыдную ревность, сталъ намъ казаться сильнымъ и мудрымъ, ибо смерть удалась ему. И когда, похоронивъ ихъ рядомъ, мы пришли потомъ въ ея квар-

тиру, гдѣ еще были завѣшаны зеркала, стоялъ безпорядокъ и растерявшаяся прислуга не знала, кого ей слушаться,—намъ уже хотѣлось думать, что когда-то она любила его, хотя на самомъ дѣлѣ она не любила его никогда. Подъ знакомымъ абажуромъ, въ комнатѣ, гдѣ еще витала ея изящная и больная душа, мы стали вспоминать всѣ перипетіи этой страшной любви. Вспоминали, какъ, въ морозный вечеръ на бульварѣ, онъ обнималъ ея ноги и плакалъ. Вспоминали, какъ онъ неудачно стрѣлялся въ прошломъ году. Говорили, что онъ уже больше не могъ работать, и недописанную диссертацию, съ отмѣтками Байера, отдалъ Терехову, а тотъ дѣлалъ ее, неизвѣстно куда. А Котомкинъ вспомнилъ, что у него еще должны быть стихотворенія, которыя тоже можно было бы напечатать, но никто не зналъ, гдѣ они... И всѣ говорили, говорили долго и много, перебивали другъ-друга, и никто не смѣлъ нарушить молчаніемъ безконечной цѣпи воспоминаній. Я сидѣлъ на своемъ старомъ мѣстѣ, въ этомъ темномъ углу между роялью, диваномъ и этажеркой, и тоже говорилъ что-то, но уже не помню, что...

И странно: мнѣ вспоминалось все самое смѣшное въ моей жизни, и до боли хотѣлось смѣяться. Я вспоминалъ, какой онъ былъ до смѣшного некрасивый: его звали „кувшиннымъ рыломъ“. Какъ смѣшно онъ любилъ ее. Какъ смѣшно онъ ходилъ, смѣялся, рассказывалъ анекдоты и всегда забывалъ ихъ конецъ. И даже эти анекдоты припомнились мнѣ, смѣшные и глупые. Я кусалъ себѣ губы, чтобы не разсмѣяться и страдальчески кривилъ ротъ. Они всѣ видѣли мои страданія и принимали ихъ за настоящія, такъ какъ знали, что я тоже несчастенъ и тоже нелюбимъ. Но въ руды у меня нарасталъ и ширился хохоть, подступалъ къ горлу, и я уже смѣялся беззвучнымъ, внутреннимъ смѣхомъ.

Котомкинъ сказалъ: „Душа ея взята Богомъ и святыми его ангелами. Ея жизнь въ послѣднее время была сплошнымъ адомъ. Вы помните старца Зосиму у Достоевскаго; вы помните у него: „Что есть адъ? Мысль: страданіе о томъ, чего нельзя любить“. Она страдала—говорю вамъ. Страдала отъ невозможности любить его. Онъ являлся къ ней утромъ и уходилъ только вечеромъ, когда являлись мы. На колѣняхъ передъ ней онъ исползалъ всю эту комнату. И когда я случайно приходилъ слишкомъ рано, я заставлялъ его въ полубморочномъ состояніи; она отпаивала его водой... И Квасковъ продолжалъ: „Бѣдный онъ, бѣдный“... Онъ говорилъ мнѣ, бывало: „Клянусь тебѣ, мнѣ ничего не надо. Мои руки протягиваются къ ея душѣ“. Но я видѣлъ, что онъ тѣлесно жестоко страдалъ. Каждый уголокъ ея тѣла дразнилъ и раздражалъ его... „Эта подробность,—сказалъ Благинъ,—вы помните, что кофточка ея растегнута и даже не обожжена выстрѣломъ, эта подробность кажется мнѣ болѣе страшной, чѣмъ самый фактъ ея смерти. Значить, она видѣла сама, что другого исхода нѣтъ. И она разстегнулась сама и сказала: убивай. И за минуту передъ смертью, убивая ее, онъ увидѣлъ эту дорогую грудь, которую такъ любилъ“...

Они все говорили, говорили безъ конца...

А хохотъ клокоталъ во мнѣ и мощно просился на волю. И чѣмъ больше они говорили, тѣмъ сильнѣй содрогался я отъ колючаго хохота, и каждое ихъ слово казалось мнѣ все смѣшнѣй и смѣшнѣй. Мнѣ хотѣлось выбѣжать въ комнату рядомъ, чтобы залиться тамъ безумнымъ, неудержимымъ хохотомъ; но я сидѣлъ въ далекомъ углу и невозможно было выйти незамѣченнымъ. И я ждалъ покорно: вотъ, вотъ сейчасъ... И выдумывалъ объясненія и предлоги, одинъ другого безсмысленнѣй. И тогда вспомнилось мнѣ то, что я

однажды прочелъ у Анатоля Франса. Въ провинціальномъ городкѣ умираетъ каскадная пѣвица, которую всѣ любили за ея веселый нравъ. Она пѣла всего одну шансонетку, похабную до идиотизма:

Je casse les noisettes en m'asseyant d'ssus.

И когда о ея смерти сообщили доброму и одинокому М. Бержерэ, онъ вспомнилъ эти глупыя слова и разсмѣялся. Ихъ вспомнилъ и я, и чудовищный грязный кошмаръ овладѣлъ мной. Противная дробная судорога какъ-бы пронзила меня. Я сталъ хохотать и хохоталъ, хохоталъ, какъ будто-бы тысяча демоновъ щекотала меня. И въ судорогѣ хохота я видѣлъ Котомкина: бездушный и мертвый ужасъ неизбежности застылъ на его лицѣ.

Сегодня я сижу у него. Тихій свѣтъ, тихая комната и Андрей, нѣжный и ласковый, какъ сестра. Когда я начинаю плакать, онъ прижимаетъ меня къ своей теплой груди, говоритъ мнѣ добрыя слова утѣшенія. О, дорогой!..

...И онъ продолжаетъ: „О смерти надо думать стихами. Такими вотъ чудесными и примиряющими, какъ эти:

C'est un ange qui tient dans ses doigts magnetiques

Le sommeil et le don des rêves extatiques

Et qui refait le lit des gens pauvres et nus“.

Онъ останавливается, обращаетъ ко мнѣ свое свѣтлое лицо и повторяетъ:

Et qui refait le lit des gens pauvres et nus.

Я смотрю на него, смотрю на его бѣдную кровать подъ коричневымъ байковымъ одѣяломъ и мнѣ начинаетъ казаться на самомъ дѣлѣ, что небесный ангелъ, съ бѣлыми, милыми крыльями, неслышно оправляетъ ее и тихо шепчетъ:

— Усни...

И я говорю Котомкину: нѣтъ. Я не думаю о

смерти, Андрей. Въ душѣ у меня живетъ надежда: она придетъ. Я жду ее и буду ждать еще долго. Можетъ быть, цѣлые годы пройдутъ... Но вѣра останется жива: она придетъ. Придетъ обремененная и усталая отъ жизни, отъ любви другихъ и—о горе—отъ своей любви. Тогда я обвѣю ее тихой лаской, упокою ее и такъ же скажу: Усни... Усни...

Мои глаза снова начинаютъ слезиться и плачутъ. И Котомкинъ снова беретъ мою голову, прижимаетъ ее къ себѣ и мягкой рукою проводитъ по волосамъ. Какъ будто хочетъ сказать:

— Не думай. Не надо думать...

Борисъ Койранскій.

Демоны поэтовъ.

1. КРУГЪ ДЕМОНОВЪ.

Я—поэтъ, и я хочу говорить о поэтахъ. Точнѣе—о ихъ демонахъ.

Демоновъ, конечно, нѣтъ. Что же, можетъ быть, нѣтъ и поэтовъ? Нѣтъ ли, есть ли—все равно. Значимо только то, что я хочу говорить объ этихъ предметахъ.

Поэтъ, говорящій о поэтахъ, находится въ исключительно-счастливыхъ условіяхъ. По свойственной поэту пріятной способности всему удивляться, всѣмъ восхищаться и вдохновляться всякими явленіями жизни, поэтическія произведенія, которыя поэтъ читаетъ, производятъ на него обаятельное, волнующее впечатлѣніе. Чужіе стихи для поэта или совсѣмъ мертвы, вовсе не существуютъ, или волнуютъ и трогаютъ его чрезвы-

чайно. Человѣкъ, способный приходить въ восхищеніе передъ мертво играющими въ атмосферѣ демонами воздуха и пыли, онъ ли зѣвнетъ надъ прекрасною поэмою? Онъ ли почититъ равнодушною хвалою игру творящаго духа, хотя бы то былъ и „мелкій бѣсъ“, изъ самыхъ нечиновныхъ?

Понять каждую гримасу, подмѣтить всѣ эти легкія дрожанія въ уголкахъ губъ, каждый бѣглый, мгновенный огонекъ отразить въ себѣ, подъ самую послѣднюю заглянуть личину—это наслажденіе очень изысканное, за которое каждый изъ насъ такъ благодаренъ другому поэту.

Наслажденіе очень изысканное, хотя и очень опасное. Стрѣла летитъ иногда и дальше цѣли,—слишкомъ тонко выпрядаемая нить слишкомъ рано рвется между пальцами внезапно дрогнувшей пряхи,—медъ до-излиха сладкій въ горькое превращается вдругъ яство.

Слишкомъ глубокое пониманіе собираетъ сокровища, которыхъ никто не расточалъ, и жнетъ пшеницу, никѣмъ не посѣянную, радуя лукавыхъ, которые всегда смѣются надъ человѣкомъ.

Поэтъ—вдохновенный творецъ, чародѣй и мечтатель. Вотъ открываетъ онъ чужую книгу и ворожитъ надъ нею.

Скатерть-самобранка, разстилайся предо мною,—угости меня дивною трапезою. Я хочу тонкихъ винъ и благоуханныхъ снѣдей.

И раскрывается,—и уставленъ столъ.

Насыщенъ и пьянъ встаю изъ-за дивнаго пира, и томно кружится голова,—и погано хихикаетъ одинъ изъ лукавыхъ, и шепчетъ вкрадчиво и злобно:

— Пепель и угли—твои снѣди, болотною ржавчиною краснѣетъ вино твое, смрадные черепки—сосуды, изящностью которыхъ прельщался ты.

Посмотри,—онъ правъ, лукавый.

Ну такъ что же! Правъ и ты, поэтъ. Ты насла-

дился,—и усладительныхъ миговъ никто не отниметъ отъ тебя.

Вотъ было для тебя творчес во иного поэта океаномъ, переплеснувшимъ переплескъ вольныхъ волнъ черезъ черную черту береговъ. Ты прошелъ надъ океаномъ, шагами измѣрилъ ты неизмѣримую ширину его, вершками исчислилъ ты его глубину,—но не стыдись восторженныхъ похвалъ: не ты ли былъ солнцемъ, отразившимъ свой ликъ въ океанъ?

Хвала—дѣло поэта, восторгъ—его правда.

Экстазы поэта достойнѣе, чѣмъ придирчивыя истолкованія критика.

Не было такого времени въ Россіи, когда критика не совершала бы позорнаго дѣла охуленія литературныхъ славъ. Русскіе критики достигли того, что въ представленіи русскихъ людей, столь еще простодушныхъ, самое слово „критика“ стало равнозначущимъ со словомъ „брань“. Любители презрительныхъ выраженій съ восторгомъ читали и читаютъ критическія статьи, гдѣ творческій трудъ и свѣтлое вдохновеніе поэтовъ расцѣнивались и расцѣниваются съ грубою развязностью, какъ дѣло глупое и позорное.

„Услышать судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“...

„Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ“...

Читаю статью Бѣлинскаго, искреннѣйшаго изъ русскихъ критиковъ, о поэзіи гениальнаго Баратынскаго. Какая тупость! Какое чистосердечное нежеланіе понять.

Но что же? Примѣры неисчислимы...

И въ наши дни, кто изъ нынѣ живущихъ критиковъ не имѣетъ въ своей литературной карьерѣ большого или меньшаго числа оплеванныхъ имъ поэтовъ, имена которыхъ онъ и самъ произносить теперь не безъ уваженія?

И вѣнцы надѣвала иногда критика—или запоздалые, или неправые...

Такъ было и бываетъ потому, что критикъ ко всякому литературному явленію подходитъ съ кодексомъ правилъ, заранѣе изготовленныхъ. И все живое въ поэзіи выльзаетъ за рамки этихъ правилъ.

Въ оцѣнкѣ поэтовъ простой читатель, ни поэтъ, ни критикъ, занимаетъ среднее мѣсто. Онъ не способенъ восторгаться красотами, которыя еще должны быть исчарованы изъ мертвой груды словъ; онъ не способенъ понять того, что такъ глубоко скрыто подъ образами, того, чего поэтъ, можетъ быть, и не вкладывалъ въ свои образы, но что можетъ быть очень точно и вѣрно примышлено. Это суживаетъ для него тотъ кругъ, внутри котораго лежитъ для поэтовъ прекрасное и мудрое.

Но читателю нѣтъ дѣла до педантически обоснованныхъ литературныхъ правилъ,—въ книгѣ онъ ищетъ не иллюстрацій для своихъ теорій, а непосредственнаго удовольствія. И придирчивыя требованія критика, и мечтательные восторги поэта замѣнены для него случайными склонностями и влеченіями, порожденіями его случайныхъ переживаній. Если и онъ иногда беретъ въ свои руки, для забавы или для глубокомыслія, ржавый желѣзный шаблонъ критика, онъ накидываетъ эту игрушку на что попало и какъ попало. И похвалы и порицанія его неожиданны и странны. Громкою славою вѣнчается онъ тупого графомана, сдѣлавшаго своимъ прибыльнымъ ремесломъ проституированіе высокаго искусства, и равнодушно проходитъ мимо Тютчева, мимо Баратынскаго, мимо Фета, мимо...

Изъ этого треугольника неправыхъ отношеній я хочу выйти. Восторгаться кѣмъ бы то ни было я не хочу,—пресытился я восторгами и умиленіемъ, и уже не хочу простосердечно вкушать лакомые угли и сладкій пепелъ.

„Самъ собою вдохновляюсь“,—и съ меня этого довольно.

Хулою не оскорблю ничьего творческаго вдохновенія. Все, что въ области поэзіи, для меня свято. Никакого канона не признаю, никакою теорією не надавлю на живую ткань поэтическаго мечтанія.

Отъ случайностей же читательскаго вкуса избавятъ меня сами Демоны поэтовъ, которые уже предстоятъ мнѣ.

Широкимъ кругомъ стали они около меня, раздѣлили между собою весь мой горизонтъ и всю мою атмосферу, всю многоликую и многоголосную Иронію живого слова явили они мнѣ. И всякій являемый ими ликъ—точная истина, и всякій ихъ вопль говоритъ: Да. Противорѣчивую утверждаютъ они подлинность міра.

Чта же такое они сами?

Вся область поэтическаго творчества явственно дѣлится на двѣ части, тяготя къ одному или другому полюсу.

Одинъ полюсъ — лирическое забвеніе даннаго міра, отрицаніе его скудныхъ и скучныхъ двухъ береговъ, вѣчно текущей обыденности, и вѣчно возвращающейся ежедневности, вѣчное стремленіе къ тому, чего нѣтъ. Мечтою строятся дивные чертоги несбыточнаго, и для предваренія того, чего нѣтъ, сожигается огнемъ сладкаго пѣснотворчества все, что есть, что дано, что явлено. Всему, чѣмъ радуется жизнь, сказано нѣтъ.

Въ накуренной и заплеванной биргалкѣ сидитъ буржуа съ насандаленнымъ носомъ; передъ нимъ кружка пива и сосиски. Онъ куритъ вонючую сигару, слушаетъ пьяный гамъ и блаженствуетъ, витая въ золотомъ снѣ. Нектаръ передъ нимъ въ хрустальномъ бокалѣ, и амброзія на чеканномъ золотомъ блюдѣ, и голубой передъ нимъ вьется дымъ ароматнаго куренія. Самъ онъ молодъ и прекрасенъ, и золотыя кудри обрамляютъ его дивную голову. Онъ—поэтъ. Сидитъ онъ—и поетъ (сочиняетъ стихи). И чего нѣтъ въ его стихахъ!

„Воспѣвается, простодушный“...

„Поэтъ на лирѣ вдохновенной“...

„Несись душой превыше праха...“

И ликамъ ангельскимъ внемли“...

„Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка,

Но въ мірѣ будь величественъ и святъ“...

Идетъ въ міръ на улицу, встрѣчаетъ дѣву

„съ улыбкой розовой, какъ молодого дня

за рощей первое сіянье“...

На взглядъ посторонняго и трезваго, это—просто грубая и неряшливая дѣвица... женщина... можетъ быть, безпорочная... можетъ быть, совсѣмъ порочная. Но для лирика съ насандаленнымъ носомъ она—прелестная Дульцинея.

Вѣчный выразитель лирическаго отношенія къ міру, Донъ-Кихотъ зналъ, конечно, что Альдонса—только Альдонса, простая крестьянская дѣвица съ вульгарными привычками и узкимъ кругозоромъ ограниченнаго существа. Но на что же ему Альдонса? И что ему Альдонса? Альдонсы нѣтъ! Альдонсы не надо. Альдонса—нелѣпая случайность, мгновенный и мгновенно изживаемый капризъ пьяной Айсы. Альдонса—образъ, плѣнительный для ея деревенскихъ жениховъ, которымъ нужна работающая хозяйка. Донъ-Кихоту,—лирическому поэту,—ангелу, говорящему жизни вѣчное нѣтъ,—надо надъ мгновенною и случайною Альдонсою воздвигнуть иной, милый, вѣчный образъ. Данное въ грубомъ опытѣ дивно преображается,—и надъ грубою Альдонсою возстаетъ вѣчно прекрасная Дульцинея Тобозская.

Грубому опыту сказано сжигающее нѣтъ, лирическимъ устремленіемъ дульцинируется міръ. Это — область Лирики, поэзіи, отрицающей міръ, свѣтлая область Дульцинеи.

„Отъ пламенѣющаго змѣя

Святыя прелести тая,

Ко мнѣ склонилась Дульцинея,—

Она моя, всегда моя“.

Въ эту область лирическаго Нѣтъ нынѣ я не

пойду. Эта область желаннаго, прекраснаго, гармоничнаго искони была любимымъ мѣстомъ для прогулокъ всѣхъ добрыхъ и злыхъ критиковъ. Какія бы личины ни надѣвались поэтами на трудолюбивую и дебелую Альдонсу,—личины Афродиты или Медузы, Дѣвы Маріи или Астарты, Прекрасной Дамы или Вавилонской блудницы, доброй Лилиты или лукавой Евы, Татьяны или Земфиры, Тамары, дочери Гудала, или царицы Тамары,—всѣ эти внѣшнія, ярко и пестро размалеванныя личины давно и хорошо знакомы каждому школьнику.

Я же хочу быть покорнымъ до конца. Я влекусь нынѣ къ тому полюсу поэзіи, гдѣ вѣчное слышится да всякому высказыванію жизни. Не стану собирать въ одинъ плѣнительный образъ случайно-милая черты,—не скажу:

— Нѣтъ, не козломъ пахнетъ твоя кожа, не лукомъ несетъ изъ твоего рта,—ты свѣжа и благоуханна, какъ саронская лилія, и дыханіе твое слаще духа кашмирскихъ розъ, и сама ты, Дульцинея, прекраснѣйшая изъ женщинъ.

Но покорно признаю:

— Да, ты Альдонса.

Подойти покорно къ явленіямъ жизни, сказать всему Да, принять и утвердить до конца все являемое—дѣло великой трудности. На этомъ пути трудно пройти далеко, потому что его стережетъ Драконъ Вѣчнаго Противорѣчія.

Но познавшій великій законъ тождества совершенныхъ противоположностей не убоится дракона и безтрепетно вступитъ въ область вѣчной Ироніи.

Снимая покровъ за покровомъ, личину за личиной, Иронія открываетъ за покровами и личинами вѣчно-двойственный, вѣчно-противорѣчивый, всегда и на-вѣки искаженный ликъ. За ангельскимъ сладкогласіемъ поэтовъ, за образами ихъ золотого сна обличаетъ она сонмище уродливыхъ демоновъ...

Федоръ Солоубъ.

О жестокости.

Съ дѣтскихъ дней я привыкъ, научаемый повседневной рѣчью, думать, и даже быть увѣреннымъ, что среди европейскихъ народовъ есть одинъ, который, несомнѣнно, первенствуетъ въ области чувства, именующагося жестокостью. Черная маска, кинжалъ, бархатъ и кровь, блѣдныя лица и шпаги, убійство, романтика. Ну, конечно, я говорю объ испанцахъ. Ихъ ревность, ихъ фанатизмъ! Кто объ этомъ не говорилъ съ доступнымъ краснорѣчіемъ, а чаще—косноязычно? И кто же не вѣдаетъ объ испанской инквизиціи, хотя инквизиція была, кажется, итальянскимъ изобрѣтеніемъ, получившимъ апробацію болѣе или менѣе всѣхъ европейскихъ народовъ, межъ которыми испанцы были какъ разъ послѣдними, себѣ ее усвоившими. И потомъ—испанскіе сапоги! И испанскій бой быковъ. Хотя, конечно, нюренбергскій пыточный музей тоже весьма краснорѣчивъ, а всемірные бои пѣтуховъ, и охотничьи травли лѣсовъ Славянскихъ и Германскихъ и всяческихъ иныхъ записаны въ лѣтописяхъ жизни не лазурными, а красными буквами.

Но заглянемъ въ зеркало народной души, въ сферу народной мысли. Въ этихъ кристаллостяхъ зрящій всегда увидитъ что-нибудь тайное. Беру 3-й томъ „Cantos Populares Espanoles“, Sevilla, 1883 („Испанскія Народныя Пѣсни“), и среди этихъ пѣсенъ, собранныхъ Франциско Родригесомъ Мариномъ, нахожу особый отдѣлъ „Odio“ („Ненависть“). Въ этихъ пѣсняхъ ненависти отражается вражда чувства усомнивагося, или отвернувагося, или охладѣваго, или вознегодоваваго—словомъ всячески недоброжелательнаго. Перевожу нѣсколько этихъ маленькихъ быстрыхъ пѣсенокъ.

Съ глазъ моихъ долой сокройся,
 Не хочу тебя я видѣть;
 Ты мнѣ мерзостенъ, какъ мерзокъ
 Смертный грѣхъ.
 Я не хочу твоихъ хотѣній,
 И не хочу тебя хотѣть,
 Но чтобъ меня ты ненавидѣлъ,
 Я бѣ ненавиѣла тебя.
 Съ самой высокой стѣны
 Пусть мой ненавистникъ падетъ;
 Если мужчина онъ, пусть разорвется,
 Женщина, пусть въ бѣснованьи умретъ.
 Да восхочетъ Богъ, чтобъ всюду, всюду,
 Гдѣ пять чувствъ твоихъ ты помѣщаешь,
 Ты оплаченъ былъ въ твоёмъ хотѣнии,
 Какъ хотѣнью платишь моему.
 Твои глаза да вырветъ воронъ,
 И сердце да пронзятъ орлы,
 Да точатъ внутренности—змѣи,
 За чувства, что въ тебѣ такъ злы.
 На двери дома твоего
 Моей я кровью начертилъ:
 Нѣтъ срока, чтобы не истекъ,
 Нѣтъ долга, чтобъ не взысканъ былъ.

Не слишкомъ ли все это изящно—для жестокости? Это—вольная человѣческая душа. Тутъ нѣтъ судороги.

А посмотримъ, что намъ гласить русская народная пѣсня. Русскій народъ, въ его цѣломъ, говорятъ, христілюбивый. Народная пѣсня отражаетъ народныя свойства, душу цѣлаго народа, въ его расовомъ единствѣ, безъ какихъ-либо классовыхъ различій.

Беру „Великорусскія народныя пѣсни“, изданныя профессоромъ А. И. Соболевскимъ, и въ 3-мъ томѣ, посвященномъ пѣснямъ семейнымъ, на стр. 98-й читаю (Спб., 1897):

Кочеты запѣли, я сию-таки, сию;
 Другіе запѣли, на разумъ не беру;

Третіи запѣли, зря занялась,
 Зря занялась, я домой собралась.
 Подхожу я ко широкому двору;
 Деверь ходитъ по широкому двору.
 Прялочку на лавочку, башмачки подъ кровать,
 Башмачки подъ кровать, сама лягу на кровать.
 Старый мужъ обижается,
 Сѣдая борода поворачивается.
 „Борони, жена, не теперь ли ты пришла?“—
 — Старый мужъ, ты не бредишь ли?
 Сѣдая борода, не во снѣ ли говоришь?
 Я хочу вставать, хочу печку топить,
 Хочу щи-кашу варить, тебя, старого, кормить.—

Петельку на шейку накладывала,
 Милому въ окошко конецъ подала.
 Милый, потяни, душа-радость, помоги.
 Старый захрапѣлъ, ровно спать захотѣлъ,
 Зубы-то оскалилъ, будто смѣхъ одолѣлъ,
 Глазами замигалъ, будто я хороша,
 Въ ладоши хлопалъ, будто тѣшится,
 Ногами задргивалъ, будто бѣсится.

Рѣдкостныя строки, а и то еще замѣтимъ, что это пѣсня „хороводная“, и что, кромѣ перваго и послѣдняго, каждый ея стихъ въ пѣннѣ повторяется.

Зубы-то оскалилъ, будто смѣхъ одолѣлъ,
 Зу-убы-то оскалилъ, будто смѣхъ одолѣлъ.

Такъ нѣжно, такъ весело, такъ длительно, такъ сладостно, такъ ласково-любовно звучитъ повторность каждаго стиха. Кто-то радуется, и радость свою такъ и сякъ перевертываетъ. Кто-то тѣшится, нѣжнымъ изяществомъ тѣшится, и никакъ, и никакъ не натѣшится.

Тутъ вырастаетъ ужасъ,—явное ощущеніе кошки, душащей мелкаго грызуна,—ощущеніе такъ же и борзыхъ собакъ, толпой напавшихъ на одну чужую, и тискающихъ ея бездыханное, но все

еще теплое, тѣло. Горе мелкому грызуну! Горе чужой собацѣ! Горе всѣмъ, кто живетъ, горе всему, что чувствуетъ, ибо одна жестокость всегда, неизмѣнно, рождаетъ другую жестокость. И такъ до страшнаго срыва въ какую-то ненасытную пропасть.

Вы, быть можетъ, думаете, что эта пѣсня—случайный единственный бредъ какой-нибудь одинокой души? Нѣтъ. Эта пѣсня, съ различными видоизмѣненіями, гуляетъ по всей безмѣрной Россіи. Ея варіаціи, угрожающія ея разнотченія, записаны изслѣдователями въ Костромской губерніи и въ Олонецкой, въ Черниговской и Вятской, въ Уфимской губерніи и въ Донской области. Тутъ, очевидно, есть звукъ, говорящій отъ предѣла къ предѣлу. Мѣняется интонація, измѣняется степень изобрѣтательности, но звукъ идетъ и поетъ, и грозитъ.

Ты тани, тани, милой,

Потягай, дорогой.

Старое огужище не сорвется,

У стараго шея не оторвется.

„Рукамъ-ногамъ забилъ, будто чортъ задавилъ, еще лобъ залощилъ, глаза вытарашилъ“... „Ноги въ потолокъ, будто чортъ поволокъ“... „Языкъ вынулъ, ровно дражнится“... „Слюни распустилъ, будто бѣсится“...

Временами, вмѣсто звѣрской грубости и упоенія элементарнымъ дьявольствомъ, издѣвающаяся рѣчь въ точномъ смыслѣ цвѣтиста и узорна.

„Пойдемъ, старый, погуляемъ,

„Сине море повидаемъ“.

Середь моря разцвѣлъ цвѣтикъ.

„Поди, старый, сорви цвѣтикъ“.

И старый неизбѣжно идетъ, мучимый Молодою мучитель. Старый идетъ,—и первый шагъ—по колѣни, второй—по горло, третій—какъ ключъ ко дну.

Я спрошу того, кто слушаетъ и слышитъ: не великій ли здѣсь, грозящій и растущій, ужасъ?

Не сдвливаетъ ли несправедливая жестокость, не сдвливаетъ ли неуступчивая слѣпота умирающаго стараго—молодое горло, которое съ чудовищнымъ торжествомъ будетъ распѣвать пѣснь жестокости, послѣ того, какъ молодые руки, вотъ еще безгрѣховныя, вотъ еще красиво-незапятнанныя, осквернятся страшной неизбѣжностью?

К. Бальмонтъ.

Изъ жизни.

Московскія газеты „Новости дня и вечера“ и „Почта Амура“ перепечатали цѣликомъ разсказъ Кузьмина „Письма дѣвицы Клары Вальмонъ къ Розалии Тютельмайеръ“, удостоенный первой преміи въ журналѣ „Золотое Руно“.

Въ М. Литер.-Худ. Кружкѣ состоялся Вечеръ Новаго Искусства. Въ литературной части выступали: А. Бѣлый, В. Высоцкій, С. Кречетовъ, А. Брюсовъ (Alexander), Эллисъ, П. Ивановъ. Вечеръ прошелъ довольно неудачно.

~ Андрей Бѣлый прочелъ двѣ лекціи: „Искусство будущаго“, и „О символизмѣ“.

Валерій Брюсовъ прочелъ публичную лекцію „Театръ будущаго“.

Вышелъ первый альманахъ К-ва „Оры“: „цвѣтникъ Оръ“, „Кошница первая“.

Леонидъ Андреевъ вернулся въ Россію.

Мы слышали, что М. А. Оленина-д'Альгеймъ предполагаетъ основать музыкальную школу для специальной подготовки концертныхъ пѣвцовъ. Мѣстомъ для школы будетъ выбрана Москва или Парижъ.

Осенью выйдетъ въ Москвѣ „Сборникъ пародій“ на современныхъ русскихъ писателей, за колѣктивнымъ псевдонимомъ „Касьянъ Взмудзаевъ“.

Бібліографія.

ЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. „Мелкій Бѣсъ“. Романъ. Из—во „Шиповникъ“. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Едоръ Сологубъ — одинокъ въ современной русской литературѣ. Вокругъ него нѣтъ учениковъ и нѣтъ школы. Онъ написалъ одиннадцать книгъ, но до сихъ поръ нѣтъ еще ни одной серьезной критической работы объ этомъ замѣчательномъ писателѣ. Я думаю, что такое странное отношеніе къ Сологубу объясняется не только малокультурностью нашего общества, но и трудностью темы Сологуба.

Тема Сологуба это онъ самъ, но это не тотъ индивидуализмъ и субъективизмъ, которые составляютъ сущность всякой лирики: Сологубъ утверждаетъ себя не психологически, а религиозно. Въ этомъ религиозномъ самоутвержденіи — сологубовская тайна, въ этомъ — таинство его поэзіи и въ этомъ — трудность его темы. Нелегко и страшно подойти, заглянуть въ глубину темной и холодной поэзіи Сологуба.

Все въ этомъ темномъ полѣ
Одной покорно волѣ.

Любить Сологуба—это значить любить его волю и бороться съ ней, понимать Сологуба—это значить колдовать-ворожить вмѣстѣ съ нимъ. Но онъ всегда удаляется отъ иного взора:

Исхудалый и усталый,
Онъ идетъ одинъ въ пустыню,
Ищетъ, блѣдный и усталый,
Сокровенную святыню.

Кто будетъ обладать этой святыней, этимъ священнымъ сосудомъ съ муромъ?

Сологубъ окруженъ кольцомъ демоновъ. Надо перейти заклятую черту. Надо знать ему вѣдомыя заклятья. Но и за этой чертой — новая власть-сила противоборствуетъ, покрывая собой Сологуба. Это — сѣрая Недотыкомка. Она преслѣдуетъ путника, какъ безумѣвшая отъ ревности любовница; она влачится по камнямъ, призывая всѣхъ демоновъ на траурный пиръ; ея шопотъ-наѣвъ похожъ на причитанья-пѣсни сибирскихъ шамановъ, и сама она похожа на шамана или на шаманку, когда она въ черномъ своемъ экстазѣ разстилается во мракѣ таежной юрты.

Недотыкомка ужасна своей безформенностью. Ея природа характеризуется множественностью личинъ и отсутствіемъ лица: она не укладывается ни въ какія нормы и отрицаетъ всякую гармонию. Недотыкомка — отвратительнѣйшая карикатура на адогматизмъ и такъ называемый „мистическій анархизмъ“.

Являясь многообразно, воплощается Недотыкомка и въ „Мелкомъ Бѣсѣ“. Передоновъ — какъ одно изъ тѣхъ животныхъ, о которыхъ повѣствуетъ евангеліе: „Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней, и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло“. Передоновъ уже не человѣкъ, и погибаетъ онъ не какъ человѣкъ: падаетъ, какъ бѣсноватое животное, въ темное озеро небытія.

Свинья личина Передонова явлена намъ, какъ знакъ, вѣщій:

„Окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свинья рожка выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: „А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди? (Гоголь).“

Въ каждомъ произведеніи, воистину гениальномъ, есть своя магія, которая заставляетъ насъ отождествлять себя съ личиной, созданной художникомъ. Читая „Донъ-Кихота“, каждый говоритъ: я — Донъ-Кихотъ; читая „Гамлета“, тотъ же человѣкъ искренно повторяетъ: я — Гамлетъ. Также будутъ говорить и уже говорятъ про Передонова: „мнѣ страшно: я — Передоновъ“.

Безумная тема „Мелкаго Бѣса“ не порабощаетъ автора: съ ледяной мудростью онъ куетъ совершенныя художественныя формы для своего романа. Мы находимъ въ романѣ изумительную по чистотѣ и яркости русскую рѣчь, крылатый стиль, стройность повѣствованія и великолѣпный сильный реализмъ.

Издана книжка нехудо. Интересна обложка М. В. Добужинскаго.

Георгій Чулковъ.

ПЬЕРЪ ЛУИСЪ—Пѣсни Билитись. Переводъ Ал. Кондратьева. С.-Петербургъ. 1907 г. Ц. 1 р.

Эта книга—радость для тѣхъ, кого коснулось роковое вѣянье темнаго Эроса, какъ тростинку пригибающаго порой человѣка къ землѣ, то ведущаго его скорбнымъ путемъ Голгофы, то осыпаящего золотистымъ сіяніемъ счастья.

Непонятная, странная проблема пола мучительно овладѣла умами многихъ людей XX-го вѣка, заставила Пшибышевскаго, Л. Андреева, Гамсуна разрабатывать ее въ длинномъ рядѣ произведеній. Въ книгѣ Луиса она своеобразно и заманчиво—красиво разрѣшается устами прекрасной Билитись—поэтессы VI вѣка до Р. Хр.

„Къ мукамъ влечетъ насъ Эросъ“ восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Билитись, „но и къ свѣтлымъ весеннимъ радостямъ ведетъ онъ“. И большинство страницъ этой книги говорятъ о тѣхъ многообразныхъ радостяхъ, которыми даритъ Эросъ своихъ жертвъ.

„Когда рѣки подымутся до покрытыхъ снѣгомъ вершинъ; когда овесъ и пшеницу стануть сѣять въ подвижныя борозды моря;

„Когда сосны будутъ расти изъ озеръ, а водяныя лиліи на скалахъ; когда почернѣетъ солнце и луна упадетъ на траву,

„Тогда, но только тогда, я возьму другую любовницу и позабуду тебя, Билитись, душа моей жизни, сердце моего сердца“ („Клятва“).

Такъ говоритъ своей возлюбленной юноша 24 вѣка тому назадъ. Медленно, очаровательно, лепестокъ за лепесткомъ раскрывается исторія жизни женщины, вѣрнѣе, исторія любви, ибо вся жизнь этой женщины—любовь. Непонятные порывы, желаніе быть любимой, первое смущеніе отъ страстнаго взгляда и, наконецъ, первая искренняя, стихійная любовь.

Вторая часть книги—„Митиленскія элегіи“ объясняетъ новыми образами въ ихъ музыкальномъ ритмѣ... То, о чемъ „порядочные люди“ привыкли говорить шепоткомъ въ часы послѣбѣденнаго far-niente, маскируя негодованіемъ свои завѣтныя, тайныя привычки, здѣсь, въ рядѣ Митиленскихъ пѣсень, вырастаетъ въ симфонію звучныхъ словъ, яркихъ красокъ и рѣдкихъ образовъ. Изъ темнаго хаоса, непонятнаго для большинства и въ то

же время неизбежного, создается что-то колдующее, магическое, жезловое.

Пресловутую „лесбосскую любовь“, о которой все говорят с ужасом, часто не зная даже, что такое она, надо понимать в обстоятельствах и условиях времени ее расцвета.

Правь Пьер Луис, говоря в предисловии: „В обществе, где мужья ночью бывают так заняты вином и танцовщицами, женщины самою судьбой предназначены сближаться друг с другом и находить утешение в своей отчужденности. Отсюда возникает их склонность к той нжной влюбленности, которой древность дала им имя и которая заключала в себя гораздо больше естественного влечения, чем порочной изобретательности, как думали об этом мужчины“.

В прямой душевной атмосфере странной любви невольно вспоминаются наивные песни первой части.

Двушка боится, что кто-нибудь видѣлъ поцѣлуй.

— Кто насъ видѣлъ? Ночь и луна.

И звѣзды и проблескъ зари... Луна, отражаясь въ озерѣ, рассказала о насъ водѣ подъ плакучими ивами. А вода рассказала вслухъ.

Всело рассказало ладѣ. Ладья рассказала рыбаку. Увы, увы! О, если бы это было все! Но рыбакъ рассказъ женщинѣ.

Рыбакъ рассказъ женщинѣ... Теперь отецъ мой, мать, сестры и вся Эллада узнаетъ объ этомъ. (Пѣсня).

Третья часть книги—Кипрскія стихотворенія—начинаются гимномъ Астарѣ „Первороденной, вѣчно плодоносящей, ночной, тихой, огнелюбившей Пѣнѣ Морей“. Эта часть такъ интересна бытовыми картинами давно угасшей эпохи.

Передъ глазами вырисовывается видѣніе прекрасной античной жизни, когда на фонѣ вѣчно синяго моря въ лучахъ южнаго солнца алымъ цвѣткомъ распускалась любовь.

Переводъ этой изящно изданной книги выполненъ Ал. Кондратьевымъ безукоризненно. Не говоря о правильности текста, переводчикъ счастливо сохранилъ музыкальность размѣра оригинала и по этому большинство пѣсенъ Билитисъ остаются и въ переводѣ прекрасными камнями.

Ник. Пялковъ.

ОЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. „Истлѣвающія Личины“. Книга рассказовъ. Москва. 1907 годъ. Книгоиздательство „Грифъ“. Цѣна 1 рубль.

„Мы живемъ среди природы, которая вся насъ проникнута стремленіемъ къ жизни. Тысячелѣтія тому назадъ волея энергія природы была такъ велика, что возникли безчисленныя разности жизни на землѣ. Теперь энергія природы принимаетъ иной характеръ: природа стремится не только къ бытію,—она стремится къ тому, чтобы осознать себя. Насъ окружаетъ страстное желаніе не только быть, но быть самымъ сознательнымъ,—быть человѣкомъ, и болѣе, чѣмъ человѣкомъ“.... такъ старается объяснить одинъ изъ персонажей Сологуба то, что совершается вокругъ насъ въ послѣдніе годы. Совершается вокругъ и значить внѣ насъ, или только внутри насъ, какъ эволюція нашего сознанія—утонченіе или разложеніе нашего воспринимающаго аппарата—въ сущности безразлично. Согласимся даже съ людьми точнаго знанія, не будемъ спорить, что наступаетъ вѣкъ массоваго психоза и затемняется человѣческій разумъ, еще недавно

такъ гордо покоившійся на прочной голубятнѣ позитивизма. Не хочется спускаться съ этой голубятни, куда не такъ легко было забраться. Не хочется, хотя, вѣдь, съ неба небо вовсе не кажется ближе, а кругозоръ, если и расширился, то всего на нѣскольکو сажень. Не хочется, хотя ясно, что подниматься выше некуда. И все же не хочется. Быть можетъ... быть можетъ, земля ужъ вовсе не такъ тверда, какъ казалось раньше, когда строили голубятню. Зыблется земля и уходитъ изъ подъ ногъ.

„Было тихо, спокойно, не радостно и не грустно. Стѣны казались несокрушимыми“... и дальше все такъ просто: „Окно скрывалось за тяжелыми, темно-зелеными въ тонъ обоямъ на стѣнахъ, только гораздо темнѣе ихъ занавѣсами. Обѣ двери, и большая, въ боковой стѣнѣ, и маленькая, въ глубинѣ кабинета, противъ окна, были крѣпко закрыты. Замкнуты“...

„Гуровъ сказалъ громко и равнодушно:

— Заклятіе стѣнъ.

И остановился. Но въ чемъ же заклианіе? Забылъ слова. Или ихъ и не было?

Маленькіе нежити, зыбкіе, сѣренькіе, плясали вокругъ маленькой книги съ мертвенно бѣлыми страницами и шелестящими голосочками повторяли:

— Наши стѣны крѣпки. Мы въ стѣнахъ. Не придетъ къ намъ цѣпкій внѣшній страхъ“.

Но онъ идетъ уже, ползетъ и завивается вокругъ душъ зыблущійся цѣпкій страхъ. „Умерло древнее заклианіе стѣнъ“.

Умерло, какъ всегда это случалось, въ самую казалось неподходящую, напряженную, въ самую красочную и алгущую горячую кровью минуту. Жизнь напряжена, какъ никогда. Мы накануне, можетъ быть, мирового переворота. Идеалы простые и свѣтлые, стремленія опредѣленныя и ясныя снова волнуютъ человечество, объединяютъ его подъ старыми славными знаменами, на которыхъ написаны вѣчно живыя слова. Пусть эти слова звучатъ теперь иначе и нѣсколько непривычно—не все ли равно, какъ они звучатъ. Но только и теперь, и раньше, когда они звучали Liberté, fraternité, égalité, и теперь и раньше и еще раньше, путемъ вѣчнаго повторенія мы подходимъ къ заветной мечтѣ, за которой свѣтится жизнь ясная и свѣтлая, простая, опредѣленная, гдѣ не будетъ мѣста ни страданію, ни болѣзни, ни даже психозамъ. И вотъ всегда въ эти роковыя минуты, когда на мировомъ циферблатѣ стрѣлка приближается къ заветному сроку освобожденія, умираетъ старое заклианіе.

Говоря языкомъ точнымъ, въ эпохи широкихъ социальныхъ и политическихъ переворотовъ, въ обществѣ усиливаются мистическія теченія. И обратно. Когда въ первые годы Сипягинскаго царствованія по землѣ нашей разлилась „миръ и тишина“, едва ли кто-нибудь, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ фанатиковъ вѣрилъ въ возможность тѣхъ, уже историческихъ теперь событій, которыя наступили черезъ четыре—пять лѣтъ. Какъ разъ въ эти годы Соловьевъ заговорилъ объ Антихристѣ, народились декаденты и ученіе Ницше начало быстро просачиваться въ мирныя головы чеховскихъ хмурыхъ людей. Черезъ пять лѣтъ воздвиглись баррикады и русскія пушки загрохотали на московскихъ улицахъ.

Но мы не привыкли вглядываться во внутренній смыслъ событий.

Мы не привыкли всматриваться въ тѣ непонятныя нити, которыя связываютъ столь разнородныя явленія. А посмотрите, какъ жутко сплетаются эти нити:

„Какъ тихое дуновеніе легкаго вѣтра, мимо него прошелъ бѣлый мальчикъ, зыбкій, едва видимый. Открылась тайная въ стѣнѣ дверь. За нею—узкій, темный проходъ. И Пусторослевъ безъ колебанія пошелъ за мальчикомъ въ неизвѣстный путь...

Были тогда безпокойные дни. Рабочіе голодали, не шли на работы. Было много солдатъ и казаковъ. Иногда на улицахъ убивали“.

Или вотъ Елчикъ... Срубили елку. Прошло Рождество. А онъ ходитъ по комнатамъ и поетъ, скулить... Тревожно маленькому Симѣ, шепнулъ:

— Миленкій Елчикъ, почему же тебѣ у насъ не нравится? Мы всѣ—добрые... Помолчалъ Елчикъ сказалъ сердито:

— Иди завтра на улицу,—самъ увидишь“.

Утромъ мальчики, какъ всегда, пошли гулять съ фрейлейнъ... Старшій Симочкинъ братъ пробѣжалъ мимо. — „Фрейлейнъ,—крикнулъ онъ на ходу,—ведите дѣтей домой...“ Бѣги за братомъ,—быстро шепталъ Елчикъ,—брось нѣмку, бѣги за братомъ. Его сейчасъ убьютъ солдаты“.

И потомъ опять все просто, обычно: наклонились штыки, залпъ... „Земля заколебалась, поднялась, камни подъ снѣгомъ холодной мостовой прижались къ Симочкину лицу. Короткій мигъ было очень больно. И потомъ стало легко и приятно“.

Тревожная книга. Странная. Неодолимо влекущая. Раскрой ее и нѣтъ силъ оторваться, пока не дочитаешь до конца. И потомъ еще и еще перевертываешь эти страницы. Вчитываешься и все новое находишь въ этихъ простыхъ, черезъ чуръ простыхъ словахъ. Такъ просто можетъ говорить только очень большой художникъ, и, конечно, Сологубъ одинъ изъ величайшихъ, если не величайшій стилистъ современной русской литературы. И все-таки, когда откладываешь эту книгу, чтобы завтра снова взять ее въ руки, думаешь вовсе не о стилѣ, даже не о литературѣ... Думаешь о томъ, что нѣчто странное происходитъ вокругъ или въ нашемъ сознаніи—не все ли равно? Въ иной плоскости начинаемъ мы воспринимать явленія, и необыченъ наклонъ ея.

Странная книга.

Борисъ Группильонъ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Тайга. Драма. К-во Оры. Спб. 1907. 40 к.

Новымъ русскимъ искусствомъ менѣе всего создано въ области драмы. Въ сущности, новой драмы у насъ нѣтъ. Последнее время много говорятъ и пишутъ о новомъ театрѣ. Но и здѣсь больше теоретическихъ размышленій, чѣмъ творчества и осуществленія. И тѣмъ меньше въ нихъ цѣнности, что достаточно ясно полная неспособность теоріи искусства направить или сразмѣрить творчество.

Вполнѣ отчетливо слышенъ призывъ все къ болѣе и болѣе властному преодолѣнію быта. Но невѣдома еще самая форма, въ которую выльется это возсозданіе театра, возведеніе его на ту высоту искусства, какъ религія, куда взошла уже поэзія лирическая.

До сихъ поръ остаются лишь немногія и недостаточно увѣренныя попытки.

Къ числу такихъ попытокъ относится драма Чулкова. Отъ автора требовалась бы огромная напряженность мысли и слога, чтобы на 80 крохотныхъ страничкахъ осуществить тѣ огромные замыслы, которыми онъ задавался.

Подобная задача была выполнена до сихъ поръ лишь Гамсуномъ (вліяніе котораго, между прочимъ, чувствуется въ „Тайгѣ“).

Взять жизнь обнаженной отъ тѣхъ случайныхъ и многоцвѣтныхъ явленій, въ чешуѣ которыхъ она стоитъ передъ нами постоянно, намѣтить лишь нить послѣдней борьбы съ роковыми, темными силами Тайги, слѣпой страстью, холодомъ разума и любовью къ смерти, которая могутъ быть просвѣтлены и побѣждены лишь жертвой и Солнцемъ Чуда—таковъ замыселъ.

И мы найдемъ въ пьесѣ отдѣльныя мѣста сильныя, проникнутыя трепетомъ этого единого замысла.

Докторъ. „Я живу въ тайгѣ тринадцать лѣтъ и не могу до сихъ поръ разгадать ее. И мнѣ кажется иногда, что весь смыслъ жизни, любви и горя—въ ней, только въ ней“ (стр. 20).

Юрій. „Да тайга жива. Я приникалъ ухомъ къ землѣ и слушалъ, какъ стучитъ таяжное сердце. Темное, прекрасное сердце“ (31).

И Любовь, невѣста Юрія, пріѣхавъ къ нему, уже не узнаетъ его, не узнаетъ своей любви, не думаетъ о немъ. Она ѣдетъ „вдвоемъ съ тайгой“.

И только потомъ поднимается въ порывѣ и ждетъ. „Тайга станетъ солнцемъ. Она сольется съ нимъ. Они будутъ вѣчно горѣть въ одномъ поцѣлуѣ, какъ влюбленные“.

И случайно проходящій охотникъ говоритъ: „Старики - якуты сказываютъ, что будетъ время, когда всѣ научатся плясать подъ бубны. Тогда загорятся сердца и весь міръ сгоритъ въ веселомъ огнѣ“.

Но таяжная Сулусъ, жена доктора, полюбила Юрія и, полная темныхъ шаманскихъ силъ, уже предчувствуетъ гибель.

Докторъ. „Я живу съ тайгой тринадцать лѣтъ. Пойму ли я ее когда-нибудь? Богъ знаетъ“.

Сулусъ. „Поймешь—полюбишь—кровь прольешь“ (21). Сулусъ погибаетъ. „Я сольюсь съ землей. Я соединюсь съ Тайгой навѣкъ“ (76).

Это намѣчено хорошо. Но автору не удалось пронизать всю драму завлекающими, роковыми нитями. Онъ не преодолѣлъ огромной опасности.

Сбросивъ съ души всѣ внѣшніе красочные покровы, драматургъ приближается къ опасности схематизма, холодныхъ, разсудочныхъ словъ. Сглаживаются индивидуальности, и дѣйствующія лица дѣлаются маріонетками въ рукахъ одной, во всемъ чувствуемой роковой силы. Но разъ такъ, то эта единая сила должна чувстваться въ каждомъ движеніи, должны протянуться тончайшія интимныя нити, чтобы чувствовать ее безъ подчеркиваній, скорѣе ощущать не въ словахъ, а за ними.

Или какая должна быть невѣроятная напряженность, чтобы поднять читателя до воспріятія самыхъ простыхъ словъ. Но остаешься холоднымъ, когда Любовь произноситъ наиболѣе значительныя для конечнаго смысла драмы слова: „спасенье только въ жертвѣ: тогда—свобода“. Почти безразличнымъ дидактизмомъ звучатъ они.

И невольно разсудочность раскалываетъ драму на куски удачныхъ мѣстъ.

Б. Грифцовъ.

С. СЕРГЬЕВЪ-ЦЕНСКИЙ. Рассказы. Т. I. Книгоиздательство „Миръ Божій“. С.-Петербургъ. 1907 г. Ц. 1 р.

Сергѣевъ-Ценскій—большое, хорошее литературное обѣщаніе. Безспорное дарованіе, свѣжесть языка, душа настоящаго художника сулятъ будущее. Но авторъ далеко еще не нашелъ себя. Въ прочетахъ художническихъ пріемовъ чувствуется еще не вполне увѣренная, не вполне твердая рука. Кажется, что даже въ самомъ выборѣ темъ нѣтъ еще истинной свободы. Рассказы „Убійство“ и „Батенька“ написаны, какъ дань времени, и ясно чувствуется, что не здѣсь, не на этомъ пути лежитъ обрѣтеніе самого себя. Много не своего, и притомъ досадно стараго, взятаго изъ литературнаго арсенала, изъ склада заслуженныхъ и почетныхъ темъ, въ первой части книги, въ такихъ, напримѣръ, разсказахъ, какъ „Скука“ или „Погостъ“. Въдъ такъ много разъ уже читали мы эту исторію проститутки Лизы, такъ много разъ говорили намъ о провинціальныхъ учителяхъ и учительницахъ, которые прежде „всей душой рвались куда-то изъ Никольскаго посада“, а теперь „осѣли и не рвались“, ибо „шестнадцать лѣтъ времени обрѣзали ихъ крылья и, наконецъ, обрѣзали все, до послѣдняго перышка“. И зачѣмъ при этомъ [выказывать такое неуваженіе къ читателю, подчуя его, положимъ, такой банальностью, какъ „эффектное“ заключеніе разсказа „Погостъ“.

Изъ литературныхъ вліяній, явно замѣтныхъ, Чехова и Леонида Андреева, вреднѣе всего сказывается вліяніе послѣдняго. Ну, кто же не согласится съ тѣмъ, что именно Леонидъ Андреевъ заставляетъ Сергѣева-Ценскаго писать такимъ стилемъ:

„Со дна его души поднялись плотныя, сѣрыя, жужжащія мысли, похожія на рой пчелъ, сбитыхъ ливнемъ. Съ мокрыми летучими крыльями, но съ ядовитымъ жаломъ, онѣ всползали на вершину его души, гдѣ еще теплилось и свѣтилось что-то, и здѣсь тщательно тушили мокрыми крыльями все, что еще теплилось, и насквозь пронизывали острыми жалами все, что еще свѣтилось“. Или: „Въ высокую окна смотрѣла черная ночь и точила безысходную тоску изъ бездонныхъ глазъ“. А разсказъ „Молчальники“ цѣликомъ выдержанъ въ андреевскихъ тонахъ и какимъ-то неожиданнымъ инновѣтнымъ клиномъ выдается среди другихъ. А среди этихъ другихъ есть удачныя, цѣнные вещи, и къ нимъ прежде всего надо отнести превосходный разсказъ „Садъ“. Чѣмъ-то свѣжимъ и молодымъ вѣетъ отъ него, и, когда читаешь его, вѣришь всему: и тому, какъ воды „смотрѣли большими, ясными глазами изъ-подъ бѣлыхъ рѣсницъ, и было видно, что понимали (они) что-то простое и близкое“, и этимъ дикимъ, страшнымъ словамъ деревенской пѣсни:

Дунька капусту поѣла,
Танька разсолъ попила,
А Лѣнка въ аптеку побѣгла,
Отраву себѣ приняла;

И тому, что одного „бунтовщика“, Семена, драли, а другой, Онисимъ, „на этомъ бунту еще и десятку заработалъ“; и тому, что пишетъ Шевардинъ: „Вся земля вокругъ могла-бы быть однимъ роскошнымъ садомъ, могла-бы, но этого нѣтъ. Нѣтъ школь, нѣтъ больницъ, нѣтъ красоты, нѣтъ смысла,—одно сплошное „нѣтъ“, вся жизнь одно живое отрицаніе, воплощенное въ нелѣпныя избы, въ хмельный чадъ, въ кусокъ чернаго хлѣба, изъ котораго можно ковать ядра для пушекъ“. А гдѣ-то

горитъ солнечное „да“, и къ нему-то сквозь тѣрны нелѣпаго жизненнаго „нѣтъ“ ведетъ насъ сердце художника.

Книга Сергѣева-Ценскаго издана прекрасно, и цѣна ея крайне дешева.

Викторъ Стравежъ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ. „Злые Чары“. Книга заклятій. Изданіе журнала „Золотое Руно“. Москва, 1906 г. ц. 1 р. 50 к.

Легко говорить объ этой книгѣ по первому впечатлѣнію: вспомнить о пламенной яркости „Будемъ, какъ Солнце“ и „Горящихъ Зданій“, вздохнуть о свѣтломъ семицвѣтникѣ „Только любви“. Потомъ строго упомянуть о „Литургіи Красоты“ и поощрительно о „Фейныхъ Сказкахъ“ и, наконецъ, добраться до „Злыхъ Чаръ“. Говорить объ утомленіи Бальмонта, о томъ, что напрасно онъ „швырнулъ въ окно“ тотъ талисманъ, который изъяснилъ поэту „искусство завладѣнія сердцами“, укорить за наивное народничанье съ его громоздкимъ арсеналомъ отцвѣтшихъ словъ, за вымученность стиха, который мѣстами развоняется не оправдываемымъ внутренне дублированіемъ отдѣльных словъ

Тьма въ немъ, тьма въ немъ запоетъ

(„Путь туда“)

или усложняется до такой изысканности, что поэтъ вмѣсто двухъ словъ развиваетъ цѣлую ленту ихъ

„Въ эту минуту умножилось въ мирѣ число поблѣднѣвшихъ людей“

(„Лихо“).

Конечно, не одни только упреки и придирки выпадутъ на долю новой книги Бальмонта. Есть въ ней стихотвореніе, поистинѣ, гениальное, сочетавшее глубинное вдохновеніе замысла съ кристальной чистотой формы. Я говорю о „Святомъ Георгіи“. Это одинъ изъ лучшихъ перловъ въ вѣнцѣ Бальмонта, сіяющій новыми еще небывалыми лучами магическаго расцвѣта. Мѣстами и въ другихъ стихотвореніяхъ вспыхиваютъ строки, напоминающія о лучшихъ вдохновеніяхъ поэта изысканности русской медлительной рѣчи, о прежнемъ Бальмонтѣ, сдѣлавшемъ русскій стихъ такимъ многоцвѣтнымъ, изгибнымъ и красочнымъ. Онъ снова находитъ такіе тона и краски, бросаетъ такіе штрихи, что передъ ними радостно останавливаешься. Говорить ли поэтъ о полночи:

Такъ бархатно. Какъ будто лнеть во мнѣ

Беззвучное крыло летучей мыши“

Или о безотрадности сѣвернаго взморья:

„Здѣсь даже чайками даль не освѣтится“,

Всюду вы слышите художника, который воспринимаетъ окружающее съ той особенной вѣщей утонченностью, которая дана лишь немногимъ избраннымъ душамъ.

Но нападать, конечно, легче, и для такихъ придирокъ въ „Злыхъ Чарахъ“—широкое поле. Можно придирается еще мелочнѣе и обобщать еще эффектнѣе, морщиться отъ прозаизма такихъ стиховъ, какъ

„Намъ трупы животныхъ—усллада для пира,

Тутъ нѣжная дѣва—безчувственный пенъ“

(„Оргія жизни“)

или снова и снова съ ехиднымъ удивленіемъ возвращаться къ

архаическому „славянофильству“ поэта и выискивать все новые промахи псевдонародного стиха.

Но еще легче и вовсе не раскрывать Бальмонтовой книги просто отмѣтивъ ея появленіе пятью, шестью строчками петита, упоминая при этомъ еще и о конфискаціи (снятой потомъ), и, приведя соотвѣтствующія статьи Уложенія.

О чемъ еще говорить? Все давно извѣстно. Да и кто же въ наше время читаетъ литературныя рецензіи?

Ну, а теперь закройте глаза и слушайте:

„Я духъ, я призранный набатъ,
Что внятенъ только привидѣнью.
Дома, я чувствую, горятъ,
Но люди скованы забвеньемъ.
Крадется дымный къ нимъ огонь,
И воплемъ полонъ я безгласнымъ,
— — — — —
О, какъ мнѣ страшно быть нѣмымъ
Подъ мѣднымъ заревомъ пожара“.

Если для васъ слова эти все еще обычны и мертвы, если они ничего еще не сказали вамъ, слушайте дальше:

„За столомъ круговымъ ликовалъ Сатана,
Пировали съ нимъ дикіе гости.
И была на землѣ тишина. И Луна
Серебрилась на мирномъ погостѣ.
— — — — —

Между тѣмъ въ высотѣ, тамъ, въ Лазури пустой...
Былъ дворецъ, небесамъ посвященный,
Въ томъ дворцѣ существо, чье названье—Господь,
Окруженное ангельской свитой,
Предоставивъ Землѣ многогрѣшную плоть,
Пировало съ родней именитой“.

И это тоже только сказка, а Іа Эдгаръ По или Бодлэръ? Вамъ все еще не страшно на цѣпѣющей Землѣ, затерянной въ лазури пустой надъ хрустальнымъ потолкомъ сатанинскаго зала?

Тогда переверните одну страницу назадъ и читайте: „Будь проклятъ Богъ! О все, что есть во мнѣ... Во имя дѣтской грезы незабудокъ, и ласточекъ, ихъ нѣжныхъ бѣлыхъ грудокъ, и ангеловъ, что видѣлъ я во снѣ... Во имя совершенныхъ преступленій... Ты, чье имя—Богъ, будь проклятъ, проклятъ...“

Манерное богохульство? И только? Тогда отложите эту книгу... если можете. Или читайте дальше, вглядывайтесь широко раскрывшимися глазами въ эти слова, затрепетавшія невѣдомыми, а, быть можетъ, только забытыми отсвѣтами. Слушайте этотъ призранный набатъ. Вздвигните, когда почувствуете вздохъ вѣтра и

„Тѣнь отъ травъ иною ляжетъ,
Ниже глянетъ неба сводъ“.

Поэтъ, нѣкогда „спасенный странной помощью Незримыхъ“, уходившій къ ослѣпительному пламени, звавшій: „Будемъ, какъ Солнце“, онъ уже слышитъ нѣчто. Солнце, когда-то наполнявшее міръ свѣтомъ и радостью, сдѣлалось только ничтожнымъ атомомъ вселенной, утѣшающимъ въ вѣчной Мглѣ. Опять вспоминаются откровения древнѣйшей космогоніи человѣчества.

„Мы думаемъ, будто мы думаемъ, нами думаютъ вихри міровъ“ и зловѣще звучатъ старыя сказки маговъ о четырехъ расахъ, долженствующихъ смѣнить другъ друга на лицѣ Земли

(„Мировыя Розы“). Воскресаютъ снова осмѣянные, забытыя „суетвѣрія“ и, почти вѣруя, испуганно шепчутъ поэтъ.

„Сколько воли въ снахъ камней“.

И развѣ случайность, что заговорилъ объ этомъ Бальмонтъ? Душа поэта—эолова арфа человѣчества. Она почувствовала неописуемое дыханіе и откликается ему вѣщими стонами. Мы слишкомъ долго были рационалистами. Слишкомъ долго все въ мірѣ было такъ просто и ясно. Теперь снова замкнулся магическій кругъ. Времена исполнились, путемъ вѣчнаго возвращенія, человѣчество снова подходитъ къ эпохѣ откровеній и прозрѣнія. Думать, что все рѣшается кислородомъ съ одного полюса и церковностью общепризнаннаго образца съ другого,—не видѣть того, что лежитъ между этими полюсами человѣческаго ослѣпленія,—значитъ воистину быть слѣпцами. Счастливы тѣ, кто могутъ быть слѣпцами. Не для нихъ написана эта Книга Заклятій.

Борисъ Группильонъ.

СЕРГІЙ СОЛОВЬЕВЪ. Цвѣты и ладанъ. Первая книга стиховъ. Въ Москвѣ 1907 года.

Открывается книга отдѣломъ „Маслина Галилея“. Передъ взоромъ читателя пробѣгаетъ рядъ картинъ на религіозныя темы въ стилѣ итальянскихъ примитивовъ, въ великолѣпныхъ краскахъ. „Зари задрожавшія пятна“. Сѣрые камни пещеры. Искра золота. Цвѣтъ миндальный. Золотомъ блестеть на закатѣ пустая даль. Вѣтъ вѣтеръ, и дерево плещетъ, беззвучно роняя миндаль“. Здѣсь пейзажъ, говорящій о завѣтномъ, объ утраченномъ, какъ пейзажъ Леонардо, тамъ абрисъ св. Бернардо въ стилѣ Фра-Беато, тамъ Джорджіоне. Тамъ роскошь убранства кватрочентистовъ. Дальше—родные образы деревни русской: „закатный храмъ поетъ колоколами“ въ голубомъ атласѣ неба, могилы, фіалка синяя и розанъ алый. Русская природа взята такъ, какъ взяла бы ее итальянскіе прерафаэлиты. Но Сергій Соловьевъ внесъ въ эти простые образы ту сложность переживаній, которая ставитъ передъ нами проблемы религіи и гностики съ рѣжущей остротой. Этотъ покровъ успокоенности—золотой коверъ неба—какъ нарочно набросанъ на прозрѣнія нашихъ дней. Такъ могъ писать челоѣкъ, измученный Вл. Соловьевымъ, Мережковскимъ, Ницше. Сквозь тихій вздохъ склоненнаго передъ тайной Бернарда раздается пѣснь о страшномъ будущемъ. Но тайну не выдаетъ поэзія Сѣргія Соловьева: онъ боится подмѣны слѣпительныхъ образовъ будущаго глоссолаліей темныхъ безднъ. Образы его—аполиническій сонъ надъ бездной. Онъ не передастъ святость тайнъ словами, хотя бы и прекрасными.

Волны эвѣра, шелестъ осенняго багрянца—золотой, осенній смѣхъ грядущаго. Не успокоенность, не созерцаніе въ „Золотой осени“ (второй отдѣлъ), а сосредоточенное, напряженное ожиданіе послѣдняго поединка человѣчества съ рокомъ. Такъ можемъ мы писать только послѣ Ницше.

Полно, душа, не измѣривай
Тягость грядущаго дня.
Тѣнь отъ зеленаго дерева
Ласково лижетъ меня.
Мигъ совершеннаго отдыха.

Гдѣ-то затеряна цѣль.
Теплаго, синяго воздуха
Грѣть меня колыбель (стр. 52.)

Здѣсь въ послѣдній разъ авторъ стыдливо пріоткрываетъ передъ нами основу своихъ переживаній, чтобъ надолго за-
двинуться въ холодныхъ, кованныхъ образахъ.

Далѣе, рядъ посвященій и эпиграммъ (Silvae—третій отдѣлъ). Поэтъ, укрывшій завѣтные цѣли свои, выражаетъ свое отноше-
ніе къ окружающему. И какая изысканность въ этихъ ретори-
ческихъ-прекрасныхъ обращеніяхъ къ Брюсову, Айседорѣ Ден-
канъ и т. д. Какъ будто несгараетъ душа отъ восторговъ невѣдо-
мыхъ и ожиданій несказанныхъ подъ свѣтской, нѣсколько хо-
лодной внимательностью къ окружающему.

И вотъ передъ нами античные образы въ отточенной мрамор-
ной, а подчасъ бронзовой формѣ. Діонисическое опьяненіе
закрыто: надъ темными волнами стихійности ваурстааетъ золотой
Аполлонъ, какъ будто вѣщающій намъ:

„Въ Дельфахъ мнѣ служить, покорны мнѣ Кларось, Патара и
Тенедось“ (стр. 115).

Но Аполлонъ для Сергѣя Соловьева не символъ сна, а сол-
нечный воинъ, сурово призывающій на послѣднюю борьбу.
Здѣсь застываетъ строка у Сергѣя Соловьева, грузная, точно
окованная мѣдно-бронными доспѣхами. Тяжело звенитъ серія
Ахилловъ и Неотомемовъ. Почти спартанская серьез-
ность слышится въ этомъ галопѣ риѣмъ: точно проносится въ
будущее тяжелая, боевая конница. А тамъ, съ моря слышенъ
призывный крикъ Энея: „Паркамъ бросаю отчаянный вызовъ!..“

„Пѣсни“ (5-ый отдѣлъ). Золотой сонъ оскалился смѣхомъ—
разорвался. Образы Олимпа оказались облаками, плывущими
надъ родною страной: „Разлились снѣга, словно озеро. Высоко
звенитъ въ небѣ жавронокъ. Я—несчастная—жду дитя въ ап-
рѣль. Ты спаси меня отъ позора, ель! Сладко будетъ мнѣ межъ
вѣтвей дремать. Успокой же, ель, и дитя, и маты!“ Въ этомъ,
трагическомъ плачѣ не только Кольцовъ: тутъ вспыхиваютъ ис-
кры будущей народной трагической мистеріи. Народъ является
у Сергѣя Соловьева грядущей силой, въ которой сочетаются и
образы христіанства, и образы языческихъ сновъ въ цѣльномъ
трагическомъ пути къ послѣдней цѣли. Отдѣлъ „Пѣсни“ срыва-
етъ богоподобный покровъ холода съ поэзіи Сергѣя Соловьева.

Книга оканчивается „Веснянками“, гдѣ примиряются сны
Ботичелли, міропредставленія древнихъ грековъ съ плачемъ
горькимъ народа русскаго.

„Пѣсни“ и „Веснянки“—лучшіе отдѣлы книги. Слѣдую-
щіе по достоинству „Silvae“ и „Золотая Смерть“. Сла-
бѣе прочихъ отдѣлъ „Піэрійскія розы“.

Первое впечатлѣніе, производимое поэзіей Сергѣя Соловьева,
заставляетъ отнести автора къ индивидуалистамъ-классикамъ.
Болѣе внимательное изученіе ея не оставляетъ мѣста сомнѣнію
въ томъ, что Сергѣй Соловьевъ—поэтъ-трагикъ. Подъ золотыми
образами древности вездѣ трагическая борьба; Сергѣй Соловьевъ
не уступаетъ року: онъ не демонистъ, но нѣтъ въ немъ и успо-
коенности. Это скорѣе—суровый воинъ, обнажившій мечъ на
Дракона, чтобы спасти Брунгильду—душу народную—отъ злыхъ
силъ. Сергѣй Соловьевъ—воистину идетъ по стопамъ Ницше.

Съ величавымъ спокойствіемъ отдается онъ разрѣшенію труд-
нѣйшихъ вопросовъ техники. Индивидуалисты болѣе ранняго
періода потратили много силъ на борьбу съ рутиной въ искус-
ствѣ. Сергѣя Соловьева не столько волнуетъ завоеваніе

правъ индивидуализма, сколько осуществленіе этихъ правъ.
Для него стирается грань между старымъ и новымъ ис-
кусствомъ въ вѣчномъ искусствѣ.

Поверхностное разсмотрѣніе поэзіи Соловьева даетъ поводъ
заключать о влияніи на него В. Брюсова. Это неправда. Форма
Брюсова влияла на него лишь постольку, поскольку этотъ вели-
кій поэтъ оживилъ для нашей эпохи безусловныя нормы твор-
чества. Послѣ Брюсова намъ понятнѣй и Пушкинъ, и Баратын-
скій, и Шиллеръ и Виргиліева мѣдь стиха (выраженіе
С. Соловьева). И вотъ „Цвѣты и Ладанъ“ воскрешаетъ
Ронсара, создавая изъ него что-то свое, родное, близкое въ
„Пастораляхъ“ (стр. 193):

На зарѣ у сонныхъ водъ,
Хороводъ,
Подъ напѣвы пѣсни древней,
Я люблю, когда закатъ
Стекла хать
Зажигаетъ влодь деревни (стр. 194).

Изъ греческихъ размѣровъ Алкея и Сафо онъ создаетъ
впервые отнынѣ необходимую намъ форму.

Вотъ образецъ Алкея:

Я жрецъ твой, небо! Твой золотой потиръ,
Твое причастіе я подношу къ устамъ,
И внемлю ухомъ ненасытнымъ
Шелесты травъ и ключей рожденіе (стр. 218).

Вотъ образецъ сафического размѣра:

Ты, Валерій, Пушкина лиру поднялъ.
Долго въ прахѣ звонкая лира тлѣла.
Въ пальцахъ ловкихъ вновь разсыпаетъ лира
Сладкіе звуки. (стр. 67).

Подчасъ Сергѣй Соловьевъ пользуется приѣмами парнасцевъ
для нужныхъ ему цѣлей. Но онъ не парнасецъ. Можетъ-ли тра-
гикъ быть парнасецъ? Въ умѣннѣ найти нужное ему въ раз-
ныхъ школахъ я вижу не слабость, а силу, не порабощенность
формой, а свободное овладѣніе ей. Перелистывая Цвѣты и
Ладанъ, получаешь подарокъ за подаркомъ: звучать родные
напѣвы, но по своему, по новому—здѣсь Баратынскій, тамъ Пуш-
кинъ:

О, какъ я ожидаемъ мучимъ,
О, какъ я жду минуты той,
Когда пройдешь съ ведромъ пѣвучимъ
Ты мимо сада за водой! (стр. 202).

Въ осколкахъ лучшаго прошлаго вызываетъ Сергѣй Соловьевъ
напѣвъ лучшаго будущаго.

Форма стихотвореній Соловьева удовлетворяетъ самымъ стро-
гимъ запросамъ техники. Риѣмы поражаютъ неожиданной новиз-
ною и отсутствіемъ вымученности (пурпуровый—гарнитуровый,
дерева—измѣривай, до краю—мокрая, склоны—анемоны, овѣ-
янъ—Ахейя и т. д.). Строчка живетъ у Сергѣя Соловьева бур-
ной жизнью. Когда онъ захочетъ, строки его будто нарочно тя-
желѣютъ („Ахиллъ“), то скользятъ, какъ облака:

Разсѣты травъ воздыхальныя!
Свершаются таинства древнія.
Слышу изъ ближней деревни я
Дѣвушекъ пѣсни пасхальныя (стр. 207).

Къ числу досадныхъ недостатковъ я не могу не отнести нѣкоторыя натяжки въ стихѣ. Сюда: 1) натяжки рифмъ: лилося—колеса и т. д. 2) натяжки въ разстановкѣ словъ: „скоро мы на богатствами полною, управляемою мной корабль“ и т. д. Такая разстановка словъ напоминаетъ фразы изъ ученическихъ переводовъ съ латинскаго. 3) Натяжки удареній: пѣребиралъ вмѣсто перебиралъ. Наконецъ совершенно недопустимо приводимое четверостишіе:

Во хоромахъ и
Во саду огонь.
И черемухи
Спалены огнемъ (стр. 168).

Такъ вѣдь и къ Тредьяковскому приходишь!

Иногда Сергѣй Соловьевъ кокетничаетъ холодомъ. Мы должны помнить, что это только пріемъ. Сокровенныя дерзновенія нео-декадентовъ и хаотистовъ вѣдомы Сергѣю Соловьеву. Но его не влечетъ послѣ громкихъ словъ о непріятіи міра, мистеріи и т. п. „у копытца приложиться“, потому что мистерія слишкомъ жива въ его душѣ; она не превратилась для него въ литературный товаръ. И когда многоголосный хоръ эпигоновъ вопить о дерзновеніи, чудѣ, увлекаемая новыя твердыни,—изъ подъ строгихъ образовъ его поэзіи раздается предостереженіе: „Ваши твердыни—облачныя!“

Соловьевъ о грядущемъ. Но къ этому грядущему онъ поидеть увѣренно и твердо. Онъ знаетъ отвѣтственность будущаго: оттого-то онъ молчитъ тамъ, гдѣ другіе радуются словамъ.

Пожелаемъ молодому поэту-воину блистательныхъ побѣдъ. Порадуемся и тому, что на нивахъ словесности взросло передъ нами новое, совершенно исключительное дарованіе.

Къ сборнику приложено вступительное слово поэта, представляющее значительный интересъ: здѣсь поднимаются вопросы о формѣ первостепенной важности.

Книга издана въ стилѣ изданій начала девятнадцатаго столѣтія (до эпохи отечественной войны). Форматъ книги напоминаетъ форматы старинныхъ изданій.

Андрей Бѣлый.

ЮСИФЪ КАРЯКИНЪ. Исканія. Москва 907. Ц. 40 к.

Если считаться съ тѣмъ, что э. книжка—первенецъ автора, то можно принять ее съ радушіемъ привѣтомъ. Первенцы у нашихъ поэтовъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ неудачными,—развѣ уже талантъ попадаетъ изъ ряда вонъ выходящій.

Такого таланта у Карякина нѣтъ, а потому его сборникъ весьма не свободенъ отъ слабыхъ, ненужныхъ вещей, всякаго рода литературныхъ зависимостей, но за всѣмъ тѣмъ попадаютъ мѣста удачныя, есть несомнѣнная музыкальность (хотя иногда—только отраженная), чувствуется душа живая и въ концѣ концовъ дающая все-таки свое.

...„Усну, смѣясь, въ живыхъ, узорныхъ звукахъ,

Одѣнусь свѣтлымъ днемъ“...

...„Серебристой росой окропился

Изъ хрустальной купели свѣтилъ ...

...„Легкой запачкана пылью

Темнаго вечера риза“...

Въ этихъ кусочкахъ есть настоящая поэзія. Будемъ ждать ее и въ будущемъ.

Ал. Д-овъ.

ЮРІЙ ГОНЧАРЕНКО. Вечерніе огни. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Если искренность чувствъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ достоинствъ поэта, то въ этомъ отношеніи пальма первенства безспорно принадлежитъ Юрію Гончаренко. Передъ читателемъ съ первыхъ же строкъ въ неотразимой мошѣ встаетъ духовный обликъ этого до сихъ поръ неизвѣстнаго намъ поэта. Съ искренностью, подкупающей даже самаго суроваго критика, авторъ „Вечернихъ Огней“ рекомендуетъ себя читателю лейбъ-гвардіи Его Величества кирасиромъ. Кажется, что этого было бы вполне достаточно, но г. Гончаренко этого мало, и уже на пятой страницѣ онъ спѣшитъ насъ увѣрить, что жизнь его протекла: „безъ вѣры въ чистоту и святость идеала“. Трудно не повѣрить такому чистосердечному признанію, но, видимо, идеаль все-таки былъ; вѣдь въ сумеркахъ нашихъ безотрадныхъ дней даже эскадроннымъ поэтамъ полагается имѣть свой идеаль. И вотъ, въ стихотвореніи, помѣченномъ незабвенной отнынѣ исторической датой „19¹²_{III} 02“ г. Гончаренко смѣло посылаетъ свой восторженный „привѣтъ изъ крайней правой“ „на (?) постъ заvidны й командирскій“

„тому, кто былъ нашъ идеаль,

„Кто въ насъ будилъ живыя чувства,

„Кто намъ съ любовью завѣщаль

„Высокій образецъ искусства... (?)“

Можетъ быть, заключительныя слова этой строфы и мало понятны всѣмъ, непосвященнымъ въ высокое искусство работы мундштукомъ и трензельными поводьями при внезапной перемѣнѣ аллюра; но это и не важно; завидный идеаль показанъ читателю и притомъ во всемъ блескѣ кирасирскаго мундира.

Что среда, сплошь да рядомъ, не остается безъ вліянія на поэта,—стало ходячей истиной. Но рѣдко, гдѣ эта истина выступала бы такъ ярко, такъ рельефно, какъ въ стихотвореніяхъ Юрія Гончаренко. Привыкшій со школьной скамьи къ ротнымъ и инымъ приказамъ, эскадронный Аполлонъ, не смущаясь, обращается даже къ Аллаху съ просьбой „издать всесильный приказъ тремъ невиннымъ (?) и скромнымъ (!) желаньямъ“; перечислять всѣ три пункта этого приказа будетъ слишкомъ скучно и утомительно; думаю, что достаточно познакомить читателя съ первыми двумя желаньями этого невиннаго стихотворенія, посвященнаго „киргизскихъ степей незабудкѣ“:

... Чтобъ, во-первыхъ, смакуя кумысъ,

Пуда на два прибавиться въ тѣлѣ,—

Безъ сомнѣнья, тогда бы Парисъ

Отдалъ яблочко вамъ, въ самомъ дѣлѣ.

Во-вторыхъ, чтобъ коварный казакъ

Не прельстилъ васъ лампасомъ лазурнымъ,—

Берегитесь попастьъ въ просакъ,

Предаваясь за бавама амурнымъ...

Чтобы покончить съ поэзіей первой конно-гвардейской дивизіи намъ остается только упомянуть, что авторъ „Вечернихъ Огней“ чуть ли не въ доброй половинѣ своихъ произведеній предается „забавамъ амурнымъ“. Мнѣ кажется, что г. Гончаренко явно страдаетъ если и не ясно выраженнымъ садизмомъ, то по меньшей мѣрѣ повышенной libido sexualis. Чтобъ не быть голословнымъ, выпиываю, наудачу, первыя попавшія строки.

„И день (!), и ночь я съ ней, волшебною богиней, живу какъ
въ сладкомъ снѣ“... стр. 9.
„Опьяненные любовью, жгучей страстію согрѣты“... стр. 10.
„Обними, обогрѣй и въ объятыхъ меня успокой“... стр. 20.
„И въ объятыхъ жгучей ласки, колыхался станъ твой тонкій“...
стр. 34. И т. д., и т. д.

Впрочемъ, такое патологическое явленіе въ сексуальной сферѣ
автора насъ не удивляетъ. Оно естественно развилось на почвѣ
алкоголизма, такъ какъ г. Гончаренко въ одномъ мѣстѣ рѣши-
тельно заявляетъ:

„Какъ ни силенъ я и ни стоекъ,
Но вѣдь волшебный видъ настоекъ,
Неотразимо, какъ магнитъ,
Меня всегда къ себѣ манитъ“... (стр. 52);

а въ другомъ стихотвореніи, написанномъ послѣ бала, гдѣ но-
сились „мундиры и фраки, капули и баки“, прямо высказы-
вается наклонность автора къ алкоголизму:

И молвилъ съ тоскою!
Я: „право, не скрою
Какъ жаль, что здѣсь нѣту буфета!“...

Говорятъ, что сознаніе обвиняемаго—лучшее доказательство
его виновности. Но что же отвѣтитъ намъ г. Гончаренко, когда
онъ самъ, съ свойственной ему благородной душѣ прямою,
заявляетъ намъ:

„Я-ль виноватъ, что судьба вмѣсто лиры чудесной
Въ руки дала мнѣ одинъ лишь заржавленный мечъ“...

Г. Тверской.

В. СИПОВСКИЙ. Пушкинъ. Жизнь и творчество. Спб. 1907. 3 р. 50 к. XXV+618 стр.

В. Сиповскій принадлежитъ къ „профессиональнымъ“ истори-
камъ литературы, именно къ тѣмъ изъ нихъ, кои всегда болѣе
добросовѣстны, нежели блестящи. Тѣми же качествами отли-
чается и книга его о Пушкинѣ. Первая часть ея посвящена до-
вольно подробному жизнеописанію поэта въ связи съ исторіей
его творчества. Здѣсь добросовѣстно использованы источники,
до новѣйшихъ трудовъ В. Брюсова и Н. Лернера включительно.
Авторъ подробно останавливается на отношеніяхъ Пушкина съ
семьей, лицейскими товарищами, литературнымъ міромъ, „свѣ-
томъ“ и правительствомъ. Избранный имъ здѣсь методъ — па-
раллельный обзоръ жизни и трудовъ — опять-таки использованъ
добросовѣстно, но матеріалы обобщены не блестяще, вѣрнѣе —
не обобщены вовсе, ибо такія заявленія, какъ: Пушкинъ —
поэтъ дѣйствительности, сколько бы разъ ни были
повторены, ничего не говорягъ ни о самомъ Пушкинѣ, ни о его
творествѣ. Такими общими мѣстами, но не обобщаю-
щими положеніями наполнено все предисловіе. Вторая
часть книги не пополняетъ и не пытается пополнить пробѣла.
Здѣсь находимъ только рядъ обзоровъ по литературной
исторіи „Руслана и Людмилы“, „Полтавы“, „Бориса Годунова“,
„Исторіи Села Горохина“, „типовъ“ Онѣгина, Татьяны и Лен-
скаго, и статью о пушкинскомъ „байронизмѣ“.

Семьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти Пушкина. Исследо-
ваніями о его жизни и творествѣ исписаны вороха бумаги.
Добросовѣстные историки восстановили чуть не каждый день его

жизни. Литературная исторія его произведеній пестритъ тыся-
чами мнѣній и предположеній. Мы знаемъ очень много о Пуш-
кинѣ-литераторѣ, о Пушкинѣ — добычѣ поэтовъ и историковъ
литературы. Но о Пушкинѣ, какъ огромномъ явленіи жизни, о
Пушкинѣ, если не всемірномъ, то всероссійскомъ, намъ рѣдко
даже говорятъ. Д. С. Мережковский въ „Толстомъ и Достоев-
скомъ“ и въ „Вѣчныхъ Спутникахъ“ прошелъ все-таки очень
небольшое пространство (хотя, повидимому, самому ему кажется
иначе), да и то лишь въ направленіи, которое открылъ ему ука-
зательный палецъ Достоевскаго. Слова же самого Достоевскаго
историки вродѣ В. Сиповскаго вспоминаютъ чуть ли не со снис-
ходительной улыбкой. „Поэтъ оказался для Достоевскаго пред-
логомъ и темой для проповѣди, для пророче-
ства. (Курсивъ г. Сиповскаго)... Въ такомъ своеобразномъ
освѣщеніи Пушкинъ выросъ въ громадный, гигантскій при-
зракъ (подчеркнуто г. Сиповскимъ; знай нашихъ!), и, хотя
опьяненіе отъ этой восторженной рѣчи скоро, какъ будто, и
прошло (статья Гл. Успенскаго), но многія идеи этой рѣчи во-
шли въ общее сознаніе, — тоже сдѣлались „ходячей монетой“.
Апофеозъ русскаго народа — „христианина“, апофеозъ Татьяны
(идеаль русской женщины) — сдѣлались съ этого времени шабло-
нными фразами русской литературы, „общими мѣстами“ въ
устахъ преподавателей и на страницахъ ученическихъ сочиненій...“
(стр. XI).

Выходитъ, что Достоевскій — какой-то „грѣхъ молодости“ рус-
скаго пониманія Пушкина.

В. Сиповскій и ему подобные, обрушиваясь на рутинность
школьныхъ понятій о Пушкинѣ (словно Достоевскій эту рутин-
ность насадилъ!) и не выходя изъ области все того же школь-
наго отношенія къ нему, пытаются эти понятія исправить. Это
все, что они дѣлаютъ. Приходится обратиться такъ къ г. Си-
повскому и прочимъ: исправляйте тексты, хронологію, возста-
новляйте факты, препирайтесь о „взглядахъ“ и „мнѣніяхъ“, но
дайте намъ почувствовать, что вы не забываете о томъ, кто воз-
будилъ всю эту вашу работу, что вы понимаете или хотите по-
нять его значеніе въ исторіи Россіи и міра. Иначе — или мы
признаемъ васъ почтенными гробокопателями, работающими ради
трудолюбія, или самимъ вамъ придется сказать: „мы умѣемъ
только безсознательно настилать путь кому-то другому,
который, придя, расскажетъ не только русскимъ гимназистамъ,
но и всей Россіи трагическую повѣсть о всероссійскомъ, а не
школьномъ, Пушкинѣ...“ Знать эту повѣсть все необходимѣе.

Иванъ Выжигинъ.

МОДЕСТЪ ГОФМАНЪ. Соборный индивидуализмъ. Спб. 1907. Цѣна 65 коп.

Что такое соборный индивидуализмъ? Вотъ вопросъ, который
естественно ставится въ умѣ читателя, принимающагося за книжку
г. Гофмана. — Читатель пробѣгаетъ предисловіе, надѣясь полу-
чить отсюда первоначальную ориентировку. Изъ предисловія онъ
знаетъ, что соборный индивидуализмъ „устанавливаетъ коорди-
націю обособляющихся другъ отъ друга индивидуумовъ и теряю-
щихъ живое сознаніе послѣдней реальности — тѣла Христова,
утверждающаго индивидуальность“.

Языкъ очень плохъ; будемъ снисходительны къ автору, вы-
ступающему въ первый разъ (какъ онъ самъ объ этомъ за-

являет). Не станем останавливаться над изложением; поспешим перейти к существу дела. Очевидно, соборный индивидуализм есть направление, смысл которого заключается: с одной стороны, в поощрении индивидуального развития личности; с другой стороны, в устранении возможности взаимного обособления этих индивидуально-развивающихся личностей. Предмет хотя и не новый, но почтенный—говорить про себя читатель. По этому поводу можно сказать много интересного—думает он дальше. Можно обратиться к началу всех теоретических начал гносеологии; при свете ее установить определенное отношение к психологической проблеме „Я“ и „Не-я“; высказаться или в смысле признания одного члена этой пары за принцип, другого—за производное, или же в смысле равноправности обоих членов (ведь это ужасно важно, раз трактуется философский предмет: без прочной почвы развить мыслим здесь хотя бы один верный шаг!). Так фантазирует досужий читатель. Он думает: высказавшись так или иначе в решении вечного спора между Я и Не-я, автор тем самым может определить свое отношение к религиозной проблеме; столкнувшись с этой проблемой, он навряд ли избьжит необходимости анализировать умонастроение плеяды глубоких религиозных мыслителей последних времен, с Ницше и Достоевским во главе их; не даром и книжка-то посвящена памяти Достоевского и Вл. Соловьева... И послѣ всего этого уж не может быть того, чтобы приведенное автором (так разсчитывает читатель) аргументы не действовали в определенную сторону; не может быть, чтобы они не давали той или иной директивы читателю впечатлительному, живо чувствующему связь своего существа с сложною тканью современных умонастроений!...

Помечтав таким образом над блгой страницей, отделяющей предисловіе от текста, читатель переходит к чтению этого послѣдняго и въ самом скором времени убѣждается, что его расчѣты терпят жестокое крушеніе. Уже на шестой страницѣ авторъ безъ всякихъ аргументовъ говоритъ о кризисѣ „обособленнаго индивидуализма“, сплеча расправляется съ „индивидуализмомъ девяностыхъ годовъ“ и со „всеми субъективистическими системами“ и предлагаетъ свой спасительный. рецептъ: „мы—говоритъ онъ—для развитія индивидуальности уходимъ не въ пустыни и не въ дубравы, а въ хороводы“. И для большей убѣдительности подкрѣпляетъ свою мысль стихами г. Городецкого:

„Въ хороводы, въ хороводы!
О, соборуйтесь народы...“

Конечно, г. Городецкий писатель не лишенный таланта, но теоретическое его значеніе покуда ничтожно, и мысль автора отъ такой аргументаціи ровни ничего не выигрываетъ. Зато читатель получаетъ немедленную возможность установить къ книжкѣ г. Гофмана рѣзко отрицательное отношеніе, которое только крѣпнѣетъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ ней. Въ сущности вся она являетъ собою рядъ недостатковъ. А во избѣжаніе голословности, приведемъ—хоть это и не весело—нѣсколько примѣровъ.

На стр. 10 и 11 авторъ бѣгло сличаетъ систему „соборнаго индивидуализма“ съ „соціалистическими и коммунистическими ученіями“, также съ анархизмомъ. По этому поводу, во-первыхъ, замѣтимъ, что коммунизмъ есть лишь разновидность социализма—и слѣдовательно нельзя говорить о „соціалистическихъ и комму-

нистическихъ ученіяхъ“. Во-вторыхъ, г. Гофманъ говоритъ: „социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ заботились о правѣ всехъ на равенство, а не о личномъ правѣ всехъ“. Спрашивается: знаетъ ли г. Гофманъ о существованіи индивидуалистическаго анархизма и читалъ ли онъ (если ограничиваться русскою литературой) такого блестящаго писателя по связаннымъ съ этимъ направлѣніемъ вопросамъ, каковымъ является А. А. Боровой?

Въ разныхъ мѣстахъ книги авторъ говоритъ (по всемъ признакамъ совершенно серьезно) объ Элогимѣ, о мірозданіи (согласно съ библейскою легендой), о томъ что „мы вѣримъ въ таинство покаянія... Вѣримъ въ таинство Евхаристіи...; вѣримъ въ то, что мы будемъ богочеловѣками—истинными сынами истиннаго Отца“; но всего лучше то, какъ на стр. 106 онъ въ подтвержденіе одной своей мысли ссылается на библейскій разсказъ о вавилонскомъ столпотвореніи!

Два раза (стр. 20 и 36) говоритъ авторъ о древнемъ мірѣ, что онъ „погибалъ въ развратѣ“. Признаемся, намъ настолько странны подобныя утвержденія, что мы не находимъ подходящихъ выраженій для того чтобы, возражать...

На стр. 20 г. Гофманъ говоритъ, что дохристіанскій міръ „ставилъ своею главною задачею исключительное возвеличеніе своего (?) „Я“ (что, по автору, является дурнымъ индивидуализмомъ). А на стр. 22, 28 и др. оказывается, что какъ въ греческой философіи, такъ и въ греческой религіи имѣются уже налицо основныя положенія, главные корни соборнаго (т.-е., по автору, хорошаго) индивидуализма!

На стр. 20 авторъ попрекаетъ древній міръ идей „о своемъ народѣ, какъ объ избранномъ, предназначенномъ для какихъ-то провиденціальныхъ цѣлей“ и въ скобкахъ замѣчаетъ: „идея, отголоски которой были сильны еще и въ XIX вѣкѣ, по преимуществу въ Россіи и Германіи“. Теперь посмотримъ стр. 71. Здѣсь стоитъ буквально слѣдующее (и это говоритъ не человекъ XIX вѣка, это говоритъ г. Гофманъ!): „Новая струя идетъ въ настоящее время съ Востока, изъ Россіи, и мы поможемъ Западу въ его трудныхъ родахъ...“

А что говоритъ г. Гофманъ объ искусствѣ! Вотъ цитата съ стр. 106: „мы вполне (!) представляемъ себѣ, какъ возникло искусство. Первымъ толчкомъ къ возникновенію его были изумленіе (философія) (!) и благоговѣніе (!) предъ идеей Бога (!) (религія). А вотъ выдержка изъ стр. 84: „искусство съ самыхъ первыхъ шаговъ отличалось большою содержательностью, и содержательность эта была обусловлена тѣмъ, что творилъ не одинъ человекъ, а весь народъ.“—Мы не сомнѣваемся, что эту глубокомысленную фразу г. Гофманъ заимствовалъ изъ какого-нибудь своего гимназическаго сочиненія...

Любопытна и внѣшность книжки. Ея обложка украшена синею кляксою, и объ этой кляксѣ г. Гофманъ говоритъ въ предисловіи, что она „своимъ вдохновеннымъ символизмомъ выявляетъ музыкальное содержаніе идеи соборнаго индивидуализма...“

Какая же мораль отсюда?—спроситъ читатель.—Прежде всего, то что недостаточно получать пятерки за гимназическія сочиненія, чтобы выступать со статьями по серьезнымъ вопросамъ.—Но это относится къ г. Гофману, а какъ же быть съ соборнымъ индивидуализмомъ?—По этому поводу можно сказать нѣсколько простыхъ словъ.—Иного индивидуализма не бываетъ и быть не можетъ, кромѣ коллективнаго или „соборнаго“. Индивидуализмъ всегда основывается на взаимодействіи индивиду-

умовъ. Индивидуалистическія тенденціи, какъ и всякія другія, могутъ терпѣть уклоненія, искаженія; тѣмъ не менѣе нельзя серьезно говорить ни при какихъ условіяхъ о „кризисѣ индивидуализма“; если всмотрѣться получше, то всегда окажется, что такъ называемый кризисъ индивидуализма есть на самомъ дѣлѣ лишь проявленіе недостаточно рѣзко выраженного индивидуализма, что, напримѣръ, можетъ объясняться нервною слабостью той или иной эпохи. Всѣ гении, всѣ великіе представители человѣчества были въ тоже время величайшими индивидуалистами; и нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ являться и впредь. И когда они будутъ свѣтить своему поколѣнію, тогда конечно никто не заговорить о „кризисѣ индивидуализма“.

Алеискъ.

ПРОФ. О. ЗѢЛИНСКІЙ. Соперники христіанства. Изъ жизни идей. Т. III. С.-Пет. VII+406. 1907.

Есть книги идей и есть книги—идеи. Томъ, недавно изданный профессоромъ ЗѢлинскимъ, является и тѣмъ и другимъ. Съ одной стороны „Соперники христіанства“ поражаютъ насъ богатствомъ идейнаго содержанія, а съ другой—книга проникнута одной идеей. Это одновременно и интереснѣйшій музей, и келья анахорета. Музей мы видимъ, музею мы удивляемся, а келью только воображаемъ себѣ, но именно келья-то и влечетъ къ себѣ вдумчиваго читателя книги. Суть книги О. Фр. ЗѢлинскаго, ея идея, это — необходимость искать вѣру. Девизъ Мерлина „воля Бога есть осуществленіе жизни“ кажется мнѣ символомъ не самой вѣры, а именно ея исканія, т.е. мысли о томъ, что безъ вѣры нѣтъ и не можетъ быть сознательной жизни.

Основная идея бросаетъ свѣтъ на разработку cadaго изъ явленій, которыя проф. ЗѢлинскій приурочилъ къ „Соперникамъ христіанства“.

Вотъ, напр., огромная статья (100 страницъ) объ астрології. Послѣ цѣлаго ряда поучительныхъ и остроумныхъ соображеній, которыми сопровождается рассказъ о многовѣковой исторіи этой науки, авторъ заключаетъ свою статью такими словами: „Если симпатическій аспект со временъ Ньютона уступилъ свое мѣсто механическому, то это еще не доказываетъ, что послѣднему суждено прoderжаться до конца жизни человѣчества,— не доказываетъ невозможности третьяго, синтетическаго аспекта, о характерѣ котораго теперь и думать было бы преждевременно“.

Очеркъ „Античная гуманность“ (по поводу книги Макса Шнейдевина съ тѣмъ же заголовкомъ) оканчивается блестящимъ сопоставленіемъ героизма съ его вулканической натурой, и нептуническаго характера гуманности.

Автору очень симпатична античная гуманность, главному представителю которой онъ посвятилъ особое и очень популярное на Западѣ сочиненіе. Въ связи съ этимъ онъ даетъ очень интересную антитезу героя и гуманнаго человѣка (на 231 стр.) въ лицѣ Катона, противопоставленнаго Цицерону. Прекрасно написанный этюдъ объ „Еленѣ“ опять-таки возводится авторомъ къ высокой религіозно-метафизической концепціи. „Народность, античность, христіанство — эти три главные культурныя силы современнаго человѣчества вступили въ союзъ между собою: въ лицѣ Гѣте новая Европа окончательно усыновила древняго титана; Гретхенъ, Елена, Mater gloriosa — послѣдовательно направляютъ Фауста на его пути черезъ борьбу и страданія къ спасенію“.

Самымъ оригинальнымъ явленіемъ книги проф. ЗѢлинскаго слѣдуетъ признать, конечно, его „Гермеса Трисмегиста“. Русскіе читатели, по крайней мѣрѣ въ широкихъ кругахъ, ничего не читали покуда о религіи герметизма. Въ статьѣ нашего почтеннаго филолога они познакомятся не только съ той точкой зрѣнія на эту стойкую форму религіозной мысли, которая господствуетъ теперь на Западѣ и гдѣ нѣсколько переоцѣнивается значеніе египетскаго герметизма, но и съ оригинальнымъ взглядомъ русскаго эллиниста, который вывелъ герметизмъ изъ Аркадіи и выяснилъ намъ его многообразныя связи съ мифами и религіей грековъ.

„Да познаетъ мыслящій человѣкъ самого себя, что онъ безсмертенъ, и что причина смерти — любовь“: эта глубокомысленная концепція религіи Разума, нѣкогда сильной соперницы христіанства, превосходно иллюстрируется проф. ЗѢлинскимъ данными эллинской міеології: то, что въ Египтѣ стало отвлеченностью, у грековъ жило еще въ многообразныхъ и дивно прекрасныхъ воплощеніяхъ.

Читатель можетъ познакомиться въ книгѣ г. ЗѢлинскаго и съ религіей античнаго Рима въ ея новомъ освѣщеніи. Книга Георгія Вассовы послужила нашему автору основаніемъ для интереснѣйшаго очерка „Римъ и его религія“.

Характернымъ признакомъ религіи древнихъ римлянъ была ея актуальность. Римляне обожествили въ своей Церерѣ не высокую, ласковую женщину, которую видѣли въ Деметрѣ эллины, а растущій хлѣбъ. Римскія божества были „объективациями мировой Воли“.

Не мало любопытныхъ страницъ посвящено въ книгѣ и самому христіанству, которое, съ одной стороны, сопоставляется съ римской религіей, съ другой противопоставляется римской философіи.

Отдѣльно отъ прочихъ этюдовъ этоитъ послѣдній: онъ написанъ съ особой любовью, и въ немъ авторъ является однимъ изъ немногихъ поклонниковъ Иммермана.

Этюдъ посвященъ символической драмѣ „Мерлинъ“, про которую поэтъ самъ говорилъ, что она „изнемогаетъ подъ тяжестью своей метафизической брони“. Размѣры этой замѣтки не позволяютъ намъ возражать О. Фр. ЗѢлинскому по поводу интереснѣйшихъ положеній и сближеній, которыми изобилуетъ его книга: ея авторъ не боится ни парадоксовъ, ни рѣзкихъ характеристикъ (назвалъ же онъ 17-й вѣкъ убогимъ!), и книга какъ бы разсчитана даже на полемизмъ возбужденной мысли читателя. Во всякомъ случаѣ появленіе „Соперниковъ христіанства“ въ Россіи въ наши дни слѣдуетъ признать очень знаменательнымъ: мы задыхаемся въ чадѣ противорѣчій. Намъ нуженъ синтезъ, а не сдѣлка.

И. Анненскій.

ВЛ. СВЕНЦИЦКІЙ. Религіозный смыслъ Бранда. СПБ. 1907. 10 коп.

Эта брошюра представляетъ собой докладъ, читанный Свенцицкимъ въ московскомъ религіозно-философскомъ обществѣ, и безусловно заслуживаетъ вниманія огненной религіозностью я автора.

Это можно констатировать вполне объективно, исходя изъ принципиально иныхъ воззрѣній на религію.

Протестъ противъ официального христіанства, противъ „слабой человѣческой жалости“, призывъ къ религіозному дѣйстви-

ванію—это тѣ послѣднія упованія, которыя можно возлагать на христіанство.

Если христіанство можетъ имѣть теперь смыслъ и цѣнность, то, конечно, только въ этихъ формулахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ для него явятся послѣднимъ, крайнимъ испытаніемъ. Вотъ почему невозможно пройти мимо нихъ.

Послѣдность работы и мѣстами философская наивность (напр. въ трактованіи вопроса о свободѣ)—крупные недостатки доклада Свенцицкаго. Но остается увѣренность, что эти недостатки не смогутъ потушить его огненности.

Б. Грифцовъ.

М. А. БАКУНИНЪ. Полное собраніе сочиненій. Т. I и II. СПб. Изд. Балашева. — Кнута-германская имперія и социальная революція. М. 1907.—Богъ и государство. Изд. „Равенства“. М. 1906.—Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб. 1907.

Писанія Бакунина продолжаютъ представлять хаосъ, и разобратъ въ нихъ не легко. Начатыя и неоконченныя статьи, затерявшіяся въ никому невѣдомыхъ газетахъ 60 и 70 годовъ, брошюры, давно ставшія величайшей библиографической рѣдкостью, письма и посланія, частью до сихъ поръ еще не увидѣвшія свѣта,—все это разбросано, не приведено въ систему, не освѣщено критикой. Бакунинъ писалъ обыкновенно безъ плана, импровизируя, по какому-нибудь частному поводу, не заботясь о стройности сочиненія и часто неожиданно мѣняя самый предметъ изложенія. Благодаря этому нерѣдко отдѣльныя части рукописи издавались разными лицами, причемъ издатели даже не предполагали, что они имѣютъ дѣло съ общео рукописью. Такъ „Кнута-германская имперія“ является началомъ большого труда, задуманнаго Бакунинымъ во время франко-прусской войны, „Богъ и государство“, изданное Э. Реклю и перев. въ изд. „Равенства“ составляетъ продолженіе, обширная статья подъ тѣмъ же заглавіемъ въ первомъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій“ представляетъ окончаніе. Все это дѣлаетъ необходимымъ научное изданіе сочиненій Бакунина, съ примѣчаніями, обозначеніемъ хронологическихъ датъ, съ указаніемъ поводовъ, по которымъ они были написаны. Ничего этого не сдѣлано въ появившихся за послѣднее время въ Россіи изданіяхъ сочиненій Бакунина. Единственное исключеніе составляетъ переписка Бакунина съ Герценомъ и Огаревымъ, изданная Драгомановымъ.

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ они изданы теперь, сочиненія Бакунина имѣютъ важное значеніе и вызываютъ къ себѣ живой интересъ. Пусть доктрина Бакунина и не изложена въ нихъ систематично; подобно апостолу Павлу, Бакунинъ разсѣялъ свои идеи въ многочисленныхъ, случайныхъ посланіяхъ; но тѣмъ не менѣе ученіе его рельефно и жизненно выступаетъ изъ мутнаго потока рѣчей, писемъ и случайныхъ статей.

Прежде всего ярко вырисовывается самая личность Бакунина. Въ бурныхъ, часто безпорядочныхъ, всегда волнующихъ, полныхъ энтузіазма фразахъ слышится гордый человѣческій голосъ, чувствуется вѣяніе вѣчной свободы, и независимо отъ вѣрности или ошибочности самыхъ идей онѣ вѣсь увлекаютъ своимъ простымъ безыскусственнымъ краснорѣчіемъ. Бакунинъ былъ яркимъ подтвержденіемъ предсмертныхъ словъ Сень-Симона: „pour faire des grandes choses, il faut être passionné“. Годвинъ далъ болѣе стройную систему анархизма, Штирнеръ обладалъ болѣе неумо-

лимою логикою, и между тѣмъ они прошли въ мірѣ, можно сказать, почти безслѣдно, Бакунинъ же наполнилъ своимъ именемъ вселенную. Въ Россіи среди студентовъ,—по словамъ Э. Реклю,—въ Германіи среди дрезденскихъ инсургентовъ, въ Сибири среди своихъ собратій по изгнанію, въ Америкѣ, въ Англіи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи среди пробуждающагося народа, пронесся онъ, какъ потокъ лавы, воспламеняя все на своемъ пути“.

Внимательное изученіе писаній Бакунина обнаруживаетъ между прочимъ полную неосновательность той репутаціи апостола разрушенія, которая создана Бакунину. За кипучимъ краснорѣчіемъ его фразъ, за огненностью его филиппикъ вовсе не скрывалось объявленіе войны, брошенное обществу и человечеству гордымъ индивидуомъ. Онъ не былъ даже сторонникомъ анархизма въ смыслѣ отрицанія всякой власти, всякихъ законовъ, всякой организаціи. Надо лишь строго различать тотъ непримѣримый революціонный методъ, который рекомендовалъ Бакунинъ, отъ его положительной программы. Новый желаемый строй не представлялся Бакунину полнымъ отрицаніемъ всего нынѣ существующаго, это была бы лишь радикальная перестройка политическихъ и экономическихъ отношеній. Менѣе всего Бакунинъ былъ индивидуалистомъ. Онъ постоянно протестуетъ противъ идеалистической морали за ея фикцію отдѣльнаго человѣка. Бакунинъ всегда признаетъ социальную солидарность и на ней строитъ свою систему; онъ признаетъ общество и его законы и, возстаивая противъ современнаго государства, построеннаго на насиліи и эксплуатаціи, строитъ обширный планъ федералистической организаціи народовъ и всего человечества.

Доктрина Бакунина еще не подвергалась серьезному изученію, и относительно нея господствуетъ до сихъ поръ множество совершенно неправильныхъ представленій.

А. Яценко.

СТАНИСЛАВЪ (А. ВОЛЬСКІЙ). Теорія и практика анархизма. Москва, 1906.

Авторъ подходитъ къ анархизму съ точки зрѣнія французскаго синдикализма (74—80) и интересуется главнымъ образомъ коммунистическимъ анархизмомъ, объ индивидуалистическомъ же имѣетъ самыя смутныя понятія, что видно хотя бы изъ того, что къ анархистамъ-индивидуалистамъ на стр. 4 и 14 онъ причисляетъ Прудона, хотя на стр. 85 самъ же вынужденъ признать, что это анархистъ-коммунист. Да и послѣдователей Прудона на стр. 6 и 14 авторъ причисляетъ къ коммунистамъ же. И источникомъ этой ошибки автора служить то, что на стр. 4, 14 и 23 онъ, не совладавъ съ неправильнымъ и измѣнчивымъ языкомъ писаній Прудона, считаетъ послѣдняго сторонникомъ частной собственности на орудія производства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Прудонъ отрицаетъ всякую собственность. А Штирнера и Тукера—этихъ настоящихъ отцовъ индивидуалистическаго анархизма—авторъ не знаетъ даже по имени. Исторію анархизма авторъ начинаетъ съ Карпократы, Зенонъ же ему даже по имени неизвѣстенъ. Да и относительно карпократійцевъ напрасно авторъ торопится съ утвержденіемъ, что въ ихъ ученіяхъ выступаетъ „Богъ противъ власти“ (7), такъ какъ на дѣлѣ никто не боролся такъ усердно съ карпократійцами, какъ представители ортодоксальнаго христіанства (Ириней). Очень смутныя понятія

авторъ имѣть и объ естественномъ правѣ, сводя всю его роль къ борьбѣ съ религіозными предрасудками. Неизвѣстенъ автору и первый теоретикъ анархизма Годвинъ. Ошибоченъ и взглядъ автора на новый анархизмъ, какъ на результатъ бунта науки противъ философіи (27), тогда какъ на самомъ дѣлѣ и новый анархизмъ, какъ и старый, есть лишь философія права, отрицающая государство. Измѣнились только основанія этой философіи (марксизмъ). Самое изложеніе ученія новаго коммунистическаго анархизма (лишь по Бакунину и Кратоткину!) на стр. 27—37 поверхностно и расплывчато, притомъ исходить изъ предвзятыхъ идей буржуазности, экономической невозможности и вреда для самой личности анархизма. На стр. 37—50 всю политику анархизма авторъ сводитъ къ такому несущественному его элементу, какъ пропаганда дѣйствіемъ, и такимъ образомъ безъ труда доказываетъ, что политика анархизма на руку лишь государственной власти, полиціи и буржуазіи, а пролетаріату приносить только вредъ, разрушая всякое единство и всякую организацию. Неудачи анархистовъ при попыткахъ ихъ осуществить свои идеалы въ жизни теперь же, которыми авторъ такъ усердно тычетъ имъ въ глаза на стр. 51—58, на самомъ дѣлѣ доказываютъ не политическое безсиліе анархизма, какъ это думаетъ авторъ, а лишь невозможность осуществленія анархическаго строя въ чистомъ его видѣ раньше, чѣмъ человѣчество выварится въ котлѣ социализма. По той же преждевременности вѣдь по словамъ самого автора (79) терпѣлъ раньше крушенія и самъ социализмъ. Мѣшаютъ предвзятая идеи автору понять, какъ слѣдуетъ, и отношеніе анархизма къ рабочему движенію (59—74). Врядъ ли можно утвердить, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 73, что вся роль анархистовъ въ этой области сводится къ намѣренному съ ихъ стороны воспитанію рабочихъ путемъ поражений. Вѣдь и революціонный синдикализмъ, на сторонѣ котораго симпатіи самого автора, есть законное дѣтище анархизма (75) въ примѣненіи къ настоящему моменту, а не гибель анархистской идеи отъ своего собственного безсилія, какъ это утверждаетъ авторъ на стр. 80. Такимъ образомъ, у автора вѣрно лишь указаніе на то, что социализмъ не есть послѣдній этапъ развитія человѣчества и что мы теперь не можемъ предугадать подробностей строя, который придетъ на смѣну социализма (84). Но и тутъ, вопреки автору, если не въ подробностяхъ, то въ общихъ контурахъ, какъ грядущихъ лѣтъ неясный слѣдъ, невѣрный свѣтъ, можемъ намѣтить строй индивидуалистическаго анархизма, къ которому авторъ относится съ такимъ пренебреженіемъ, какъ конечную стадію историческаго развитія. Вѣрны и указанія автора на то, что пропаганду дѣйствіемъ родятъ отчаяніе и месть (83). Дѣйствительно, деклассированные и дегенераты вѣдь и поставляютъ исключительно ея адептовъ. Библиографическій указатель, приложенный къ книгѣ, весьма неполонъ и случаенъ. Исключены изъ него творенія всѣхъ анархистовъ-индивидуалистовъ. Нѣтъ въ немъ и такихъ книгъ, какъ книги Амона и Штамлера, Бороваго и Яценко.

Сергей Шумаковъ.

БОРЬБА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Выпускъ I и II. Москва, 1907.

Очень цѣнное изданіе, имѣющее своей цѣлью объективно (хотя и съ меньшевистской точки зрѣнія) выяснитъ социальные

процессы русской революціи. Въ I в. его такимъ образомъ г. Мечъ выясняетъ силы реакціи, опирающейся главнымъ образомъ на крупное поземельное дворянство (Столыпинъ), а отчасти и на крупный капиталъ (Витте). Кромѣ того, съ старымъ режимомъ тѣсно сплелись и практические, и духовные интересы профессиональныхъ группъ правительственной бюрократіи, администраціи съ полиціей и, наконецъ, духовенства. Болѣе или менѣе сознательно продаютъ свои услуги „сферамъ“ и „камарильѣ“ и импреп-пролетаріатъ (физическій), а также специальная патріотическая „интеллигенція“ (духовныя). Поддерживаютъ старый режимъ часто вопреки своимъ же социальнымъ интересамъ и малосознательные уже въ силу своего социальнаго положенія классы мелкихъ собственниковъ и всякаго вообще изолированнаго раздробленнаго труда. Сознательно же изъ нихъ поддерживаютъ старый режимъ только ростовщики и кулаки. Временно и случайно реакціонна и крестьянская масса нѣкоторыхъ мѣстностей въ силу недостатка классовой сознательности. Но лейт-мотивами реакціи, повторяемъ, являются интересы помѣщика-феодала, для котораго главное—сохраненіе земли и работника (42), и нетерпимость политическая, религіозная и національная, съ чѣмъ отождествляется „патріотизмъ“ реакціи (100). А пропаганду и организацию въ отсталую среду съ ея своеобразною психикой вносятъ массовыя реакціонныя партіи, союзы и „черныя сотни“. Наконецъ, собственные интересы сознательно защищаютъ обособленные выступленія владѣльческихъ слоевъ реакціи, землевладѣльцевъ, дворянства, земствъ,—словомъ, поземельнаго класса и затѣмъ крупной буржуазіи. Вотъ взаимную игру и переплетъ всѣхъ этихъ классовъ, группъ и организаций живо и образно и рисуетъ книжка г. Меча, причемъ особое вниманіе онъ обращаетъ на крупно-землевладѣльческое дворянство. Очень жалѣемъ, что не могли воспользоваться для написанной нами еще въ октябрѣ 1906 г. для IV в. „Политическій энциклопедіи“ Слонимскаго статьи о дворянствѣ свѣдѣніями, сообщаемыми г. Мечемъ о дворянско-землевладѣльческихъ союзахъ, собраніяхъ и сѣздахъ (26—43). Въ высшей степени цѣнны и важны и свѣдѣнія, сообщаемыя г. Мечемъ о разныхъ полуправительственныхъ конспиративныхъ кружкахъ, преслѣдующихъ „патріотическія цѣли“ охраны, сыска, специфической пропаганды, уличныхъ расправъ съ „крамольниками“ и погромовъ (48—99), хотя, конечно, свѣдѣнія г. Меча въ этой области и далеко не полны хотя бы уже въ силу тайнаго характера и современности намъ этихъ кружковъ. Слабы и не полны и страницы книги, посвященныя консервативному союзу 17 октября (43—47). О собственно же реакціонной буржуазіи у г. Меча ни слова. Молчитъ онъ и объ европейскихъ ростовщикахъ, какъ опорѣ реакціи. Въ тѣни оставлена имъ и реакціонная роль духовенства (Восторговъ и Иліодоры), полиціи и войска (Сѣдлецъ). Затѣмъ П. в. г. Череванинъ посвящаетъ главному дѣятелю нашей революціи—рабочему пролетаріату. Главному, но не единственному, такъ какъ даже манифестъ 17 октября является результатомъ не изолированнаго выступленія пролетаріата, а совмѣстнаго съ другими классами населенія. Не можемъ также не отмѣтить и того, что г. Череванинъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и объективностью указываетъ, какъ на слабую связь социаль-демократіи съ пролетаріатомъ (20), на отсутствіе руководящей роли первой въ выступленіяхъ второго (105) и на политическую незрѣлость послѣдняго (107), если не считать окраинъ (30), такъ и на погрѣшности социаль-демократіи какъ

теоретическія (подмѣна реального анализа дѣйствительности революціонными иллюзіями, переоцѣнка силъ пролетаріата и недооцѣнка силъ противника), такъ и практическія (выступление 1 мая 1905 г., бойкотъ Думы 17 октября и борьба противъ кадетской Думы, введеніе захватнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня, ноябрьская забастовка, манифестъ 2 декабря, изолированность почтово-телеграфной забастовки и декабрьскаго возстанія и главное—грызня съ другими партіями и классами предъ лицомъ общаго врага, 117). Напрасно только г. Череванинъ оставляетъ въ тѣни то обстоятельство, что въ погрѣшностяхъ этихъ виновата главнымъ образомъ не социаль-демократія сама по себѣ, а подполье, въ которомъ пребывала она долгіе годы, и порожденный подпольемъ большевизмъ (къ сожалѣнію, имѣющійся и въ другихъ партіяхъ) протопоповъ Аввакумовъ и Никита Пустосвятъ нашей революціи, только вредящихъ ей дѣлу своимъ узкимъ сектанствомъ, бланкизмомъ и нетерпимостью. Самъ пролетаріатъ, впрочемъ, созналъ это и стремится покончить съ подпольемъ и партійными интеллигентскими дрызгами путемъ всероссійскаго рабочаго съѣзда (см. сборники о немъ „Организациі“ и „Сотрудника провинціи“ и статью Хрусталева въ № 1 „Народной Газеты“), толки по поводу котораго о тредъюніонистской опасности, по нашему мнѣнію, преувеличены, и напрасно поэтому г. Череванинъ это движеніе замалчиваетъ и даже пренебрежительно къ нему относится (104). Напрасно также онъ замалчиваетъ дѣятельность среди рабочихъ социаль-революціонеровъ, тогда какъ, напр., въ Петербургѣ ихъ вліяніе на пролетаріатъ очень значительно. Очень слабо и не полно (особенно сравнительно съ книгой Мартова: „Пролетарская борьба въ Россіи“) изложена г. Череванинымъ и исторія пролетаріата до 1905 г. Напрасно также онъ начинаетъ ее лишь съ 1896 г. (13), тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ связи съ голоднымъ годомъ движеніе пролетаріата началось еще въ 1892 г. (Юзово) и съ тѣхъ поръ не прекращалось. Переоцѣниваетъ г. Череванинъ и значеніе избирательнаго закона 11 декабря (79). Гвоздемъ же книги является приводимая въ ней полностью (впервые въ легальной прессѣ, если не ошибаемся) петиція, съ которою шли рабочіе 9 января къ Зимнему дворцу (24—27).

Сергій Шумаковъ.

СЕРГІЙ КРЕЧЕТОВЪ.

Алая книга. Стихотворенія. К-во «Грифъ».

Москва, 1907. Ц. 60 коп.

Редакторъ **Сергій Соколовъ.**

Исправляемъ невѣрную справку, имѣвшую мѣсто въ рецензіи о переводѣ „Каина“ Байрона (№ 6 „Перевала“):

1) переводъ „Донъ-Жуана“ ошибочно приписывается Ивану Козлову.

2) авторъ рецензіи упускаетъ изъ виду, что имѣется рядъ полныхъ переводныхъ изданій Байрона (Гербея, Брокгауза и т. д.).

Отъ редакціи.

Рукописи, доставляемыя для печатанія въ „Перевалъ“, должны быть четко переписаны, по возможности на пишущей машинѣ.

Рукописи объемомъ менѣе 1 печатнаго листа, не принятые къ печати, не возвращаются. Также не возвращаются не принятые стихотворенія.

По всѣмъ запросамъ, обращаемымъ къ редакціи, на отвѣтъ должны прилагаться марки.

За каждую перемѣну адреса подписчикомъ уплачивается 30 коп. При сообщеніи новаго адреса просятъ высылать прежнюю бандероль, безъ чего не можетъ быть сдѣлана перемѣна.

Лицамъ, купившимъ отдѣльные №№ „Перевала“, при подпискѣ №№ эти могутъ быть зачтены по расчету 35 коп. за каждый №.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Перевалъ“, могутъ удерживать 10% съ подписной платы.

Провинціальныя книжныя магазины и агентства, желающіе получать №№ „Перевала“ для розничной продажи, за условіями благоволятъ обращаться въ контору журнала.

Издатель **Владимиръ Линденбаумъ.**

== Подписная цѣна: ==
на 1 г.—4 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р.
25 к., на 3 мѣс.—1 р. 20 к.
За границу: на годъ 7 руб.
Отдѣльные №№ по 50 коп.